

РОССИЯ И ТИБЕТ

СБОРНИК РУССКИХ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
1900-1914

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЯ И ТИБЕТ

**СБОРНИК
РУССКИХ
АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ
1900-1914**

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2005

УДК 94(47): 391/399

ББК.63.3(2) 52

P76

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 04-01-16064д*

*Издательство благодарит за содействие в выпуске книги
Институт практического востоковедения (г. Москва)*

Составители

Е.А.Белов, О.И.Святецкая, Т.Л.Шаумян

Ответственный редактор

Е.А.Белов

Редактор издательства

Л.С.Ефимова

На переплете:

Агван Доржиев. Петербург, 1913 г. Из архива А.А.Терентьева

Россия и Тибет: сб. рус. арх. док., 1900–1914 / Ин-т востоковедения ; Ин-т Дал. Востока. – М. : Вост. лит., 2005. – 231 с. – ISBN 5-02-018440-3 (в пер.).

В книгу включены 122 оригинальных документа начала XX в. из Архива внешней политики Российской империи, в том числе переписка русского царя и Далай-ламы, донесения и письма российских дипломатических представителей из Лондона, Калькутты, Пекина и Урги. Публикуемые документы проливают свет на малоизученные страницы истории международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, дают представление о месте Тибета во внешней политике России.

ББК.63.3 (2) 52

ТП 2005-1-339
ISBN 5-02-018440-3

© Институт востоковедения РАН, 2005
© Институт Дальнего Востока РАН, 2005
© Оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2005

Россия и Тибет в начале XX века в зеркале неопубликованных архивных документов

Российская дипломатическая история, казалось бы детально изученная, все еще таит в себе страницы, которые, хотя и достаточно хорошо известны, являются предметом дискуссий и споров как отечественных, так и зарубежных исследователей. Одна из таких страниц, связанная с событиями почти столетней давности, касается отношений между Россией и Тибетом, русским царем и светским и духовным лидером Тибета – Далай-ламой.

Расположенный в самом центре Азии, на стыке границ крупнейших азиатских держав, труднодоступный, окруженный ореолом таинственности, Тибет в течение веков был «запретным» для посещения иностранцев. Изоляцию Тибета от внешнего мира всячески культивировали маньчжурские власти Китая, которые относились к нему как к вассальному государству в составе империи. Здесь сохранялось уникальное государственное устройство: его основу составляло политическое, экономическое и идеологическое господство ламаистской церкви. Религиозный глава – Далай-лама – живое божество – был одновременно и светским правителем Тибета. Ламаистские монастыри – их насчитывалось более трех тысяч и 100–200 тысяч лам – традиционно являлись политическими, религиозными и экономическими центрами, вокруг которых возникали города.

В столице Тибета, Лхасе, кроме правительственных учреждений находится и знаменитый дворец Потала – грандиозное сооружение из красного кирпича с золоченой крышей – резиденция Далай-ламы. На поклонение ему и тибетским святыням стекались паломники не только из соседних Индии, Китая, Непала, Сиккима, Бутана, Монголии, но и России (из Забайкалья и калмыцких степей). Это обстоятельство широко использовали правители Великобритании и России, которые мотивировали свой интерес к тибетским делам необходимостью проявлять заботу о своих подданных-буддистах, пытаясь отвлечь внимание от других, возможно, более важных причин своего интереса к Тибету, и в первую очередь – его выгодного стратегического положения в самом сердце Центральной Азии.

Повышенный интерес к Тибету во второй половине XIX – начале XX в. британские колониальные власти Индии объясняли стремлением всячески оберегать эту «жемчужину британской короны» от внешних посягательств, в первую очередь от «интриг» России, которая вела активную наступательную политику в Центральной Азии.

Именно о характере, побудительных мотивах и методах осуществления российской и британской политики в Центральной Азии, в том числе и в отношении Тибета, ведутся споры и сегодня. Действия России и Великобритании рассматриваются как часть так называемой «большой игры» – англо-русского соперничества в этом регионе, которое неизбежно воздействовало и на политику этих двух великих держав в Европе.

По тибетскому вопросу отечественными и зарубежными историками опубликовано большое число работ. Основу изучения этой проблемы в России заложили еще до 1917 г. Н.И.Суви́ров и А.Е.Сне-сарев¹. Свой вклад в ее изучение внесли и советские исследователи Л.Берлин, А.Попов, В.П.Леонтьев, П.И.Остриков, А.Ф.Остальцева, В.А.Богословский и др.². Сборники документов и материалов по тибетскому вопросу в нашей стране отдельно не издавались. В советской многотомной публикации «Международные отношения в эпоху империализма» опубликованы 24 документа, касающиеся Тибета и его отношений с Китаем, Россией и Великобританией³.

Немалое внимание тибетской проблеме уделили историки КНР. В 50-х годах они считали, что основным внешним противником, стремившимся захватить Тибет, являлась Великобритания. В отношении же тибетской политики России они избегали таких терминов, как «агрессия»⁴. В 60–80-х годах, когда советско-китайские отношения резко ухудшились, китайские историки оценивали политику царской России в отношении Тибета только как агрессивную, а об английской экспансии в Тибете лишь упоминали⁵. В 1988 г. в Пекине был опубликован на китайском языке «Сборник материалов по истории внешних сношений Китайской республики (1911–1919)». Эти материалы не являются архивными, они представляют собой выдержки из китайской прессы 1911–1919 гг. Среди этих материалов есть такой «документ», как «Секретное соглашение Англии и России о китайском Тибете», якобы подписанное представителями правительств Великобритании и России 16 февраля 1913 г. «Документ» взят из газеты «Чжэнфу гунбао» («Правительственный вестник») от 17 февраля 1913 г., № 281. Согласно этому «Соглашению», Россия будто бы получила право открыть свои «консульства» в пяти городах Тибета и вводить туда свои конвои (с. 131–132). Однако никаких других подтверждений факту подписания подобного документа пока не обнаружено, поэтому есть основания считать, что публикация в китайском «Правительственном вестнике» является фальшивкой.

По тибетскому вопросу имеется обширная англоязычная литература. В 1904, 1905 и 1910 гг. правительство Великобритании опубликовало документы британского Министерства иностранных дел и Министерства по делам Индии в специальных сборниках («Документы, относящиеся к Тибету» и «Дополнительные документы, относящиеся

к Тибету»⁶). В них содержится переписка между руководителями британского внешнеполитического ведомства в Лондоне и британскими колониальными властями Индии относительно общих направлений и конкретного осуществления политики Великобритании в Центральной Азии и Тибете. Эти документы, а также донесения английских дипломатических представителей из Петербурга и Пекина дают представление о характере британской политики в отношении Тибета, о взаимодействии Великобритании и Китая по вопросам, связанным с Тибетом, а также об англо-русском соперничестве в Азии.

Из важных источников для изучения места Тибета в международных отношениях начала XX в. следует особо отметить мемуары и записки британских военных, политиков и путешественников, которые по разным причинам оказались вовлечены в тибетские события. Среди этих работ выделяются публикации непосредственных участников британской вооруженной экспедиции в Тибет 1903-1904 гг. Ф.Янгхазбенда – «Индия и Тибет» и А.Уодделя – «Лхаса и ее тайны»⁷. Интересные наблюдения содержатся в работах британского политического резидента в Сиккиме Чарльза Белля («Тибет: прошлое и настоящее», «Народ Тибета» и др.⁸), принимавшего непосредственное участие в официальных и неофициальных переговорах между представителями Англии, Тибета и Китая относительно судьбы Тибета.

Для английской историографии характерна точка зрения, сводящаяся к признанию сюзеренитета Китая в Тибете, осуществление которого на практике зависело от могущества или слабости сюзерена – Китая. Именно это обстоятельство широко использовалось для оправдания политики британских колониальных властей в отношении Тибета, так как, по их мнению, слабость Китая как сюзерена Тибета открывала возможности для захвата его Россией, что, в свою очередь, создавало угрозу безопасности индийских границ. При оценке статей о Тибете в Конвенции между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета от 18/31 августа 1907 г. британские авторы акцентируют внимание на отказе России от дальнейшего вмешательства в тибетские дела, благоприятном с точки зрения обеспечения безопасности Британской Индии.

Новая волна интереса западных авторов к тибетским делам приходится на начало 50-х годов, когда Тибет был присоединен к Китаю, и особенно после событий 1959 г., в результате которых Далай-лама и десятки тысяч тибетских беженцев оказались в эмиграции в Индии, гималайских государствах и на Западе. Рассматривая проблему исторического статуса Тибета и правомерность действий новых пекинских властей, авторы работ неизбежно возвращались к событиям начала XX в., в том числе и к контактам между Лхасой и Петербургом. Среди этих работ следует выделить «Тибет и его история» Х.Ричардсона⁹, «Со штыками на Лхасу» П.Флеминга и в особенности работы

А.Лэмба «Англия и Китайская Центральная Азия», «Линия Макмагона: Исследование отношений между Индией, Китаем и Тибетом» и «Тибет, Китай и Индия. 1914-1950»¹⁰.

Западная, главным образом английская, историография признает именно сюзеренные, а не суверенные права Китая в Тибете и придерживается точки зрения, что в течение длительных периодов в истории отношений между Тибетом и Китаем этот сюзеренитет носил номинальный характер и что после 1912 г. Тибет может рассматриваться как независимое государство. Такой вывод содержится в материалах Международной комиссии юристов, расследовавшей положение в Тибете после 1959 г.

Аналогичной точки зрения придерживается и большинство индийских ученых, занимающихся проблемами Тибета и Гималайского региона. В их исторических исследованиях, базирующихся главным образом на архивных материалах британского внешнеполитического ведомства, также уделяется внимание российско-тибетским отношениям и реакции британских колониальных властей во главе с лордом Керзоном на тибетскую политику России. Это относится к опубликованной в 1977 г. работе Сучиты Гхош «Тибет в китайско-индийских отношениях 1899-1914»¹¹ и труду Видья Нанда «Британская Индия и Тибет»¹².

В последние годы, в особенности после кардинального изменения геополитической ситуации в Центральной Азии в результате распада Советского Союза, интерес к этому региону резко возрос. Это коснулось и Тибета. В 1993 г. Джон Снеллинг опубликовал исследование «Буддизм в России» с подзаголовком «История Агвана Доржиева, лхасского эмиссара к царю»¹³. Специальный раздел о Тибете имеется и в опубликованной в 1990 г. и получившей широкую известность монографии Питера Хопкирка «Большая игра: О деятельности секретных служб на вершинах Азии»¹⁴. Создается впечатление, что авторы указанных крупных исследований так и не пришли к определенному выводу о том, кем же был Агван Доржиев на самом деле, каков был характер его миссий к русскому царю и, наконец, какую роль играл Тибет во внешней политике России.

Отечественные и зарубежные исследователи имеют различные точки зрения по тем или иным аспектам истории тибетского вопроса. Однако практически всем им присуща одна общая черта: они не отрицают англо-русского соперничества в начале XX в. в отношении Тибета¹⁵.

* * *

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранятся уникальные документы, которые проливают свет на характер российской политики в Тибете. Часть этих документов использовалась историками, однако все дело в их интерпретации, да и тщательная работа в Архиве всегда дает возможность найти что-то новое, ка-

кой-то документ, который может изменить уже, казалось бы, устоявшиеся представления.

Материалы российского архива приоткрывают завесу над деятельностью одной из таинственных фигур, способствовавшей российско-тибетским связям, – бурята Агвана Доржиева, который, начав с паломничества к тибетским святыням, добился высочайшего доверия тибетского Первосвященника, стал его личным посланником, возглавившим тибетские миссии в Россию в 1898, 1900 и 1901 гг. Эти поездки вызвали бурную реакцию вице-короля Индии, лорда Керзона, увидевшего в них непосредственную угрозу безопасности индийских владений британской короны. Ответом стала британская военная экспедиция в Тибет 1903–1904 гг., когда фактически безоружные тибетцы вынуждены были противостоять хорошо оснащенной британской армии.

Забегая вперед, хотелось бы напомнить, что в процессе англо-русских переговоров о разделе сфер влияния в Азии именно тибетский вопрос стал тем «пробным камнем», который дал возможность выявить намерения и интересы обеих сторон и наметил пути к достижению договоренностей о Персии и Афганистане. Отказавшись на взаимной основе от вмешательства в тибетские дела и подписав Соглашение 1907 г., Англия и Россия открыли путь Китаю, который не замедлил воспользоваться благоприятной ситуацией и предпринял вооруженные действия для восстановления своего господства над Тибетом. Однако Синьхайская революция 1911 г. нарушила все планы маньчжурских властей. Правда, укрепить свои позиции в Тибете новым республиканским властям так и не удалось, и китайская армия бесславно покинула его пределы. Далай-лама провозгласил независимость своей страны, однако утвердить ее и добиться ее признания внешним миром он не смог. Не решила судьбу Тибета и специальная англо-тибето-китайская конференция в Симле в 1913–1914 гг., вокруг созыва которой развернулась активная дипломатическая борьба.

В данном сборнике представлены материалы Архива внешней политики Российской империи, отобранные из многих сотен писем, телеграмм, докладных записок, донесений официальных представителей и тайных агентов и др., хранящихся в следующих фондах:

Китайский стол, дела 85, 1448, 1453, 1454, 1455, 1456, 1458, 1480 и 1481; Трактаты, 1907 г., дело 363/340; Миссия в Пекине, дела 341, 364, 402, 409, 410, 412; Среднеазиатский стол, дело 960; Справочники, 1907, дело 13.

Всего для включения в сборник было отобрано 122 документа, из них 115 публикуются впервые. Составители сборника сочли необходимым включить два документа (№ 120 и № 121), которые были опубликованы в серии «Международные отношения в эпоху империализма», а также текст «Соглашения, касающегося Тибета» (док. № 66),

которое является составной частью Конвенции между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета от 18/31 августа 1907 г., с приложением к Соглашению еще трех документов (№ 67-69). Эти четыре важных документа о Тибете уже не раз публиковались в отечественных изданиях. В сборнике приводится и «Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-Ламе и его деятельности 1906 года» (док. № 65), представляющая большой интерес для исследователей истории России, Тибета, Монголии, Китая, Англии и Индии. Записка эта была опубликована в журнале «Восток» (1996, № 4).

Собранные документы можно было бы классифицировать по целому ряду признаков. Прежде всего, по их авторству и адресату, которому они были направлены. Здесь мы встречаем всеподданнейшие записки, которые направлялись Николаю II министрами иностранных дел России В.Н.Ламздорфом и А.П.Извольским, что само по себе говорит об интересе к тибетским делам на самом высоком уровне. Приводятся собственноручные послания Далай-ламы на имя русского царя с просьбами взять Тибет под свое покровительство, а также письма и докладные записки Агвана Доржиева – чрезвычайного посланника и доверенного лица Далай-ламы. В сборник вошли материалы переписки министров иностранных дел России, Англии и Китая, послов этих государств, российских консульских чиновников в Индии, Китае, Монголии и Англии с Министерством иностранных дел, докладные записки высокопоставленных российских чиновников о ситуации в Тибете и вокруг него.

Хронологические рамки сборника охватывают период с 1900 г., т.е. с момента прибытия в Россию тибетских миссий во главе с Агваном Доржиевым, и до 3 июля 1914 г., когда практически безуспешно закончилась Симлская конференция, а Европа стояла в буквальном смысле слова на пороге Первой мировой войны.

Документы касаются ключевых моментов этого периода: попыток активизации контактов между Россией и Тибетом; реакции на это вице-короля Индии лорда Керзона, ответившего вооруженным вторжением британской армии на территорию Тибета, захватом Лхасы и подписанием выгодной англичанам Лхасской конвенции 1904 г.; бегства Далай-ламы в Монголию и интриг вокруг возможного переезда его в пределы России в ответ на притеснения со стороны китайских властей. Важным этапом явилось начало англо-русских переговоров по европейским делам, которые непосредственно затронули и Тибет, в результате чего Россия и Англия обязались воздерживаться от вмешательства в тибетские дела, чем не замедлил воспользоваться Китай, вторгшись в Тибет и на короткое время восстановив там свое господство. Однако Синьхайская революция 1911 г. изменила обстановку, и, несмотря на то что новые власти объявили Тибет,

Монголию и Восточный Туркестан частями Китая, к 1913 г. стало ясно, что китайцы не в состоянии справиться с тибетскими проблемами, а беспокойство за безопасность границ Индии привело к инициативе созыва трехсторонней – с участием Тибета – конференции в Симле для окончательного решения его судьбы. Последний документ сборника – сообщение из Пекина о заверении китайского правительства в том, что у него нет никаких агрессивных замыслов в отношении Тибета, датированное 3 июля 1914 г. Как известно, меньше чем через месяц после этого – 19 июля/1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война. Естественно, что для всех заинтересованных держав тибетские дела отошли на второй план.

* * *

Для того чтобы представить себе реальную ценность публикуемых документов, необходимо сделать хотя бы краткий обзор основных событий, связанных с политикой Китая, Великобритании и России в отношении Тибета к началу XX в.

Прямые, непосредственные отношения между тибетским самостоятельным государством и Китаем были установлены еще в VII в., а в период правления маньчжурской Цинской династии (1644–1911) контакты между правителями двух государств стали более тесными. Маньчжуры исходили из стратегически важного географического положения Тибета и его огромного религиозного влияния и авторитета, которые могли быть использованы в борьбе против их соперников-монголов. В дальнейшем, когда в Тибете началась междоусобная борьба и одна из враждующих группировок обратилась за помощью к соперникам Цинов – джунгарским вождям, китайские власти направили в Тибет две военные экспедиции (1718–1719 и 1720 гг.), в результате чего Лхаса была захвачена китайскими войсками, которые осуществили административные реформы и оставили там военный гарнизон численностью около трех тысяч солдат. Одновременно в Лхасу были направлены два высокопоставленных китайских чиновника в качестве политических резидентов – амбаней.

К середине XVIII в. власть китайских амбаней значительно укрепилась. К 1757 г. относится восстановление института регентов при малолетних далай-ламах, причем с самого начала регенты находились целиком под влиянием китайских амбаней. Как писал один из участников британской вооруженной миссии в Тибет 1903–1904 гг. А. Уоддель, амбани, «стоя за тронem, держали все пружины, они были настоящей двигательной силой государственной машины, скрываясь за фигурой временного регента; амбани регулировали даже избрание новых далай-лам и вряд ли были далеки от старинной политики убийств, возродившейся с новой силой»¹⁶.

Продолжая политику полной изоляции Тибета от вмешательства извне, китайское правительство при Далай-ламе X (1816–1837) изда-

ло декрет, согласно которому тибетским властям запрещалось иметь какие бы то ни было сношения с иностранцами. В 1846 г. миссионеру Хуку было передано распоряжение китайского императора, в котором говорилось: «Ни один монгол, индостанец (индус), патанец или ференги (европеец) не должен быть допущен в Тибет».

Общий кризис маньчжурской империи во второй половине XIX в., подписание ряда англо-китайских конвенций, поражение Китая в японо-китайской войне 1894 - 1895 гг., восстание ихэтуаней 1899 - 1901 гг. и последовавшая за ним иностранная интервенция - все это не могло не отразиться и на китайско-тибетских отношениях. Оставаясь формально сюзереном Тибета, Китай все больше и больше утрачивал там свое влияние, так что власть постепенно забирали в свои руки Далай-лама и его приближенные.

В 1876 г. Далай-ламой XIII стал Тубдан Чжамцо. С раннего возраста его обучали грамоте, затем он получил высшее богословское образование. Для изучения тибетской философии к Далай-ламе обычно приглашали по одному ученому от каждой из семи академий трех крупнейших монастырей Тибета - Сэра, Брайбун и Галдан. От монастыря Брайбун к Далай-ламе XIII был назначен Хамбо Агван Доржиев, забайкальский бурят российского происхождения, одно из главных действующих лиц российско-тибетской эпопеи начала XX в.

Важное стратегическое положение Тибета - высочайшего в мире плоскогорья, расположенного в самом центре Азии, его влияние в качестве мирового центра буддизма усиливали интерес к Тибету со стороны таких держав, как Англия и Россия, а ослабление влияния Китая создавало для их проникновения в эту запретную страну благоприятные условия.

* * *

Как известно, британские владения в Индии были отделены от Китая Бутаном, Сиккимом, Непалом и Тибетом. Торговые и религиозные отношения между Тибетом и британскими колониями в Индии существовали еще с XVII в. - англичане были заинтересованы в развитии двусторонней торговли, а наличие в Британской Индии многочисленных буддистов побуждало английские колониальные власти к установлению прочных связей с Лхасой, что, в свою очередь, способствовало бы и укреплению авторитета и влияния англичан в самой Индии. В развитии контактов с Тибетом была заинтересована и Ост-Индская компания, рассчитывавшая не только на поставки золота и серебра из Тибета, но и на возможность использования его территории для проникновения во внутренние районы Китая. Англичане неоднократно предпринимали попытки проникновения в Лхасу, переодеваясь бутанскими или монгольскими паломниками и даже меняя цвет кожи и разрез глаз, однако китайские амбаны и послушные им регенты неуклонно пресекали их поползновения.

С середины XIX в. действия англичан стали принимать все более планомерный характер. Они постепенно присоединяли отдельные участки гималайских княжеств Сиккима и Бутана. По англо-бутанскому договору 1865 г. все вопросы внешних сношений Бутана были переданы в руки англичан. Заметим, что и Сикким, и Бутан традиционно находились в сфере влияния китайского и тибетского правительств и в этническом и религиозном отношении были тесно связаны с Тибетом.

Важным этапом в укреплении позиций англо-индийских властей в Гималаях стало подписание 17 марта 1890 г. конвенции между Англией и Китаем, согласно которой над Сиккимом был установлен британский протекторат и определялась граница между Сиккимом и Тибетом. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на переговоры 1890 г., казалось бы непосредственно затрагивавшие интересы Тибета, ни один тибетский представитель приглашен не был. Текст конвенции подписали китайский амбань в Тибете и вице-король Индии. Впоследствии это обстоятельство наложило свой отпечаток на отношения между Англией, Тибетом и Китаем.

В 1893 г. в дополнение к конвенции 1890 г. были подписаны англо-китайские «Дарджилингские правила о торговле, связях и пастбищах», в которых оговаривались права и привилегии англичан на тибетских рынках, открытие британского торгового центра в Ятунге и др.

В последующие годы лондонский кабинет, заинтересованный в дальнейшем укреплении своих позиций в Гималаях, неоднократно запрашивал англо-индийские власти о ходе выполнения условий конвенции 1890 г. и Правил 1893 г. Однако осуществление их оказалось практически невозможным из-за отказа тибетцев считать их для себя обязательными, на том основании, что они не подписывали эти документы.

Это затронуло, в частности, и вопрос о демаркации сиккимо-тибетской границы, открытие британского рынка в Ятунге и др.

В 1898 г. вице-королем Индии становится лорд Керзон. Известно, что английское правительство лишь в самых общих чертах определяло политику Великобритании в Центральной Азии. Конкретное же ее осуществление находилось в руках вице-короля Индии. Нет ничего удивительного в том, что в конце XIX – начале XX в. азиатская политика Великобритании отражала политические воззрения наиболее активных экспансионистских кругов английского правящего истеблишмента, достойным представителем которого являлся лорд Керзон.

Основной задачей на посту вице-короля Индии Керзон считал дальнейшее расширение и укрепление британских владений в Индии. Воспользовавшись проникновением России в Центральную Азию, именно Керзон выдвинул теорию, согласно которой главной целью

России являлось завоевание Индии, а Центральная Азия – лишь плацдарм для нападения на эту британскую колонию.

Как известно, русские владения в Азии нигде непосредственно не соприкасаются с Индией – их разделяют Синьцзян и Тибет. Поэтому Керзон крайне настороженно относился к успехам русской политики в Синьцзяне, а затем и к стремлению распространить русское влияние в Тибете. С еще большей активностью он пытается вступить в прямые контакты с тибетскими властями, направляет письма Далай-ламе, которые возвращаются нераспечатанными. Такая недоброжелательная реакция тибетских властей лишь подливает масла в огонь, тем более в свете сообщений британских агентов, а позднее и русской печати о том, что Далай-лама через специальные тибетские миссии направлял собственноручные письма русскому царю. Последней каплей, переполнившей чашу терпения лорда Керзона, стала небольшая заметка, опубликованная в октябре 1900 г. в русской правительственной газете «Journal de Saint Pétersbourg», в которой сообщалось, что император Николай II принял 30 сентября 1900 г. во дворце Ливадии Лхарамбо Агвана Доржиева, первого цанит-хамбо при особе тибетского Далай-ламы.

Таким образом, англичане, оправдывавшие расширение своей экспансии в Центральной Азии необходимостью обороны индийских границ, столкнулись с интересами России, которая также стремилась к укреплению своих центральноазиатских владений. В результате отношения англо-индийских колониальных властей с пограничными сопредельными территориями вышли далеко за рамки локальных пограничных конфликтов и определялись условиями так называемой «большой игры» – англо-русского соперничества в Центральной Азии, которое непосредственно затронуло и европейские интересы обеих держав.

По версии англичан, Англия лишь обороняла свои индийские владения, а Россия, захватывая одну область Центральной Азии за другой, стремилась присоединить к своим владениям и «жемчужину британской короны» – Индию. Эта точка зрения по меньшей мере спорна. Похоже, что и Россия, и Англия вели наступательную политику из стратегических соображений, в интересах развития торговли, приобретения новых источников сырья и рынков сбыта и пр. И именно в Центральной Азии столкнулись два этих встречных потока экспансии.

* * *

Попытаемся разобраться в том, каковы были истинные причины интереса России к Тибету и его светскому и духовному правителю, Далай-ламе. Ведь уже сам приезд тибетской миссии в Россию и прием ее в сентябре 1900 г. Николаем II продемонстрировали заинтересованность русских придворных кругов в установлении контактов с Лхасой.

Само собой разумеется, что непосредственных стратегических интересов у России в Тибете быть не могло хотя бы потому, что ближайший пункт русской территории был расположен на расстоянии более полутора тысяч километров от Лхасы. Правда, еще при Екатерине II русские купцы небезуспешно пытались проникнуть на тибетские рынки, участвовали в ежегодных ярмарках в Гартоке.

В России проживало около 160 тыс. бурят и около 200 тыс. калмыков, исповедовавших ламаизм. Их религиозные общины поддерживали постоянные отношения с Лхасой, они совершали паломничества в Тибет. Еще в 1741 г. лама Дамба Доржи Заяев из Цогольского дацана Забайкалья отправился в Тибет, а возвратившись на родину, добился от императрицы Екатерины II утверждения «Положения о буддийском духовенстве Восточной Сибири». Впоследствии его дневники и записки калмыка База Монкочжуева, посетившего Тибет в 1891-1894 гг., были опубликованы с переводом и примечаниями проф. А.Позднеева.

Понятно, что в интересах укрепления своей власти в Сибири и Забайкалье, а также в целях усиления влияния в Монголии царскому правительству было выгодно демонстрировать свою «заботу» о буддистах, помогая им осуществлять связи с Тибетом. Многие молодые буряты проходили курс обучения в тибетских монастырях, что придавало им больший вес на родине. Тибетские власти относились к ним как к иностранцам, поэтому буряты были вынуждены находиться на нелегальном положении, выдавая себя за сиккимских, монгольских или непальских паломников, что, безусловно, давало повод русским властям проявлять активность в отношении Тибета, объясняя это необходимостью защищать интересы своих подданных-буддистов.

Русские путешественники (а часто по совместительству и разведчики из Генерального штаба) сыграли важную роль в изучении Центральной Азии и Тибета. Достаточно назвать такие имена, как Н.М.Пржевальский, Г.Н.Потанин, братья Грум-Гржимайло, М.В.Певцов, В.А.Обручев, В.И.Роборовский и др. Особое место занимают член императорского Русского географического общества П.К.Козлов и выпускник Восточного факультета Петербургского университета, а затем профессор Восточного института во Владивостоке бурят по происхождению Г.Цыбиков. Оба оставили записки путешественников, содержащие уникальную информацию о Тибете, его жителях и о Далай-ламе.

Справедливости ради следует заметить, что отдельные в целом довольно редкие поездки паломников и путешественников из России в Тибет и торговые интересы едва ли могли явиться достаточно серьезным поводом для активизации русско-тибетских связей. Подлинные

причины их установления следует искать, исследуя особенности и основные направления восточной политики русского царизма.

Бурное экономическое развитие России со второй половины XIX в. требовало новых рынков сбыта и источников сырья, новых сфер приложения капитала. Русская буржуазия стремилась все дальше и дальше на Восток. Во второй половине XIX в. различными путями Средняя Азия была присоединена к России, которая, таким образом, подошла вплотную к границам Персии, Афганистана и Индии. На рубеже XIX–XX вв. в сферу российских военно-политических и экономических интересов постепенно вовлекались районы Сибири, Дальний Восток и Тихоокеанское побережье. К 1891–1893 гг. относится начало строительства Сибирской железнодорожной магистрали, которая должна была связать Европу с Тихоокеанским побережьем.

В 1892 г. министром финансов становится С.Ю.Витте, который стремился использовать всю мощь царизма для экономического освоения Дальнего Востока. По его инициативе в 1895 г. был создан Русско-китайский банк, который возглавил князь Э.Э.Ухтомский, один из активных проводников наступательной политики на Дальнем Востоке.

Нельзя не вспомнить и еще об одной личности, оказавшей особое влияние на формирование этой политики, – тибетском враче П.А.Бадмаеве, буряте по происхождению, выпускнике Восточного факультета Петербургского университета. Параллельно с изготовлением «чудодейственных» лечебных средств, пользовавшихся большим спросом при дворе, Бадмаев занимался крупными концессионными предприятиями. Как отмечает во вступительной статье к сборнику документов «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева» В.П.Семенов, тибетский врач едва ли «принадлежал к числу людей, способных самостоятельно разбираться в сложных вопросах политики» – «весь ум Бадмаева, вся его энергия направлены были в сторону различных афер»¹⁷.

В связи со строительством Сибирской магистрали у Бадмаева возник план, конечной целью которого было присоединение к России Китая, Тибета и Монголии. По совету «свыше» он поставил вопрос о постройке ветки железной дороги к г. Ланьчжоу, который являлся ключом к Тибету и Синьцзяну. Свой фантастический план Бадмаев основывал на предположении, что маньчжурская династия в скором времени падет, а Россия не должна упустить момент, чтобы опередить западные державы, – подготовить восстание против маньчжур, свергнуть их и захватить часть Китая, Тибет и Монголию. Хотя С.Ю.Витте имел репутацию сторонника «осторожной» политики, тем не менее правительство выдало Бадмаеву два миллиона рублей золотом для организации в Забайкалье, в Чите, торгового дома «П.А.Бадмаев и К^о»,

через который и предполагалось вести всю подготовительную работу. Бадмаев рассылал отряды вооруженных бурят и монголов в Монголию, Китай и Тибет. В докладе Николаю II от 3 мая 1896 г. Витте указывал, что «посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты». В докладе далее говорится: «По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усиливалось в последнее время – ввиду настойчивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить ее своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по моему глубокому убеждению, должна сделать все от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния»¹⁸. Из этого доклада видно, что Витте не ставил вопроса о присоединении Тибета к России (чего добивался Бадмаев), а лишь стремился противостоять усилению британских позиций в Лхасе.

После подписания в 1896 г. по инициативе С.Ю.Витте контракта на строительство КВЖД, предприятие Бадмаева стало мешать планам министра финансов, так как могло обострить русско-китайские отношения и создать конкуренцию КВЖД. Бадмаев был фактически отстранен от участия в дальневосточных предприятиях Витте.

В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка – так называемая «безобразовская клика», по имени А.М.Безобразова, дослужившегося впоследствии до должности статс-секретаря Николая II. В нее входили великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза и др. К этой группе примкнул и П.А.Бадмаев.

Безобразовцы с самого начала выступали яркими противниками Витте и его политики, так как открыто стремились к самой широкой экспансии на Дальнем Востоке под шовинистическими лозунгами. И те и другие придавали первостепенное значение «русской миссии» на Дальнем Востоке и распространению влияния России по всей Центральной Азии, а также фактически стремились к разделу Китая, правда, Витте – к разделу сфер банковского капитала, а Безобразов – к прямому разделу его территории. Все это неизбежно должно было повлечь за собой открытое столкновение с британскими интересами. «Англофобствующий и ярко германофильский» характер безобразовцев оказывал большое влияние на выработку внешнеполитических приоритетов России накануне русско-японской войны.

Если сам факт установления русско-тибетских отношений следует рассматривать как свидетельство активизации дальневосточной политики русского царизма, то его последствия вышли далеко за пределы Дальнего Востока. Географическое положение Тибета, его весьма протяженная общая граница с Британской Индией, активизация англий-

ской политики в Гималаях и Тибете на рубеже двух веков определили особое место Тибета в международных отношениях в первое десятилетие XX в., непосредственно связанное с соперничеством России и Англии в Центральной и Средней Азии.

Международная обстановка, сложившаяся к началу XX в., способствовала активизации российской политики на Дальнем Востоке. 11 октября 1899 г. началась англо-бурская война, возбудившая «аппетиты» всех конкурентов Англии, и в 1899 г. в Китае началось ихэтуаньское восстание, повлекшее за собой иностранную военную интервенцию на территорию страны. Россия воспользовалась ситуацией и ввела свои войска в Маньчжурию, вызвав серьезное недовольство Англии, Японии и США. С.Ю.Витте и министр иностранных дел В.Н.Ламздорф были готовы за определенные уступки со стороны цинского правительства вывести войска, однако безобразовцы всячески этому препятствовали.

К 1900 г. относится второй приезд в Россию тибетской миссии во главе с Агваном Доржиевым. Составители сборника сочли необходимым включить в него текст хранящейся в фонде Китайский стол Архива внешней политики Российской империи Автобиографии Агвана Доржиева, датированной 12 июня 1901 г. (док. № 2). Поэтому нет необходимости ее пересказывать. Хотелось бы обратить особое внимание на то, как А.Доржиев использует любую возможность, чтобы рассказывать тибетцам о России, убеждать в необходимости поддерживать с ней дружеские отношения, явно пытаясь настраивать своих собеседников, включая юного Далай-ламу, против Англии. Обладавший выдающимися способностями, Доржиев смог во всех тонкостях постичь духовные ценности ламаизма, овладеть тибетским языком и санскритом. Кроме того, он знал бурятский, монгольский, калмыцкий, маньчжурский и русский языки, изъяснялся на китайском.

Первый приезд А.Доржиева в Россию относится к 1898 г. Однако, как он пишет, первый прием, включая аудиенцию у Николая II, проходил в «сдержанной, недоверчивой» обстановке. Русская дипломатия еще не могла оценить, какую выгоду она сможет получить от близкого общения с Тибетом. Только в кругах, близких к Витте и Ухтомскому, Доржиев и его идея русско-тибетского сближения были встречены благожелательно в расчете на то, что Тибет можно будет использовать как средство для усиления влияния на Дальнем Востоке.

И хотя, судя по Автобиографии, Доржиев пытался создать впечатление, что осуществление плана русско-тибетского сближения зависело лишь от желания или нежелания тибетских властей, в действительности же его первая поездка не принесла желаемого результата скорее из-за осторожности русского правительства. В тот период оно опасалось оказаться втянутым в дальневосточные предприятия, грозившие обострением отношений России как с Японией, так и с Англией. Кро-

ме того, в России еще не были уверены в эффективности посредничества Доржиева в деле укрепления русско-тибетских связей. Хотелось бы обратить внимание читателей еще на один документ – письмо Агвана Доржиева министру иностранных дел России В.Н.Ламздорфу от 26 ноября 1901 г., написанное позже, уже после завершения третьей его поездки в Россию. А.Доржиев предстает человеком, готовым верой и правдой служить идее развития связей Тибета с Россией и «ее дальнейшему возвеличению». Он готов и впредь действовать в соответствии с «предначертаниями» российского правительства в деле «установления правильных и близких сношений с Тибетом» (док. № 3).

Итак, начало англо-бурской войны и «боксерского» восстания в Китае создали благоприятные условия для активизации тибетской политики России, и в 1900 г. Доржиев вновь отправляется в Петербург, где 30 сентября удостоивается аудиенции у самого Николая II, которому передает собственноручное послание тибетского Первосвященника. Именно сообщение об этом событии в петербургской прессе и вызвало столь бурную реакцию вице-короля Индии. Тем не менее, хотя на этот раз определенный интерес к визиту тибетских гостей и был продемонстрирован, русское правительство, в ответ на прямую просьбу Доржиева, не захотело давать каких-либо письменных обязательств и ограничилось устными заверениями в дружбе и передачей подарков Далай-ламе.

Весной 1901 г. Доржиев вновь отправляется в Россию в составе целой миссии, имея при себе специальные документы – полномочия послам, письма царю, подарки и др. После многочисленных встреч и бесед с видными государственными чиновниками 23 июня 1901 г. тибетские гости были торжественно представлены императору и императрице. В послании Далай-ламы, в частности, говорилось, что «тибетскому государству наносили войну и приносили много вреда иноземцы англичане», поэтому, «сохраняя верноподданнические отношения к Богдыхану и не имея симпатий и поклонностей к враждебным англичанам», он направил специальных послов, «с тем чтобы надлежащим образом установить стезю, по которой русские и тибетцы, соединившись в мире, пришли бы в доброе согласие»¹⁹.

В ответном послании Николай II выразил надежду, что «при дружественном и вполне благосклонном расположении России никакая опасность не будет угрожать Тибету в дальнейшей судьбе его»²⁰.

Совершенно очевидно, что тибетское посольство имело политический характер и что Тибет искал защиты у России против англичан, демонстрируя в то же время нежелание ссориться с китайцами. Ясно также и то, что Россия не хотела брать на себя никаких конкретных обязательств и предпринимать антианглийские действия в защиту Тибета, учитывая, по-видимому, усиление русско-японского антагонизма и начало англо-японского сближения.

После завершения переговоров Доржиев пишет цитированное ранее письмо В.Н.Ламздорфу.

Возникает вопрос: кем был Доржиев в действительности – русским агентом или бурятским националистом, для которого проповедь буддийских ценностей и защита интересов ламаистов являлись главной целью жизни? А может быть, столь длительное и плодотворное пребывание в Тибете рядом с Первосвященником пробудило в нем чувство тибетского национализма? Похоже, что на эти вопросы нет однозначного ответа. Миссии Доржиева в Россию явились поводом, которым воспользовался лорд Керзон для организации вооруженной экспедиции в Тибет, оказавшей заметное влияние на его дальнейшую судьбу.

Масла в огонь подливали активно распространявшиеся с начала 1902 г. слухи о существовании тайных договоров России с Китаем и Тибетом относительно будущего этой страны. Приводились даже различные варианты текстов этих договоров, согласно которым, например, Китай уступает все свои интересы в Тибете России и готов к совместным с ней действиям для превращения Тибета в подлинно независимое государство и т.д.

Изучение материалов АВПРИ не дает однозначного документального подтверждения существования договоров, однако приводимые версии отдельных их статей отражают проблемы, действительно бывшие предметом переговоров между Россией, Китаем и Тибетом. Например, налицо связь между сообщениями английских дипломатических представителей из Петербурга и Пекина о посылке русского чиновника в Тибет и о поездке русских через Пекин в Лхасу и материалами Архива об учреждении русского консульства в Дацзяньлу (см. док. № 15-16). В пунктах о предоставлении России прав на разработку полезных ископаемых, участии в строительстве дорог и др. прослеживаются отголоски деятельности Русско-китайского банка и его филиала в Монголии или попытки руководителя русских горных разработок в Монголии инженера де Грота в ноябре 1902 г. получить у Китая концессию на продолжение Сибирской магистрали до Тибета, в чем китайские власти ему отказали. Однако кажется совершенно невероятным, чтобы Китай мог согласиться на провозглашение независимости Тибета, когда основной целью его сотрудничества с Россией были попытки сохранения целостности Китайской империи.

Что касается англо-индийских властей, то им было выгодно верить в существование договоров. Обстановка вокруг Тибета продолжала накаляться. Британские дипломаты в Петербурге и Пекине пытаются выяснить, что же на самом деле происходит в российско-тибетских отношениях и насколько они могут угрожать интересам британской короны в Индии. Сам Керзон вначале отнесся к сообщениям о Доржиеве скептически и полагал, что для установления русского протек-

тората над Тибетом понадобится не менее десяти лет, поэтому у англичан есть время, чтобы удалить Россию из Тибета. Для этого, по его мнению, необходимо любыми путями – от переписки до применения силы – установить прямые отношения с Далай-ламой. Однако Керзон понимал, что в тот момент ни о каких военных действиях речи быть не могло. В июне 1901 г. он писал министру по делам Индии Гамильтону: «Для нас было бы безумием перейти Гималаи и оккупировать его (Тибет. – *Авторы*). Но важно, чтобы никто другой его не захватил; и необходимо превратить его в своего рода буфер между Индийской и Российской империями»²¹.

Из переписки лорда Керзона с министром по делам Индии по вопросу взаимоотношений с Тибетом видно, что между англо-индийским правительством и лондонским кабинетом существовали серьезные разногласия, которые проявлялись каждый раз, когда какой-либо вопрос внешней политики касался Индии. Так случилось и в вопросе о Тибете. То, чего Керзон не мог добиться путем переговоров, он был готов достичь силой, в то время как лондонское правительство было более осторожным и подходило к международным проблемам с учетом интересов Британской империи в целом. Министр иностранных дел Р.А.Т.Солсбери писал, что Керзон хочет, чтобы он, Солсбери, вел переговоры с Россией так, как будто за его спиной «стоит пятьсот тысяч солдат», а у него их нет.

Тем временем британская дипломатия настойчиво пытается выяснить в Петербурге и Пекине, каковы истинные намерения России в отношении Тибета. Российские чиновники всячески опровергают информацию о том, что «тибетские гости прибыли с какой-то дипломатической миссией». Доржиев, по заявлению Ламздорфа, прибыл, мол, с целью сбора средств для своей религиозной общины у многочисленных буддистов русского происхождения, а Николай II принял его в Ялте лишь с целью узнать некоторые детали о жизни Тибета. Русский министр подтверждает, что миссия имеет отношение лишь к «религиозным вопросам и не имеет политической или дипломатической цели или характера».

Однако лорд Керзон постепенно меняет свою точку зрения и открыто выражает сомнение в том, что «тибетская миссия в Россию представляет лишь монастыри». В ультимативной форме он требует подписания в Лхасе договора, который гарантировал бы Англии постоянные отношения с Тибетом. Уже упоминавшиеся сообщения о договорах лишь усугубляли худшие подозрения вице-короля Индии и настраивали его на более решительные меры. Правда, представители военного ведомства Великобритании вносили некую трезвую струю в обсуждение русских интриг в Тибете. Так, подполковник В.Р.Робертсон в «Памятной записке о предполагаемом соглашении между Россией и Китаем относительно Тибета» в 1903 г. пишет, что «Россия

никогда не перебросит через тибетскую границу столько солдат, сколько она может перебросить через афганскую». Поэтому, как полагал В.Р.Робертсон, угроза Тибету со стороны России – это не намерение захватить там прочные стратегические позиции, а стремление отвлечь внимание Англии от тех районов, где она действительно сосредоточивает свои основные усилия, а именно – в Афганистане и Персии²².

Хотя лондонский кабинет и военные достаточно трезво оценивали сложившуюся обстановку и понимали, что реальной угрозы со стороны России в Тибете англо-индийские власти могут не опасаться, идея русского проникновения в Тибет, по-видимому, оправдывала планы воинственно настроенных представителей британских колониальных кругов, которые использовали ее как повод для вооруженного вторжения на территорию Тибета. Так, Керзон все еще хотел «сорвать мелкую игру» России и заявлял: «Без малейшего промедления я пошлю английскую армию в Лхасу»²³.

Это и произошло, несмотря на неоднократные встречи российских и британских дипломатов и протесты России, несмотря на сомнения лондонского кабинета, до последнего момента не уверенного в целесообразности подобных действий, и даже несмотря на то, что уже с начала 1903 г. в Лондоне начались регулярные консультации между русским послом А.К.Бенкендорфом и министром иностранных дел Англии П.Ленсдоуном относительно возможности подписания соглашения о разделе сфер влияния в Азии.

20 марта 1903 г. министр иностранных дел России в письме послу в Лондоне Бенкендорфу формулирует принципы политики России в отношении Тибета. Он, в частности, пишет: «Императорское Правительство считает безусловно необходимым сохранение статус-кво в Тибете и что потому, если бы нынешние действия англичан в чем бы то ни было нарушили таковое, – Россия не преминет озаботиться ограждением своих интересов, конечно же не принятием каких-либо непосредственных мер в самом Тибете (отдаленном от нас Англо-Индийскими владениями), а по всем вероятностям в других соответствующих частях Азиатского Материка»²⁴.

И тем не менее англичане продолжали военные приготовления на границе, мотивируя свои действия нежеланием китайских и тибетских властей приступить к обсуждению спорных вопросов, касающихся линии прохождения границы, торговых рынков, использования пастбищ и т.д. Ситуация в пограничном районе продолжала обостряться, а в конце октября – начале ноября 1903 г. планы британского вторжения в Тибет начали непосредственно осуществляться. 6 ноября войскам был дан приказ начать широкое вторжение на тибетскую территорию.

Британской вооруженной миссии в Тибет посвящено не одно серьезное научное исследование как британских и индийских, так и отечественных авторов, поэтому в данной статье нет смысла ее специально рассматривать. Составители сборника включили несколько связанных с этими событиями документов, относящихся к 1903-1904 гг. Это сообщения российских дипломатических представителей в Индии и Китае, переписка российского министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа с послом России в Лондоне, сообщения Агвана Доржиева о жестокостях англичан в Тибете и др. Приводится и секретная телеграмма наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексева посланнику в Пекине П.М.Лессару от 11 декабря 1903 г. с предложением остановить захват Тибета Англией путем воздействия на нее в одном из важных пунктов ее среднеазиатских владений. При этом Алексей отмечает свое несогласие с высказываемой точкой зрения о том, что вторжение в Тибет «является отголоском занятия нами Маньчжурии» (док. № 13).

В ответ на это послание Лессар пишет Алексею 17 декабря 1903 г.: «Во время продолжительной службы в Средней Азии я ознакомился с ходом русско-английского соперничества в ней. Это дело многих десятков годов, и, конечно, я не мог желать выразить мнение, что действия Англии в Тибете являются отголоском занятия нами Маньчжурии. Но успехи каждой стороны в этом соперничестве зависят от политической обстановки. Местность к югу от Гималаев была в сфере влияния Англии, и быстрота действий там зависела исключительно от соображений, так сказать, внутреннего характера. Напротив, на Тибет имели притязания как Россия, так и Англия, и для утверждения в нем влияния той или другой необходимо благоприятное стечение обстоятельств. Судя по ее действиям, Англия, очевидно, считает таковым настоящее положение дел; наши силы отвлечены на Дальний Восток, и общность действий с Китаем для нас невозможна, и, таким образом, предпринятое нами занятие Маньчжурии может иметь решающее влияние на судьбу Тибета и в большей или меньшей степени отозваться на относительном положении обеих держав в Персидском заливе, Сейстане и т.д.»²⁵.

Несмотря на заверения британского министра иностранных дел российскому послу в Лондоне, англо-индийские власти считали, что, укрепившись в Тибете и создав там себе базу, связанную с Индией хорошими путями сообщения, можно будет наладить тесные связи с мусульманами Кашгарии и буддистами Монголии и Сибири, а через Кашгарию можно будет оказывать влияние на мусульман Русского Туркестана.

Таким образом, создается впечатление, что активность Англии в Тибете и России в Маньчжурии зависела от взаимного политического и военного положения: зная о затруднениях Англии в Южной Афри-

ке, Россия проводила активную политику на Дальнем Востоке; воспользовавшись неизбежностью русско-японской войны, англичане предприняли экспедицию в Тибет. Разумеется, указанные причины не были единственными, а действия сторон не столь прямолинейны, однако рассматривать связь между событиями в Маньчжурии и Тибете можно лишь в этом плане. Было бы неправомерным считать, что действия одной державы послужили причиной действий другой. И Россия, и Англия ждали лишь повода для осуществления своих давних планов. Ясно также, что все эти события стали свидетельством слабости и симптомом окончательного падения маньчжурской династии в Китае.

Напомним, что в конце 1903 – начале 1904 г. в результате подписания антирусского союза с Японией и мира с бурами внешнеполитические позиции Великобритании укрепились, и перед лицом такого противника, как Германия, Лондон ищет возможности примирения и сотрудничества с Россией и Францией.

В ноябре 1903 г. британский король Эдуард в беседе с новым русским послом А.К.Бенкендорфом выражает пожелание об установлении «лучшего взаимопонимания» между британским и русским правительствами по имеющимся спорным вопросам: речь шла о возможности переговоров по вопросам об Афганистане, который, как считал Ленсдоун, России надобно признать находящимся в сфере британского влияния; Тибет также должен был оставаться сферой влияния Англии, и России не следовало посылать туда своих представителей. Предметом обсуждения должно было также стать положение в Маньчжурии и Персии.

Однако начавшаяся в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. русско-японская война прервала переговоры между Англией и Россией, а поражения русской армии как на суше, так и на море дали возможность англичанам впредь смотреть на тибетский вопрос как на связанный лишь с интересами безопасности индийских границ, без учета русского фактора. Английское вторжение в Тибет продолжалось.

Некоторые новые нюансы появились в тибетских делах в связи с подписанием в 1904 г. англо-французского соглашения, отдельные статьи которого требовали поддержки России. Российская дипломатия не отказала себе в удовольствии заявить, что поддержит их лишь в случае получения от Англии гарантии на поддержание статус-кво в Тибете. Русское правительство опасалось, что Россия «даром окажет им (англичанам) услугу, не выговоривши себе чего-либо существенного». Французский посол в Петербурге Бомпар в беседе со своим британским коллегой Спринг-Райсом выразил мнение, что русское правительство придает важное значение вопросу о Тибете, и если обе стороны действительно хотят налаживания отношений, то тибетский вопрос может стать для этого исходным пунктом. Он отметил также,

что беспокойство России в отношении Тибета совершенно естественно, так как Лхаса является религиозным центром монгол, бурят и калмыков и захватившая Тибет иностранная держава сможет оказывать влияние на все буддийское население России. Поэтому, по мнению Бомпара, ни Англия, ни Россия не должны занимать преобладающее положение в Лхасе и этот «неблагоприятный вопрос», являющийся препятствием для достижения лучшего взаимопонимания между странами, должен быть немедленно разрешен.

В результате длительных переговоров и консультаций между Ленсдоуном, Бенкендорфом и Спринг-Райсом стороны достигли компромисса: Россия не возражает против отдельных статей англо-французского документа, а правительство Великобритании «заявляет самым категорическим образом, что до тех пор, пока какая-либо другая держава не вздумает вмешаться в дела Тибета, оно не сделает даже попытки аннексировать Тибет или установить над ним свой протекторат или взять под контроль его внутреннее управление»²⁶.

Переговоры и переписка между представителями Англии и России по проблемам, затрагивавшим интересы обеих сторон, еще раз продемонстрировали, что тибетский вопрос нельзя рассматривать в отрыве от всего комплекса англо-русских отношений.

4 августа 1904 г. английские войска вступили в столицу Тибета Лхасу. Однако Далай-ламу они там уже не застали, так как перед вторжением английских войск, 26 июля 1904 г., не надеясь на помощь своего сюзерена – Китая и рассчитывая на поддержку «белого царя», вместе с Агваном Доржиевым, двумя приближенными, врачом и восемью слугами он бежал из Тибета в сторону Монголии. 7 сентября 1904 г. в Лхасе было подписано англо-тибетское соглашение, или Лхаская конвенция 1904 г. Ее текст неоднократно публиковался, поэтому нет необходимости его пересказывать. Русское правительство отнеслось к нему как к «нарушению принятых на себя Англией обязательств не оккупировать тибетской территории и не вмешиваться во внутреннее управление страной».

Советник российского посла в Лондоне С.Д.Сазонов (будущий министр иностранных дел) имел по этому поводу беседу с Г.Ленсдоуном, который утверждал, что у русского правительства нет никаких оснований для беспокойства, так как речь идет лишь о временном занятии территории, находящейся далеко от центра Тибета (долина Чумби), и просил заверить русское правительство в том, что Англия «не намерена изыскивать поводы к уклонению от принятых на себя обязательств» и что в новых договорных отношениях касательно Тибета Англия останется верной духу данных России обещаний». Эту же проблему затрагивает и секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа от 25 июля 1905 г. послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с указанием ему объяснить с Г.Ленсдоуном по поводу даль-

нейшего продвижения англичан в глубь Тибета, что противоречит их заявлению о том, что Англия не ищет здесь для себя никаких привилегий (док. № 22).

Как бы Россия ни была обеспокоена происходившими событиями, она ничем не могла помочь ни Тибету, ни Китаю: она сама находилась в крайне тяжелом положении, так как наряду с поражением в войне с Японией назревали революционные события 1905 г.

Период пребывания Далай-ламы в Монголии – особая страница в истории русско-тибетских отношений. Русская дипломатия была поставлена перед необходимостью адекватно реагировать на то обстоятельство, что тибетский Первосвященник оказался в непосредственной близости к границам Российской империи. 6 ноября русский посланник в Пекине П.М.Лессар самым подробным образом характеризует сложившуюся обстановку и высказывает свои соображения по поводу того, как должна вести себя русская дипломатия в данной ситуации. В сборнике приводится текст этого документа. Смысл его сводится к необходимости занять выжидательную позицию, относясь к Далай-ламе со всем уважением, которого заслуживает глава буддийской религии. Изменение же к нему отношения может последовать лишь с переменами на русско-японском фронте.

Таким образом, русская дипломатия не хотела проявлять активности, но сохраняла за собой возможность в будущем, в случае необходимости воспользоваться услугами тибетского Первосвященника²⁷. Помочь же ему Россия была готова только при самых крайних обстоятельствах – если его жизни будет угрожать опасность, которая могла исходить со стороны Пекина.

Цинское правительство крайне негативно отнеслось к бегству Далай-ламы из Тибета. На первых порах оно даже хотело лишить его сана Первосвященника всех ламаистов и навсегда запретить ему возвращение в Тибет. Однако, видя, что Далай-лама находится в Монголии под опекой царской дипломатии и разведки, цинский двор меняет тактику поведения по отношению к тибетскому иерарху. К нему в Монголию едут высокопоставленные цинские чиновники, которые привозят ему деньги от императора Гуансюя и вдовствующей императрицы Цыси и уговаривают его покинуть Ургу и выехать на временное жительство в г. Синин (ныне административный центр провинции Цинхай). Цины приказывают амбаню Синина Янь Чжи выехать в Ургу и попытаться вывезти оттуда Далай-ламу. Последний категорически отказывается ехать в Синин. Цинское правительство не теряет надежды, что Янь Чжи уговорит ламаистского Первосвященника переехать в Синин, поэтому он назначает Янь Чжи амбанем в Урге.

П.М.Лессар считал, что переезд Далай-ламы в Синин «будет заточением» тибетского иерарха (док. № 25). Он вел переговоры с китайским Вайубу (министерством иностранных дел) и добился его согла-

сия на то, чтобы по крайней мере до весны Далай-лама оставался в Монголии.

Бурятское духовенство и некоторые крупные чиновники вынашивали планы переселения Далай-ламы на территорию России, в Забайкалье, и создания там нового буддийского центра во главе с тибетским Первосвященником. Царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И.Алексеев выступил за переселение Далай-ламы в Россию. 30 января 1905 г. он писал В.Н.Ламздорфу «о нежелательности удаления Далай-ламы в Синин, так как это было бы равносильно окончательному отказу нашему от пользования его услугами и признанием торжества китайских происков. Во избежание такого исхода казалось бы предпочтительным содействовать переселению Далай-ламы в русские пределы» (док. № 29).

В январе 1905 г. в Ургу прибыла делегация лам и чиновников из Тибета. Они предложили Далай-ламе вернуться на родину, а также высказали следующую идею: в том случае, если Россия не сможет оказать помощь Тибету в борьбе с агрессией англичан, искать ее следует у Франции и Германии. Лессар в связи с этим доносит Ламздорфу, что поскольку Франция и Германия находятся в дружественных отношениях с Россией, то пусть Далай-лама обращается за помощью к этим странам. Если Франция и Германия откажут в помощи Тибету, то «Далай-лама еще более убедится в том, что вся надежда для него на Россию». В то же время посланник изложил главе внешнеполитического ведомства России свое мнение о том, что Далай-ламе надо возвратиться в Лхасу и «для спасения Тибета» нормализовать свои отношения с Пекином (док. № 28).

Далай-лама не хотел возвращаться в Лхасу. Он просил российского консула в Урге В.Ф.Любу передать в Петербург его просьбу прислать к нему специального русского чиновника, который постоянно находился бы при нем. Царская дипломатия была против этого, так как назначение русского чиновника к Далай-ламе вызвало бы сильное раздражение в Пекине и Лондоне.

14 февраля 1905 г. В.Н.Ламздорф направил царю всеподданнейшую записку с предложением содействовать возвращению Далай-ламы в Тибет (док. № 32). Далай-лама же высказывает через Доржиева консулу Любе свое желание поехать в Россию и «отдать себя с полным доверием под покровительство» русского царя, причем он хочет знать, «примет ли Россия открыто пред всеми государствами под защиту от Англии и китайцев Тибет». Лессар сообщил свое мнение по этому поводу Ламздорфу: Россия не может открыто взять на себя защиту Тибета (док. № 38).

В начале июня 1905 г. новый посланник в Пекине Покотиллов, посетивший Ургу по дороге в Пекин, встречался с Доржиевым, а затем и с Далай-ламой, которому он привез подарки от Николая II. «По сло-

вам Доржиева, – писал Покотиллов в донесении в МИД, – главной и почти исключительной целью прибытия Далай-ламы в Ургу было намерение искать покровительства России при постигших Тибет невзгодах... Он присовокупил, что Далай-лама вполне понимает то затруднительное положение, в котором ныне находится Россия, но все-таки рассчитывает, что государь император не оставит Тибет и его лично своим милостивым покровительством».

В ответ Покотиллов отметил, что русское правительство «ни на минуту не ослабляло внимания своего по отношению к делам Тибета, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы ограждать эту страну от чужеземных посягательств»²⁸.

Эта беседа вновь показала, что дальше обещаний помощи на словах русское правительство не шло, да и не могло идти ввиду собственных внутренних и внешних трудностей.

Далай-лама в Урге чувствовал себя неуютно. Он выражал неудовольствие тем, что В.Ф.Люба не встречается с ним, а поэтому все переговоры ведутся через А.Доржиева или секретаря российского консульства М.Кузьминского. Глава монгольской ламаистской церкви Джебдзун-дамба-хутухта холодно отнесся к приезду Далай-ламы в Ургу, он так ни разу с ним и не встретился, видимо опасаясь того, что приезд более высокого ламаистского иерарха подорвет его авторитет среди монголов.

Летом 1905 г. Далай-лама переехал из Урги в Ван-хурэ – ставку влиятельного и образованного халхасского князя Ханда-Доржи (Хандвана)²⁹. Здесь Далай-лама развернул активную политическую деятельность, вел беседы с монгольскими князьями и высшими ламами об отделении Монголии от Китая (подробности см. в док. № 65). Его антикитайская агитация сыграла большую роль в подготовке монгольского национально-освободительного движения, вспыхнувшего в 1911 г.

Из Ван-хурэ Далай-лама посылает А.Доржиева в Петербург. В.Ф.Люба пытался помешать этой поездке. Он даже просил военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта Холщевникова задержать Доржиева в Чите, и губернатор на время задерживает здесь посланника Далай-ламы.

Судя по переписке В.Ф.Любы с МИДОМ России, консул пытался воспрепятствовать поездке Доржиева в российскую столицу, так как был уверен в том, что посланец Далай-ламы поставит перед царским правительством вопрос о водворении тибетского Первосвященника в пределах России и будет настаивать на том, чтобы Петербург дал обещание оказать помощь Тибету, против которого осуществляет агрессию Великобритания. Но поскольку царское правительство из-за международных и внутренних трудностей окончательного решения по этим вопросам еще не приняло, консул Люба, по-видимому, полагал, что А.Доржиеву в Петербурге делать нечего.

Тем не менее упорный и целеустремленный Агван Доржиев, преодолевая все преграды, прибывает в Петербург. 7 марта 1906 г. он был принят русским императором. Некоторые документы, связанные с этим, включены в сборник. Однако стоит процитировать слова Николая II, сказанные Доржиеву: «Мне всегда дороги интересы миллионов моих подданных – паствы Его святейшества, – равносильно и Тибет. Пусть мне верят, что я и со мною Россия всегда готовы помочь Тибету настолько, насколько располагаем средствами и силами, и я надеюсь, через некоторое время мы окажем Его святейшеству еще более сильную и желательную для Тибета помощь»³⁰. Но эти неопределенные обещания царя не сопровождались упоминанием каких-либо конкретных мер для их выполнения.

В российском МИДе Доржиев вел переговоры в соответствии с теми инструкциями, которые дал ему Далай-лама. Доржиев акцентировал внимание на жестокой вооруженной агрессии англичан в Тибете в 1904 г., когда Китай не оказал последнему никакой помощи, Тибет же не в состоянии своими силами дать отпор англичанам, которые в 1906 г. все еще не вывели свои войска с его территории.

К этому времени царское правительство пришло к выводу, что Далай-лама должен вернуться в Тибет. А. Доржиев заверил Николая II, что тибетский Первосвященник вскоре отправится в Лхасу «согласно совету Русского правительства». От имени Далай-ламы Доржиев просил царя послать в Тибет российскую научную экспедицию. Он также довел до сведения Николая II мнение Далай-ламы о том, что трудности, с которыми столкнулась Россия, помешали ей проявить участие «к делам Тибета в той степени, в какой она этого желала» (док. № 51).

Цинское правительство, не сумев «заточить» Далай-ламу в Синьне, приказало (через ургинского амбана Янь Чжи) тибетскому Первосвященнику ехать в Лхасу. Лондон и власти Британской Индии не хотели возвращения прорусски настроенного Далай-ламы в Тибет. И хотя Далай-лама по указанию из Пекина и по совету царской дипломатии на словах согласился выехать из Ван-хурэ в Тибет в марте 1906 г., тем не менее он тянул время, ему не хотелось покидать территорию Монголии и уезжать на свою родину, где все еще находились англичане – его политические противники. Перед русской дипломатией он ставил вопрос о том, чтобы до его отъезда царское правительство взяло на себя «посредничество к выяснению степени влияния англичан на дела Тибета и к ограничению исключительных их привилегий в стране» (док. № 52).

В июне 1906 г. между российским правительством и правительством Великобритании начались переговоры по тибетскому вопросу (несколько интересных документов о ходе этих переговоров содержатся в сборнике). И именно в это время царская дипломатия изменила свою точку зрения на местопребывание Далай-ламы. Она осознавала, что

последний имеет большое влияние в Монголии, где Россия после окончания войны с Японией стремилась укрепить свои позиции. Поэтому после длительных и основательных обсуждений (см., например, док. № 58) МИД России пришел к выводу, что Далай-ламу следует поселить в Кукуноре, в монастыре Гумбум, откуда он мог оказывать влияние и на Монголию, и на Тибет. 26 августа 1906 г. Далай-лама направляется в Гумбум, расположенный на главной азиатской магистрали, где сходятся пути, соединяющие Кашгар, Ургу, Пекин и Лхасу.

Основные соображения российского МИДа были изложены в приводимых в сборнике двух посланиях министра иностранных дел А.П.Извольского: одно из них – посланнику в Пекине Д.Д.Покотилову от 28 сентября 1906 г., второе – послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу от 16 октября 1906 г. Смысл их сводится к тому, что, хотя Россия и должна была бы прекратить официальные отношения с Далай-ламой в связи с ходом англо-русских переговоров по тибетскому вопросу, тем не менее царское правительство заинтересовано во влиянии Далай-ламы на монголов и поэтому не будет содействовать стремлению китайского правительства вернуть его в Тибет. Однако пекинское правительство в конце 1908 г. отправило Далай-ламу в Лхасу.

Начавшийся в 1898 г. важный этап в русско-тибетских отношениях к концу 1906 г. фактически завершился. Эти отношения развивались в соответствии с целями и задачами, которые ставила перед собой российская дипломатия в каждый определенный период. Осознавая тесную взаимосвязь между разрешением англо-русских противоречий в Средней Азии и на Среднем Востоке и тибетским вопросом, Россия была готова на переговоры относительно Тибета, лишь бы не обострять отношений с Англией и добиться ее уступок в более важных для России вопросах. Обмен посланиями министра иностранных дел А.П.Извольского, посла в Лондоне А.К.Бенкендорфа, посланника в Пекине Д.Д.Покотилова, английского посла в Петербурге А.Никольсона, Всеподданнейшие записки и другие документы, вошедшие в данное издание, дают возможность разобраться в тонкостях и хитросплетениях российской дипломатии, которая не хотела нарушать ход переговоров с Англией, однако не решалась окончательно отказаться от общения с Далай-ламой, опасаясь за его личную безопасность и имея в виду российские интересы в Монголии.

31 августа 1907 г. Россия и Англия подписали в Петербурге Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете (текст соглашения, касающегося Тибета, читатель сможет найти в данном сборнике). В 1908 г. Англия и Китай подписали «Правила торговли в Тибете», которые обеспечили английским торговцам определенные преимущественные права и привилегии, еще раз признали китайский сюзеренитет над Тибетом. Таким образом, Англо-русская конвенция 1907 г. и англо-китайские «Правила» 1908 г.

предоставили Китаю в Тибете исключительные возможности для укрепления своего преобладающего влияния, чем китайские власти не замедлили воспользоваться. Благодаря военному превосходству, а также обязательству России и Англии не вмешиваться в тибетские дела маньчжурские власти значительно укрепили свои позиции в Тибете, по существу поставив его на одну доску с остальными провинциями Китая, о чем свидетельствуют и представленные в сборнике документы из АВПРИ.

На рубеже 1909–1910 гг. Тибет был оккупирован китайскими войсками, Далай-лама бежал на территорию Индии, а в Пекине был обнародован императорский указ о низложении Далай-ламы. Правительства Англии и России запрашивали Пекин о причинах принятия столь крайних мер и высказывали серьезную озабоченность в связи с непосредственной угрозой безопасности и жизни тибетского Первосвященника. При этом российский министр иностранных дел А.П.Извольский писал, что «нисколько не желая вмешиваться во внутренние дела Китая, мы не можем быть равнодушны к судьбе Далай-ламы, духовного главы многочисленных русских подданных-буддистов» (док. № 83). О характере переговоров и содержании переписки по этому поводу А.П.Извольского, посланника в Пекине И.Я.Коростовца и сановников из китайского МИДа можно узнать из публикуемых в сборнике документов.

И уже находясь в Индии, Далай-лама вновь пытается обратиться за помощью к России, о чем свидетельствуют его послание Николаю II, датированное 1910 г. и привезенное в марте 1911 г. из Дарджилинга в Петербург профессором Ф.И.Щербатским (док. № 97), и письмо Агвану Доржиеву о нежелании Англии помочь Тибету в борьбе с Китаем и надеждой на помощь России (док. № 98). Сам Доржиев вновь по просьбе Далай-ламы пытается заручиться поддержкой России, и русский царь направляет 23 ноября 1911 г. Далай-ламе письмо с выражением сочувствия к трудному положению тибетского первосвященника и советом ему проводить политику доброго согласия с английским правительством по тибетским делам (док. № 101). Тем не менее в ответ на запрос Доржиева российское правительство официально ответило, что оно «ввиду отдаленности Тибета не признает личности там сколько-нибудь крупных политических и экономических интересов России. Существующие интересы чисто религиозного характера касаются лишь русских подданных-буддистов. Интересы же Англии в Тибете по преимуществу политические и экономические. Исходя из этих положений внешняя политика Тибета должна покоиться на началах дружелюбия и мира с Англией... Прежнее благожелательное отношение России к Тибету сохраняется. В религиозных делах Тибет найдет в России живейшую поддержку»³¹.

Вскоре Николай II вновь направил Далай-ламе послание, которое в начале февраля 1912 г. было передано в Дарджилинге представителем русского консульства Л.Х.Ревелиоти. Далай-лама был «бесконечно тронут высочайшим вниманием» российского императора, который сочувственно отнесся «к печальной доле» тибетского иерарха, находившегося по существу в заточении у англичан.

На этом описание российско-тибетской «эпопеи» можно было бы и завершить, так как в последующие годы роль России сводилась в основном к реакции на взаимоотношения в треугольнике Тибет – Китай – Великобритания, а также на тибето-монгольские связи.

После Синьхайской революции в Китае Далай-лама был восстановлен во всех его титулах. Был обнародован декрет временного президента Китая Юань Шикая о том, что Тибет, Монголия и Восточный Туркестан являются территорией Китая и будут управляться так же, как и провинции Внутреннего Китая.

В противовес этому 11 января 1913 г. был подписан монголо-тибетский договор, в преамбуле которого указывалось, что Монголия и Тибет, освободившись от маньчжурской династии и отделившись от Китая, образовали свои самостоятельные государства³². Русская дипломатия отнеслась к этому договору скептически, и Коростовец писал, что монголо-тибетский договор, ввиду неправоподобности сторон, «не представляет политического значения и не заслуживает названия международного акта», но все же он «не лишен некоторой симптоматичности, являясь протестом против навязываемого как Тибету, так и Монголии китайского суверенитета»³³. Читатель имеет возможность ознакомиться и с посланиями Доржиева и самого Далай-ламы, в которых сообщается о провозглашении независимости Тибета.

К середине 1913 г. российские власти ограничивали интересы России в Тибете лишь желанием облегчить русским подданным-ламаистам контакты с их религиозным главой, да и то с оговоркой, что это не должно привести к усилению среди них сепаратистских настроений. В то же время Россия признала политические и экономические интересы Англии, активность которой также была ограничена рамками конвенции 1907 г. Однако по сравнению с 1907 г. ситуация изменилась. После изгнания китайских войск сюзеренная власть Пекина фактически была сведена на нет.

В этих условиях Россия могла бы заявить о готовности не только отказаться от участия в делах Тибета, но и пересмотреть условия англо-русского соглашения 1907 г. в пользу предоставления Англии особых прав в Тибете – но не бескорыстно, а при условии получения компенсации, например, в Афганистане, где интересы России были гораздо более серьезными.

Последняя группа представленных в сборнике документов затрагивает реакцию России на подготовку и проведение тройственной англ-

до-тибето-китайской конференции по тибетскому вопросу в Симле, которая, впрочем, проходила в обстановке секретности. В ответ на специальный меморандум британского правительства России с сообщением о планах проведения этой конференции министр иностранных дел России выразил надежду, что «предпринимаемые по почину Великобритании переговоры устранят неопределенность и внесут желательное для всех сторон успокоение. Русское правительство с интересом будет ожидать обещанных сообщений о ходе переговоров в уверенности, что участие в них Англии обеспечивает от возможного принятия без ведома императорского правительства каких-либо решений, затрагивающих основы соглашения 1907 г.»³⁴.

Как известно, в конечном итоге Симльская конференция окончилась безрезультатно, так как в последний момент, уже после того, как некоторые ее документы были 27 апреля 1914 г. парафированы всеми тремя ее участниками, китайская сторона заявила о незаконности участия в конференции равноправной тибетской делегации, так как Тибет является частью Китая. Однако термин «линия Макмагона» для определения границы между Индией и Китаем еще и сегодня используется в дипломатическом лексиконе, хотя обе стороны трактуют ее по-разному.

Идеям России о возможности получить взамен Тибета «компенсации» в более важных для нее районах, например на афганской границе, так и не суждено было осуществиться. Практически через три месяца после окончания работы конференции в Симле на Европейском континенте разразилась Первая мировая война, краткосрочные и долгосрочные последствия которой изменили всю мировую систему.

Документы данного сборника составляют лишь небольшую часть материалов по тибетскому вопросу, хранящихся в АВПРИ, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном военно-историческом архиве. Таким образом, настоящий сборник может положить начало публикациям архивных документов и материалов по истории российско-тибетских отношений.

Документы сборника расположены в хронологическом порядке, снабжены примечаниями, терминологическим словарем, указателями имен и географических названий. Датировка документов дается по старому стилю. Текст документов частично выправлен в соответствии с правилами современной орфографии. Стилистика подлинников сохранена. Дополнения переводчиков документов приводятся в круглых скобках. Пояснения составителей даются в угловых скобках. В квадратные скобки заключены слова, а также многоточия, вставленные составителями. Имеющееся в документах различное написание имен и географических названий в публикуемом тексте сохраняется. Правильное их написание дается в заголовках документов и примечаниях.

Предисловие, примечания, археографическая обработка текста, составление указателей и терминологического словаря принадлежат Е.А.Белову и Т.Л.Шаумян. Составители сборника выражают благодарность за помощь в выявлении документов сотрудникам АВПРИ.

К сожалению, составителю и одному из авторов предисловия – главному научному сотруднику Отдела истории Востока Института востоковедения доктору исторических наук Евгению Александровичу Белову не суждено разделить радость выхода в свет этой работы: 17 апреля 2004 г. он скоропостижно скончался за рабочим столом. Е.А.Белов был автором более 150 трудов по новой и новейшей истории Китая, Тибета и Монголии. Его исследования переведены на китайский, монгольский и английский языки. Выход в свет сборника документов по российско-тибетским отношениям, в подготовку которого он вложил много сил, труда и души, будет лучшей памятью о нашем друге и коллеге.

¹ *Сувиров Н.И.* Тибет. Описание страны и отношение к ней Китая и Англии до последнего времени. СПб., 1905; *Снесарев А.Е.* Англо-русское соглашение 1907 года. СПб., 1908.

² См.: *Берлин Л.* Англия и Тибет. – Новый Восток. 1926, № 2; *он же.* Хамбо Абган Доржиев (К борьбе Тибета за независимость). – Новый Восток. 1923, № 3; *Попов А.* Россия и Тибет. – Новый Восток. 1927, № 18; 1928, № 20–21; *Леонтьев В.П.* Иностранная экспансия в Тибете. 1888–1919. М., 1956; *Остриков П.И.* Империалистическая политика Англии в Тибете в 1900–1914 гг. М., 1978; *Остальцева А.Ф.* Англо-русская конвенция 1907 г. Саратов, 1978; *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984; *Кулешов Н.С.* Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992; *Белов В.А.* Тибетская политика России (1900–1914 гг.). – Восток. 1994, № 3; *он же.* Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. Глава IX. М., 1997; *Shaumian T.* Tibet: the Great Game and Tsarist Russia. Oxford University Press – New Delhi, 2000.

³ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2, т. 18, ч. 1–2, т. 19, ч. 1–2, т. 20, ч. 1–2; сер. 3, т. 1–10. М.–Л., 1931–1934, 1939–1940 (во 2-й серии помещены документы мая 1911 – октября 1912 г., в 3-й серии – документы января 1914 – апреля 1916 г.).

⁴ Очерк агрессии английского и американского империализма в Тибете. [Б.м.], 1950 (на кит. яз.); *Шэ Су.* История агрессии в Тибете в период правления династии Цин. Пекин, 1954 (на кит. яз.); *Хуан Фэньшэн.* Очерк истории тибетского народа. Пекин, 1985 (на кит. яз.). Книга Хуан Фэньшэна была написана в 50-х годах, издана посмертно. Ее автор, по нашему мнению, правильно освещает тибетскую политику России. Он пишет, что Англия стремилась «единолично» захватить Тибет, но Россия, оставаясь «великой империалистической державой» несмотря на свое поражение в войне с Японией, не желала видеть Тибет под господством англичан. Англо-русское соглашение 1907 г. о Тибете Хуан Фэньшэн рассматривает как «результат давления царской России на английский империализм» (с. 304).

⁵ *Ли Шаомин*. Не скрыть преступления прежних царей, совершивших агрессию против нашего Тибета. – Лиши яньцзю. 1977, № 1 (на кит. яз.); *Фу Суньмин и др.* Очерки агрессии царской России против Китая. Чанчунь, 1982 (на кит. яз.); История агрессии царской России в Китае. Шанхай, 1986 (на кит. яз.) и др.

⁶ Great Britain. Foreign Office. Papers Relating to Tibet, Cd 1920, 1904; Further Papers Relating to Tibet, Cd 2054; Cd 2370, 1905; Cd 5210, 1910.

⁷ *Younghusband F.* India and Tibet. L., 1910; *Уоддель А.* Лхасса и ее тайны. Пб., 1906.

⁸ *Bell Ch.* Tibet: Past and Present. Oxf., 1924; *Bell Ch.* The People of Tibet. Oxf., 1928.

⁹ *Richardson H.* Tibet and Its History. L., 1962; *Fleming P.* Bayonets to Lhasa. N. Y., 1961.

¹⁰ *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. L., 1960; *он же.* The McMahon Line. A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904–1914. 2 Vols. London–Toronto, 1966; *он же.* Tibet, China & India. 1914–1950. Roxford Books, 1989.

¹¹ *Suchita Ghosh.* Tibet in Sino-Indian Relations. 1899–1914. New Delhi, 1977.

¹² *Bidya Nand.* British India and Tibet. Oxf., 1975.

¹³ *Snelling J.* Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emisary to the Tsar. Brisbane, 1993.

¹⁴ *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. Frome and London, 1990.

¹⁵ Единственным историком, который отрицает какое-либо англо-русское соперничество в Центральной Азии вообще и вокруг Тибета в частности, является Н.С.Кулешов, автор опубликованной в 1992 г. книги «Россия и Тибет в начале XX века». Суть его концепции сводится к тому, что «Россия не имела ни политических, ни военных, ни экономических интересов в Тибете, продемонстрировав свою полную непричастность к решению его проблем». По его мнению, «не существовало ни объективных обстоятельств, ни субъективных причин, которые давали бы основание предполагать наличие у русского правительства стимулов для проведения или планирования какой-либо тибетской политики» (см.: *Кулешов Н.С.* Россия и тибетский кризис начала XX века. – Вопросы истории. 1990, № 11; *он же.* Россия и Тибет в начале XX века). Архивные документы, в том числе и документы настоящего сборника, опровергают концепцию Н.С.Кулешова.

¹⁶ *Уоддель А.* Лхасса и ее тайны. Петербург, 1906, с. 34.

¹⁷ За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925, с. III–IV.

¹⁸ Там же, с. XXIII–XXIV.

¹⁹ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1448, л. 99.

²⁰ Там же, л. 100.

²¹ *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia, с. 260.

²² National Archives of India. Feb. 1903, Nos 1–88.

²³ *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia, с. 276.

²⁴ АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 414, л. 7.

²⁵ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1450, л. 135–136.

²⁶ Цит. по: *Попов А.* Россия и Тибет. – Новый Восток. 1927, т. 18, с. 118–119.

²⁷ В телеграмме В.Н.Ламздорфу от 26 декабря 1904 г. Лессар высказывает мысль, что пребывание Далай-ламы в Монголии может быть полезным в том случае, если Россия после окончания войны с Японией прибегнет «к активной политике в Монголии» (док. № 25).

²⁸ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1456, л. 108.

²⁹ Ханда-Доржи в 1911–1915 г. являлся министром иностранных дел Ургинского правительства, когда Внешняя Монголия была фактически независимым государством.

³⁰ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1456, л. 108.

³¹ Там же, д. 1458, л. 290.

³² Там же, ф. Миссия в Пекине, д. 320, л. 1.

³³ Там же, д. 319, л. 2.

³⁴ Там же, ф. Китайский стол, д. 1481, л. 11.

№ 1

1900 г. Письмо XIII Далай-ламы¹ царю Николаю II с предложением установить контакты между Россией и Тибетом

Императору Николаю, благополучно правящему многочисленными подданными величайшего государства.

Когда мой цантаб ханбо (цанит хамбо) Лубсан Агван (Агван Доржиев)² отправился, проникшись прекрасною мыслью о том, чтобы показать, каким образом упрочиться вере обитателей северных стран и всем одушевленным существам достигнуть благоденствия в той и будущей жизни, он написал, что Ваше Императорское Величество Всемиловитвейше удостоили его ласковых слов, а также благополучно управляете многочисленными подданными сообразно желанной для них вере, а в особенности выказываете заботливость о калмыках и бурятах. Прочитав это и прослышав о том, что Ваше Величество, управляя исповедующими и нашу веру, устраиваете счастье всех, я весьма радовался. Ваше Величество так же точно не отвергаете от себя и принадлежащих к многочисленным религиям, а равно весьма опытни в распространении благоденствия на гораздо большее пространство, чем распространяет дерево цзандан свое благоухание. При таких условиях как здоровье Вашего Величества?

Упомянутому цантаб ханбо я сказал: «Если Его Величество проникнется в своей чистой душе стремлением к тому, чтобы сообразно с местом и временем, в особенности наша вера процветала более, чем доньше при благоприятных обстоятельствах в той или будущей жизни, а кроме того, будет опираться постоянно на высокое тело (Будду?), являющееся залогом благоденствия и благоустройства, то от этого именно сами собою исполнятся высокие деяния по доставлению в совершенстве благоденствия всем, и Его Величество победит сопротивных и непокорных врагов.

Поэтому я ради того чтобы в совершенстве устроилось благоденствие этой и будущей жизни, постоянно возношу моления о том, чтобы проявилась истинная сила при глубоком размышлении о законах веры. Ввиду этого не соизволит ли Его Величество неотложно в своей мысли утвердить то, чтобы исполнились предначертания при содействии трех истинных драгоценностей и истинного (Будды), помогающего нашим единоверцам и всем (вообще)?» Сказав так, я в знак радости

приказал ему вручить при удобном случае в качестве подарков один шелковый хадак, изготовленный китайцами, в знак пожелания благоденствия; сделанное в прежние времена медное позолоченное изображение Будды, в качестве предмета почитания, с прекрасным одеянием; рилу*: ринчен рилу, весьма редкие могущественные рилу цасур и ганзур, уничтожающие яд и составленные из многих драгоценностей – по три; рилу: ринчен цзоду и дашиль – 10 штук; семь пачек самой лучшей драгоценности – золота (самородок?); жемчуга в зернах самого лучшего, старого, весом на 50 лан и старой хорошей тибетской бирюзы – 15 камешков (?) и отправил из летнего дворца из страны, где царит радость, доставляющая благоденствие всем.

М.П.

* Чудодейственная пилюля [*примеч. переводчика*].

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 4911, д. 1448, л. 150 и об. Копия. Перевод с монг. яз., современный подлиннику.

¹ Полное имя XIII Далай-ламы (1876–1933) – Агван-лобсан-тубден-чжамцо.

² О жизни и деятельности Агвана Доржиева (1854–1938) см.: *Пубаев Р.Е.* Агван Доржиев. – Национально-освободительное движение бурятского народа. Тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989; *Заятуев Г.Н.* Агван Доржиев – выдающийся буддийский деятель России. – 250-летие официального признания буддизма в России. Улан-Удэ, 1991; *Андреев А.И.* Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992; *Белов Е.А.* На заре российско-тибетских отношений. – Азия и Африка сегодня. 1994, № 4; *Раднаев В.Э.* Штрихи к портрету Агвана Доржиева. – Восток. 1998, № 4.

№ 2

1901 г. июня 12. Автобиография Агвана Доржиева

Предок мой подданный Русского Белого Царя, некто Ухин-Ахалаев, родом из бурят Иркутской губернии Верхоленского округа, желая найти веру и просвещение, в 1770-х годах перекочевал за Байкал, а в 1810 году перечислился в свой первоначальный Галзутский род Хоринских бурят Забайкальской области. От него на пятом поколении у некоего Дорджей рожден сын (я) по имени Агван. 18 лет от роду отправился в Тибет для усовершенствования буддийского образования. Более ста лет до этого не было ни одного случая поездки бурят в Тибет, и так как в этот промежуток времени в Тибете было издано строгое правило о недопущении в свои пределы европейцев, то я должен был скрыть свое происхождение, и под названием монгола уда-

лось мне попасть вместе с халхасцами¹ в буддийский монастырь Брайбон, имеющий около 10 т. лам. На 35 году от роду, успешно выдержав экзамен в среде 20 т[ыс.] лам трех больших монастырей Лхасы, удостоился я получить ученую степень Лхарамбо. В то время требовалось назначение от означенных трех монастырей 7 ученых Лхарамбо состоять при Далай-Ламе (тогда еще юном, в возрасте 12 лет) при изучении им цанита (буддийская философия) и литературы. Назначенный кандидатом от монастыря Гомун, я был принят в число 7 ученых и благодаря особому, преимущественно пред остальными коллегами, благоволению Далай-Ламы, я безбоязненно обнаружил пред ним истинное свое происхождение, а затем в частных с ним беседах рассказывал как мои сородичи, состоя в подданстве Русского Царя, свободно, без всяких притеснений, исповедуют свою буддийскую религию и пользуются во всем защитой Правительства.

Далее, познакомившись с тибетским царем (временным правителем Тибета во время малолетства Далай-Ламы) и высшими сановниками, не покидал также своей первоначальной мысли – распространять между ними доброе понятие о своем отечестве и всячески располагать их ко всему русскому. Однако же нашлись вскоре недоброжелатели со стороны тибетан, которые, интригуя, что русский подданный не должен занимать такой важный пост, многократно домогались пред Тибетским царем и министрами об удалении меня от должности и выселении в отечество. Наконец последовало такого рода распоряжение, но благодаря усилиям Далай-Ламы и учителя его Гыгэна Ензон Жамба-Ринбучи оставили меня по-прежнему – нетронутым.

В 1888 году приехал в Тибет (не доехал до Лхасы 200 верст) французский принц Орлеанский² с намерением завязать с Тибетом сношения и словесно передал Тибетскому Правительству: «Мы, французы, можем спасти Тибет от поползновений англичан; Франция и Россия, заключив между собою союз³, достигли величайшего в мире могущества». Эти слова принца Орлеанского как бы подтвердили мои рассказы о могуществе России, и с того времени Тибетский царь и сановники стали с интересом обращаться ко мне за сведениями о России и Европе вообще. Принц, подарив Далай-Ламе и Тибетскому царю золотые часы, а калунам серебряные часы, сверх того по 1 ружью с 1000 слишком патронами, обещал на будущее время давать оружие, вещи, золото и серебро – словом все, что понадобится, ориентируясь чрез Юннань⁴.

С того момента, как китайские чиновники, получив взятку с англичан, лишили Тибета земли, в высших сферах Тибета стали возникать тайные совещания о необходимости прибегнуть к покровительству какого-либо иностранного государства. Приглашенный на одно из таких совещаний, я должен был дать свое мнение, что в этом случае надо отдать предпочтение России, под покровительством которой находят-

ся исповедующие буддизм буряты и калмыки, и что в начальных переговорах и сношениях они могут сослужить незаменимую службу, вследствие чего Тибет стал присматриваться к России. Приблизительно около того времени Его Императорское Величество, будучи Наследником Престола, во время своего великого путешествия на Восток⁵ изволил посетить между прочим родину бурят. Слухи о том, с каким благоговением встречал бурятский народ своего обоготворяемого Монарха и какие милости были дарованы после проезда Его Высочества, не преминули проникнуть в глубь дальнего Тибета, и в понятии каждого, начиная от Далай-Ламы и высших сановников и кончая простолюдином, русский престиж заметно возвысился, и естественно должна была явиться мысль, что подобный царь Бодисатва может оказать великое благодеяние и в отношении Тибета.

Тем не менее вера в народе в непобедимость и превосходство Китая, ревниво поддерживаемая светскими властями, еще была сильна, прервать связи с Китаем не решались, с одной стороны, по той причине, что более 200 лет ежегодно отпускается из сумм государства (15) т[ыс.] лан жалованья или приношения Далай-Ламе и трем монастырям чаю на 30 т[ыс.] лан, а с другой стороны, тибетцы не могли еще забыть оказанную Китаем помощь деньгами и войском при войне их с племенами Балха, Горха и Сэнба. Убеждения мои, что Китай, благодаря своей косности, плохому правлению и продажности чиновников, готов к падению и что доказательства этого налицо – уступка земли и подданных иностранцам, – истолковывались по-прежнему на разный лад. В это время прибыл в Лхассу посланный доктором Бадмаевым бурят Очир Жигмытов. А так как в случае обнаружения цели приезда Очирова буряты могли быть приравнены к европейцам и тогда двери в Тибет угрожали быть закрытыми для них, то поэтому я счел за лучшее представить его обыкновенным богомольцем, и после совершения им поклонений наравне с монголами вернулся он обратно.

Однако замечающий положение Китая круг командировал меня в 1898 г. ознакомиться лично со строем жизни Китая, России и Франции, и я, несмотря на незнание языка названных стран, отправился через Индию и Китай сначала в Забайкал (на свою родину), где имел счастье разыскать и получить Высочайший подарок, дорогие золотые часы. Получив там сведения от князя Ухтомского⁶ быть представленным Государю Императору, я отправился в С.-Петербург, где в декабре 1898 г. и имел счастье представиться Его Величеству.

Тогда желанная цель князя Ухтомского состояла в том, чтобы немедленно отправить в Тибет посла России. Все мои объяснения о бесплодности и рискованности такой поездки, ввиду особенных условий Тибета, совершенно игнорировались, хотя я объяснял, что только при умелом и осторожном ведении дела, после двух поездок, на третьей разе явится возможность склонить Тибет на сторону России.

Воодушевляемый мыслью [о том], чтобы слава Русского Государя воссияла и распространилась повсюду до высот небес, чтобы верно-подданные Его буряты и калмыки пребывали навсегда в благоденствии и чтобы вновь обращающийся Тибет нашел в будущем истинный источник своего блага, я, не покидая своего первоначального намерения, отправил Далай-Ламе с калмыцким зайсаном Убаши Норзуновым письмо и подарки, описав подробно величие Государя Императора и вообще русского народа, критическое положение Китая, с присовокуплением, что сближение с Россией обещает для Тибета огромную будущность, а сам отправился в Западную Европу. В 1899 году в С.-Петербурге я получил отправленный обратно с тем же Норзуновым ответ от Далай-Ламы, в котором он благодарил меня за письмо и подарки и, сообщая, что народное мнение разбилось на три партии, просил поскорее приехать и переговорить лично. Вследствие сего я поспешил выехать из Петербурга познакомиться с обстоятельствами дела князя Ухтомского для доклада Государю Императору. Путь свой держал через Пекин, Калькутту и Доржилин. Далай-Ламой был принят радушно, с доверием и милостью несравненно большими прежнего и возведен в 3-й чин и звание старшего хамбы с правом голоса во всех делах политики и веры. Из разговоров выяснилось, что когда письмо мое Первосвященником было предъявлено министрам, то одни сочли неудобным искать союза в другом месте, оставив Францию, которая раньше всех сама выразила желание завести сношения; другие полагали, что было бы политичнее подружиться с англичанами, так как, оставаясь врагами в соседстве, они могут причинять каждый раз беспокойство; третьи же – именно господствующая часть – осталась при мнении, что лучше обратиться к России, где беспрепятственно процветает буддизм. Таковы три партии, о которых писал мне Далай-Лама в письме, доставленном Норзуновым.

Поставив условием для всех – от высшего до низшего – соблюдать, под страхом смертной казни, прежнюю замкнутость Тибета и возобновлять это обязательство периодически чрез каждый промежуток времени, – решили вновь командировать меня с письмом и подарками к Русскому Императору, чтобы, познакомив русский народ с такими особенными условиями страны, испросить Его Императорского Величества соизволения. Несмотря на распространившиеся слухи [о том], что в деле сближения Тибета с Россией фигурирует какой-то бурят, я вынужден был избрать рискованный путь чрез Калькутту и дорогой, в Доржилине, разыскал посланного калмыка – Норзунова, который находился под надзором английских властей. Приближаясь к Тяньцзину и осведомившись об осложнениях в Китае⁷, должен был повернуть в Японию, откуда, проехав через Сибирь, в сентябре месяце 1900 г. в Ялте имел счастье представиться Его Величеству, поднести письмо и подарки от Далай-Ламы и доложить о тибетских делах.

Г.г. министры: граф Ламздорф⁸, статс-секретарь Витте⁹ и генерал Куропаткин¹⁰, с которыми я имел честь беседовать на этот счет, были такого мнения, что покровительство Тибету может быть обещано только при условии учреждения русского консульства внутри страны, но, когда я объяснил, что, впустив однажды русских в свои пределы, Тибет не в состоянии будет противостоять наплыву остальных европейцев и тогда они могут завоевать влияние в ущерб русским, мнение мое в принципе было одобрено, и более ближайшим к Тибету местом учреждения консульства казался Туркестан, но, за отсутствием посреди не населения и хороших путей сообщения, выбор этот был найден снова неудачным, и потому общий выбор пал на предложенный мною пункт Да-Цзянь-лу, находящийся между Тибетом и Китаем и на самой Пекинской почтовой дороге.

Получив необходимые указания и инструкции, я должен был поспешить обратно в Тибет, но на этот раз, из опасения англичан, несмотря на позднюю осень, рискуя перенести все трудности и лишения (обыкновенно в это время караванный путь прекращается), отправился сухим путем и на 3[-м] месяце непрерывной днем и ночью езды достиг благополучно Лхассы. Далай-Лама и министры встретили меня с необыкновенною радостью, остались очень довольны результатами моей поездки, узнав от меня подробно благорасположение России; прежние недоумения относительно выбора протектората рассеялись, и укрепилось мнение, что Тибет в конце концов нашел покровителя более прочного и более надежного, чем Китай. Таким образом, почва для того, чтобы Тибет обнаружил свои связи, была уже готова, но, к несчастью, вследствие последних событий в Китае, внутри Тибета, в особенности среди простолюдинов, распространились разные нелепые слухи, что причиной раздора были европейцы и европейские миссионеры. Поэтому, не решаясь пока, впредь до успокоения умов, принимать открыто русских при всем к тому желании, сочли необходимым командировать меня вновь с верительным письмом для доклада о таких обстоятельствах и заключения договора на более прочных началах.

Было известно, что английские газеты, осведомившись из русских источников о приеме меня в 1900 г. в Ялте, стали печатать статьи, что раньше, чем Россия возьмет Тибет чрез посредство бурят, возьмет его Англия чрез посредство Непала. Чрез королей Непала, Сиккима и наместника Ладака¹¹ были присланы Далай-Ламе три английских письма с приглашением заключить союзный договор, якобы для блага обоих соседей, причем обещалось выдавать все что понадобится. Непальский король, подарив Далай-Ламе лошадь, стоящую 15 000 рупий, и великолепный экипаж, обещал в августе 1901 года прислать слона, украшенного золотом и серебром, и вообще непальцы с недавних времен стали всячески угождать, делая приношения и пр. В целях удо-

стовериться в искренности подобного образа действий непальцев я выехал 2 марта 1901 года в Непал*.

Отсюда далее в Индию не пропускают без билета от короля. Монголам и тибетцам выдают билет не иначе как за поручительством хозяина квартиры, что они вернутся обратно, вследствие сего, чтобы получить билет, нам пришлось оставить в своей квартире вещи и одежду в трех сундуках. В билете были мы названы паломниками и выражалось требование пропускать нас без задержания; тщательно проверять бумаги, которые будут при нас. Ввиду такого требования страху нашему быть задержанными в таможнях с письмами не было границ, и бумаги свои провезли зашитыми в чулках и старых одеждах. Иначе не было никакой надежды встретить законного обращения, кроме полного произвола. С каждых 100 рупий заплатили по 5 рупий пошлин. Пройдя пешком около 8 суток, сели мы в Рагапуре на железную дорогу, и в пути (через Бомбей в Коломбо) городские в каждом месте следили за нами с видимым подозрением, расспрашивали откуда, зачем и куда едем, записывали наши имена, но получая ответ, что непальские богомольцы, успокаивались. Есть наверно места, где монголов и тибетцев не пропустили бы. Затем, пробыв 5 дней в карантине на юге Индии (Тютюкорин), оттуда прибыв в Коломбо, благодаря благосклонному содействию русского консула и купеческого доверенного Малыгина сели на добровольный флот и прибыли 12 июня 1901 года в Одессу.

* Путь чрез Гималаи очень затруднителен, выючных животных нет, а также не употребляются животные для езды и в Непале. Страна изобилует высокими горами, в долинах население очень густое; народ живет крайне бедно; 1 человек может пропитаться на 1 чок серебра (весом 1 зол. 3 дол.) 6 суток. Резиденция короля Ямбо — небольшое местечко с населением около 10 000. Из древних замечательностей там находятся два субургана (храмы): один вышиною около 50 сажень, возведенный, по преданию, 7 или 8 тысяч лет тому назад, при бурхане Гашиб (до Будды), а другой — около 30 саж. вышиною, тоже относится к древности — несколько десятков тысяч лет. Туземцы благоговечат пред ними, но в общем — монастырей и хавараков встречается немного. Король убит своим министром, который занял его место в январе 1901 года, и я был очевидцем, когда он делал смотр войскам и присутствовал на играх вместе с английским чиновником, привезшим из Лондона поздравительное письмо. Король происходит из племени горка (ранее это племя обитало около Гасмира) (по-индийски — Гасмира, а по-тибетски — Каче), по вероисповеданию брахманист, непальцы же — буддисты. В Лхассе живет много непальских торговцев и консул с небольшим отрядом войска. Ранее было несколько случаев сражений между непальцами и тибетцами, и теперь временами возникают столкновения. Много непальцев служит в рядах английских войск, и мне приходилось видеть непальцев с медалями и знаками воинского отличия.

Предание гласит, что тибетский народ происходит от смешения обезьяны-самки с брахманином-самцом в горах Гонборе, отстоящих к югу от Лхассы на расстоянии 200 верст, и до сих пор местность эта носит название по-тибетски «Цзэтан» (в переводе — «место игр»). Отсюда, размножившись и разветвившись впоследствии на 16 отдельных родов, племя это обитало в снежных странах в диком состоянии без царя и правления до тех пор, пока не явился один человек из Индии, происходящий из рода

индийского царя Мангур. На любопытство тибетцев, кто он такой и откуда явился – по незнанию языка, указал он на небо и вследствие сего, пред[по]ложив, что незнакомец есть явившийся с неба, а потому достоин почитания, тибетцы, посадив его на шею, взяли к себе и сделали своим царем. Отсюда царь этот прозван Хузун сандалито (т.е. имеющий сиделище на шее). Царем этим впервые возведены здания (байчин), и до сих в Тибете постройки носят название Юмбу-лакан. Через двадцать поколений у Хана Торенянсаль неизвестно откуда появился на дворце стеклянный субурган со священными книгами. Хан, веруя и поклоняясь этому субургану, достиг более 100 лет, и все остальные, последуя его примеру, достигли желанного, а поэтому царь этот считается первым воспривавшим Буддизм¹². После него, на 25 поколений, назад тому приблизительно 1100 лет, тибетский царь Сренцзан Гамбо¹³, женатый на дочерях китайского императора и непальского короля, основал Лхассу и много способствовал распространению буддизма. От него чрез пять поколений царь Тисрун децзан также много способствовал распространению в Тибете Буддизма, снарядив учеников в Индию, где процветал тогда Буддизм, достал оттуда много ученых Бандид, священных книг, и перевел их. Приблизительно назад тому 800 лет Тибет разбился на много мелких самостоятельных княжеств, лет 300 тому назад, при пятом Далай-Ламе Агван-Лобсан-Джамсо¹⁴, происходящий из монг[ольского] племени Хошигот Гыген Гучи Данзан-чой жал, завоевав влияние среди тибетан от Кам до Ария, объединил их под властью Далай-Ламы, который, будучи троекратно приглашен Императором Маньчжурской династии Шуньчжи¹⁵, приехал в Пекин, где ему устроили замечательную встречу и поднесли много ценных приношений. С тех пор завязываются близкие сношения между Тибетом и Китаем (примеч. Автора).

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1448, л. 162–167 и об. Копия.

¹ Халхасцы – северные монголы. Отсюда название Халха (Северная Монголия).

² Орлеанский, Филипп (1869–1926) – правнук французского короля Луи Филиппа.

³ Франко-русский союз как противовес возглавляемому Германией Тройственному союзу был заключен в 1891 г.

⁴ Юннань (Юньнань) – провинция на юго-западе Китая, граничащая с Тибетом.

⁵ Князь Э.Э.Ухтомский – один из приближенных к царю Николаю II, тяготел к буддизму.

⁶ Николай Александрович Романов, будучи наследником престола, посетил Индию, Цейлон, Вьетнам, Китай, Японию в 1891 г.

⁷ В 1900 г. в Северном Китае происходило восстание ихэтуаней («боксерское» восстание).

⁸ В.Н.Ламздорф (1844–1907) – в 1882–1896 гг. директор канцелярии МИДа, с 1897 г. – товарищ (заместитель) министра, в 1900–1906 гг. – министр иностранных дел России.

⁹ С.Ю.Витте (1849–1915) – с 1889 г. – директор департамента железных дорог Министерства финансов, с февраля 1892 г. – министр путей сообщения, а с августа 1892 г. до августа 1903 г. – министр финансов. Витте оказывал значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. В 1905–1906 гг. возглавлял Совет министров России.

¹⁰ А.Н.Куропаткин (1848–1925) – русский военачальник, генерал-адъютант. В 1883–1890 гг. служил в Главном штабе, в 1890–1897 гг. – начальник Закаспийской области, в 1898–1904 гг. – военный министр, с 13 октября до

7 февраля 1904 г. – главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. Во время Первой мировой войны командовал соответственно корпусом, армией, Северным фронтом. С июля 1916 г. по февраль 1917 г. – генерал-губернатор Туркестана.

¹¹ Ладак – территория на северо-востоке Индии, граничит с Тибетом и Синьцзяном, население исповедует буддизм.

¹² Буддизм проник в Тибет из Индии в VII в., к концу VIII в. он стал государственной религией тибетцев.

¹³ Сренцзан Гамбо (Сонгцэн-гампо, 617–649) – создатель первого тибетского государства. Ему приписывается основание Лхасы.

¹⁴ Пятый далай-лама Агван Лобсан Джамсо (1617–1682) – распространил власть секты Гэлугба («желтошапочников») над всем Тибетом, став его духовным и светским правителем. С этого времени в Тибете установилась теократическая форма правления.

¹⁵ Шунь-чжи – император из династии Цин, правил в Китае с 1644 по 1661 г.

№ 3

1901 г. ноября 26. – Письмо Агвана Доржиева министру иностранных дел России В.Н.Ламздорфу с заверением способствовать делу установления отношений между Россией и Тибетом

Ваше Сиятельство,

Глубокоуважаемый граф Владимир Николаевич!

Поставив целью моей жизни служение людям одной со мной религии, я, по мере сил моих, старался осуществить задачу наибольшего сближения между Русским Правительством, высокою защитою которого тяготеют эти народы, и хотя я сознаю вполне, что страна Тибета и правительство Далай-Ламы и по настоящее время являются еще не подготовленными настолько, чтобы завязать правильные и непосредственные сношения с правительством России, но все же отдельные попытки, сделанные в этом направлении, сопровождались таким успехом, что заслужили внимание самой царственной власти, благодаря просвещенному содействию Вашего Сиятельства, призванного руководить внешнею политикою России, и даже лично я трижды удостоился высокого счастья быть представленным Его Императорскому Величеству, изволившему благосклонно отнестись к моей троекратной поездке из Тибета в Россию, совершенной мною на свой собственный страх и сопряженной, смею сказать, с известными жертвами и даже опасностью для жизни, не допускающими сомнения в искренности высказанных здесь моих стремлений, осуществленных мною без всякой поддержки с чьей-либо стороны.

Счастливым сознанием, что моя слабая работа приносит хотя некоторую долю пользы, получив соизволение Его Императорского Величества принять меня в ноябре месяце через Ваше Сиятельство в бытность мою здесь летом, я приехал из Забайкалья и, готовясь воспользоваться данным мне вновь разрешением лично предстать пред Его Императорским Величеством, я не могу отказать себе в желании засвидетельствовать перед Вашим Сиятельством мою полную преданность делу установления правильных и близких сношений с Тибетом и готовность всегда и по первому требованию служить России в этом направлении наравне с прочими подданными ее, к которым от рождения имею счастье и честь принадлежать и я, не считаясь ни с какими соображениями, кроме единственного блага народа, составляющего часть Великой Российской Державы, и готового всегда по мере сил своих способствовать ее дальнейшему возвеличению.

Представляя себе дальнейшее развитие интересующего меня дела, которому предстоит несомненно широкое будущее и которому я буду и впредь отдавать свои лучшие силы и стремления, и первым моим долгом считаю почтительнейше просить Ваше Сиятельство не отказать мне в ценных для меня указаниях, которыми я мог бы руководствоваться в дальнейшем, дабы тем правильнее направить свою работу в полном соответствии с предначертаниями Русского правительства, столь опытным и просвященным представителем которого являетесь Вы, Ваше Сиятельство.

Позвольте почтительнейше просить Вас принять мои искренние уверения во всегдашней глубокой моей преданности.

Старший хамбо при Далай-Ламе А.Доржиев

С.-Петербург, ноября 26 дня 1901 г.

| *АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1448, л. 185 и об., 186. Подлинник.*

№ 4

1902 г. сентября 4. – Телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине П.М.Лессару о том, что российское правительство не замышляет никаких агрессивных действий в отношении Тибета

Можете дать Китайскому Правительству самые положительные заверения, что, помимо приема в прошлом году почетной депутации от тибетцев, прибывшей в Петербург для приветствования Государя Императора от имени Далай-Ламы, никаких сношений между Россией и Тибетом не устанавливались.

Таким образом, сообщение англичан об агрессивных замыслах российского правительства по отношению к названной области представ-

ляет чистый вымысел. Клемму¹ поручено проверить полученные Вами сведения.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 6. Подлинник.

¹ В.О.Клемм – российский консул в Бомбее с 1900 по 1906 г.

№ 5

1903 г. апреля 18. – Секретное донесение российского консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о том, что правительство Британской Индии пока не замышляет решительных действий по отношению к Тибету

Мой калькуттский корреспондент сообщает, что последнее время там упорно держится слух, что Индийское Правительство замышляет решительные действия по отношению к Тибету в противовес захвату Россией Маньчжурии¹ и что с этой целью войска двигаются в Сикким. Полагаю, что это ложная тревога и что войска, именно саперы, посланы лишь для исправления колесной дороги от Дарджилинга к тибетской границе за недостатком рабочих, о чем имеются официальные сведения.

Следует, однако, отметить, что индийское правительство строжайше воспретило вывоз в Тибет железа, стали и всяких металлов, пригодных для выделки оружия и патронов, и что иностранцам доступ в Сикким воспрещен.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 27. Копия.

¹ Россия ввела войска в Маньчжурию в 1900 г., в разгар Ихэтуаньского восстания; вывела их в 1905 г.

№ 6

1903 г. июля 3. – Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине П.М.Лессару с опровержением слухов о появлении русских в Тибете

(Шифром)

Ни на чем не основанные слухи о появлении русских в Тибете периодически повторялись и несомненно исходят из английских источ-

ников. Вам следовало бы раз навсегда категорически объясниться с Князем Цином¹ по этому вопросу и указать ему, что к этой уловке прибегают, с тем чтобы отвлечь внимание китайцев от их собственных затаенных планов в Тибете, о которых мы имеем достоверные сведения из Бомбея.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 30. Подлинник.

¹ Князь Цин (И Куан) – главноуправляющий Вайубу (Министерства иностранных дел Китая).

№ 7

1903 г. октября 17. – Секретная телеграмма консула в Бомбее В.О.Клемма в Министерство иностранных дел России о подготовке англичан к военным действиям против Тибета

Английская комиссия по переговорам с Тибетом, не добившаяся, по-видимому, до сих пор никакого решения, вызвана в Симлу для доклада и новых инструкций. Индийское правительство намерено, по-видимому, действовать решительнее. К тибетской границе спешно свозится провиант и военные припасы. От конечной станции Бенгалодуарской железной дороги, Багра, ныне начата и спешно сооружается железная дорога в Падон, в Сиккиме, в обход ненадежной колесной дороги по долине Тиста. О передвижении войск к границе, кроме имеющихся уже там, пока не слышно.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 35а. Копия.

№ 8

1903 г. октября 20. – Секретное донесение консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о замыслах правительства Британской Индии направить военный отряд в Тибет

Судя по имеющимся у меня сведениям, английская комиссия, командированная в июне сего года на тибетскую границу для переговоров с китайским и тибетским уполномоченными об установлении правильных торговых сношений между Индией и Тибетом и для решения некоторых вопросов, до сих пор еще не могла приступить к вы-

полнению возложенных на нее задач вследствие бесконечных проволок со стороны тибетских властей. Комиссия не теряла, однако, времени совершенно напрасно, а произвела за эти несколько месяцев подробные съемки пограничного района и, насколько это возможно было, также смежной тибетской территории. В то же время колесная дорога к тибетской границе по долине реки Тиста спешно разрабатывалась войсками, хотя и не совсем удачно, так как ливни то и дело смывали части этой дороги, иногда на значительном протяжении.

По последним сведениям, стоящий во главе Комиссии майор Иенгхезбенд (Янгхазбенд) вызван из Камба-Джонга в Симлу для доклада Вице-Королю о положении дела и для получения новых инструкций. Если верить тому, что мне недавно пришлось слышать частным образом, то эти новые инструкции будут весьма решительного свойства. Говорят, что Иенгхезбенду будет приказано занять, если нужно силою, все спорные пункты на границе и затем в сопровождении достаточно сильного отряда двинуться в глубь Тибета по направлению Лхассы, пока он не встретит тщетно ожидаемых представителей Далай-Ламы.

Я усомнился бы в достоверности этих сведений, если бы почти одновременно не появилось в газетах два важных известия, а именно что интендантство спешно отправляет по долине Тиста на тибетскую границу провиант и боевые припасы и что начата и также спешно ведется постройка железной дороги от конечной станции Бенгало-Дуарской железной дороги, Багракот, в местность Падонг в Сиккиме, в обход вышеупомянутой ненадежной колесной дороги.

Бенгало-Дуарская железная дорога идет почти параллельно Дарджилинской дороге, на востоке от последней (прилагается карта¹). Что же касается местности Падонг, то я не мог найти ее ни на одной из имеющихся у меня под рукой карт, даже на специальной карте Непала, Сиккима и Бутана. Это не может быть Понтонг, ибо последний находится на одном из западных притоков Тиста, а дорога, очевидно, пойдет на восток от этой реки. Скорее возможно, что это местечко Ятонг в северном Сиккиме. К выяснению этого вопроса, равно как и общего направления новой линии, мною уже приняты зависящие меры.

Как бы то ни было, постройка железной дороги, при всей спешности, займет немало времени и дороге этой суждено играть известную роль лишь в будущем. К тому же для небольшой экспедиции в Тибет не понадобится передвигать большие массы войск, провианта и т.п. Но эта постройка означает, что индийское правительство, невзирая на трудности, окончательно остановилось на сиккимском направлении в вопросе о соединении Индии с Тибетом большою военно-торговою дорогой. Действительно, у меня имеются также сведения, что ассамское направление (из Седии по р. Брамапутра) признано неподходя-

щим по многим причинам и что там со временем будет приступлено лишь к устройству караванной дороги из Седии в Батанг в восточном Тибете по долине притока Брамахунд через м[естечко] Рима.

Донося о вышеизложенном Вашему Превосходительству в дополнение секретной моей телеграммы от 17 сего октября, считаю долгом присовокупить, что до сих пор нет никаких сведений о передвижении войск к тибетской границе. Впрочем, может быть, это уже делается секретным образом и во всяком случае на это не потребуется много времени, так как в дополнение к имеющимся уже в конвое английской комиссии пехотным частям придется, вероятно, двинуть только отряд кавалерии и, может быть, одну горную батарею.

С глубоким почтением и проч.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 35 и об., 36. Копия.

¹ Карта составителями не обнаружена.

№ 9

1903 г. октября 24. – Секретное донесение консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о решении правительства Британской Индии предпринять военный поход в Тибет

Monsieur Directeur!

Слух о предстоящем походе в Тибет, о котором я имел честь упомянуть в секретном донесении от 20 октября № 38, отправленном с последней французской почтой, не замедлил оправдаться. Телеграмма из Симлы от 3 ноября нов. ст. возвестила в весьма определенных выражениях, что Индийское Правительство решило предпринять экспедицию в Тибет, если только на это последует согласие Лондонского Кабинета. В числе воинских частей, которые имеют быть двинуты в Тибет, называют 23-й и 32-й пионерные полки и роту саперов, закончивших недавно разработку колесной дороги по долине Тисты чрез Сикким и даже частную по тибетской территории до местечка Камбаджонга, где английская комиссия до сих пор тщетно ожидала прибытия китайского и тибетских делегатов. Позднее было добавлено, что в состав отряда войдут еще одна горная батарея и полевой госпиталь, который спешно мобилизуется, и, может быть, еще один пехотный полк. Начальство над всем отрядом поручается полковнику Макдональду, и для удобства сношений с Комиссией проведен телеграф до Камбаджонга.

В статьях, комментирующих означенную телеграмму, необходимость похода мотивируется упорством тибетских властей, а равно опасностью, которую представило бы распространение на Тибет влияния России, давно-де заигрывающей с правительством Далай-Ламы.

О конечной цели экспедиции определенно не говорится, но, по-видимому, индийское правительство собирается навязать Тибету постоянного британского резидента в Лхассе. Решение индийского правительства предпринять трудный зимний поход указывает на спешность дела, к которому ранее полного окончания дороги по Тисте не решались, вероятно, приступить. В сегодняшней телеграмме из Симлы подтверждается, что ожидается еще согласие великобританского правительства. Там же значится, что комиссар Иенгхезбенд находится еще в Симле и выедет на границу не ранее будущей недели. О вышеизложенном имею честь донести в дополнение к секретной моей телеграмме от 23-го октября.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Directeur, avec le plus profond respect.

de Votre Excellence le très humble serviteur

(signe) W.Klemm

| АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 37 и об. Копия.

№ 10

1903 г. ноября 14. – Секретное донесение консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о намерении вице-короля Британской Индии Дж.Керзона занять англо-индийским отрядом долину Чумби, потом двинуть его на Гьянцзе и Лхасу

Последние сведения с тибетской границы указывают, по-видимому, на то, что воинственные намерения Лорда Керзона по отношению к Тибету не встретили особенного сочувствия в Лондоне. Теперь поговаривают, что вступление англо-индийского отряда в Тибет отложено до конца декабря, что пока будет занята лишь долина Чамби (Чумби) и что дальнейшее движение на Гиантсе (Гьянцзе) и, если понадобится, оттуда на Лассу (Лхасу) начнется никак не ранее весны. Есть также сведение, что полковник Макдональд, на которого возложено командование экспедиционным отрядом, находится еще в Дарджилинге. Возможно, впрочем, что тибетцы, под давлением из Пекина и ввиду отказа в помощи со стороны Непала, уже завязали переговоры с английским комиссаром и склоняются на уступки.

Официальные требования, предъявляемые англо-индийским правительством Тибету, сводятся по-прежнему к выполнению последним договора 1890 года об открытии границы для правильных торговых сношений, но, по некоторым указаниям, можно с уверенностью сказать, что на самом деле требования эти идут значительно дальше.

По-видимому, в принципе решено учредить в Тибете постоянную английскую миссию если не в самой Лхассе, то в большом торговом пункте Гиантсе, в 144 милях от столицы. Для охраны при миссии будет, конечно, состоять сильный конвой. За сим, ввиду опасности, которой миссия подвергалась бы в зимнее время, когда горные перевалы из Сиккима в Тибет иногда бывают совершенно закрыты, предполагается поставить достаточно сильный отряд в пограничном местечке Чамби (Чумби) в долине того же имени, в 20 милях от форта Гнатонг в Сиккиме, по дороге через перевал Джелеп (14 390 ф[утов]). От Чамби до Гиантсе считается всего 110 миль через форт Пакри (или Пари-Джонг) и перевал Танг, который, несмотря на высоту в 15 700 фут[ов], не представляет, как говорят, больших затруднений. По ту сторону этого перевала, вплоть до Гиантсе, дорога более или менее ровная. Что же касается местечка Камбаджонг, где ныне находится английская комиссия, то оно хотя и ближе к Гиантсе, чем Чамби, но обращенные в его сторону перевалы Донкия (18 100 ф[утов]), Кангра-Ямо (16 000), Наку (около 20 000 ф[утов]) и другие рано закрываются и представляют вообще много неудобств, почему расположенный там отряд не имел бы достаточно обеспеченной связи с базой в Сиккиме. Если означенные предположения осуществляются, то будет, конечно, тотчас приступлено к разработке дороги и, вероятно, также к установлению почтового сообщения с Гиантсе через Чамби.

Относительно железной дороги, которая строится от конечного пункта Бенгало-Дуарской дороги, Багракта, по направлению к Сиккиму и о которой упомянуто было в секретном моем донесении от 20 минувшего октября, за № 38, я еще более подробных сведений не получил. На прилагаемой при сем карте (масштаб 8 миль в одном дюйме) северной Бенгалии и Сиккима значится близ самой границы последнего пункт по имени Педонг и легко возможно, что только до него и доведена будет пока новая дорога. От этого местечка Педонг имеется действительно удобная дорога на Гнатонг и далее на перевал Джелеп, в обход ненадежной дороги по долине Тиста.

Теперь, кроме того, идет речь о постройке еще одной железной дороги по направлению к Сиккиму, а именно от станции Силлигури Восточно-Бенгальской железной дороги (откуда начинается горная дорога на Дарджилинг) до ущелья Сивок на реке Тиста.

Правительство только колеблется еще в выборе типа этой дороги, т.е. строить ли ради поспешности военную узкоколейную или же об-

щепринятой широкой колеи, с тем чтобы со временем продолжить ее в Сикким и, может быть, далее в Тибет.

При всей незначительности протяжения этих обеих железных дорог (если последнее предположение мое относительно Падонга, или Педонга, правильно) здешняя пресса считает, что они все-таки облегчат и ускорят перевозку войск и доставку в Тибет припасов для отряда, который отнюдь не может рассчитывать найти что-либо в этой бедной и малонаселенной стране.

С глубоким почтением и проч.

| АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 37а–37б. Копия.

№ 11

1903 г. ноября 29. – Телеграмма китайского посланника в Лондоне Чжан Дэси в Вайбу (Министерство иностранных дел) о заявлении английского правительства, что якобы Россия возводит военные укрепления в важнейших пунктах Тибета

Английское правительство только что сделало мне заявление: Россия в настоящее время возводит укрепления в важнейших пунктах Тибета с намерением противодействовать проникновению Англии в эту страну. Вследствие неопределенности этих сведений запрошен английский представитель в Пекине. Если последнее подтвердится, необходимо просить китайское Министерство иностранных дел переговорить с российским посланником на основании справедливости, чтобы не происходили самовольные действия.

О вышеизложенном довожу до сведения Министерства.

| АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 43. Копия.

№ 12

1903 г. декабря 7. – Секретная телеграмма консула в Бомбее В.О.Клемма в Министерство иностранных дел России о вторжении англо-индийского военного отряда в пределы Тибета

Англо-Индийский отряд вступил 13 декабря в пределы Тибета, без сопротивления. Местные власти ограничились протестом.

| АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 52а. Копия.

1903 г. декабря 11. – Секретная телеграмма наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексеева¹ посланнику в Пекине П.М.Лессару с предложением остановить захват Тибета Англией путем воздействия на нее в одном из важных пунктов ее среднеазиатских владений

(Шифром)

Не могу согласиться с приведенным в телеграмме 2 декабря взглядом, что деятельность Англии является отголоском занятия нами Маньчжурии. Попытки Англии включить Тибет в сферу своего политического влияния начались задолго до возникновения маньчжурского вопроса и составляют продолжение той наступательной политики правительства Индии, благодаря которой последовательно подчинились английскому господству Непал, Бутан, Бирма, Сикким и среднеазиатские владения. По Сиккимскому соглашению с Китаем от 17 марта 1890 года Англия выговорила себе право условиться о непосредственных сношениях, официальных и торговых, между Индией и Тибетом. Дальнейшими ее шагами в этом направлении, вполне естественном и неминуемом, если мы тому не воспротивимся, будет подчинение ее владычеству Тибета, как подчинены [были] остальные владения, без всякой связи с маньчжурским вопросом. Не подлежит сомнению, что и Китай отнесся бы к захвату Тибета так же пассивно, как теперь в случае, [если] бы мы не занимали Маньчжурии, и что мы и тогда не встретили бы с его стороны этого содействия к восстановлению Status quo в Тибете, о котором Вы упоминаете в телеграмме. Остановить захват Тибета, от которого зависит в духовном отношении все буддийское население Сибири и метрополии, можно лишь непосредственно воздействовав на Англию в одном из более чувствительных пунктов среднеазиатских владений².

Копия настоящей телеграммы сообщается в Петербург.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 54–55. Подлинник.

¹ Е.И.Алексеев (1843–1918) – генерал-адъютант (1901 г.), адмирал (1903 г.). С 1892 г. – помощник начальника Главного морского штаба, с 1899 г. – главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае (1900 г.). С 1903 г. – наместник Николая II на Дальнем Востоке. После начала русско-японской войны Е.И.Алексеев с февраля по октябрь 1904 г. был главнокомандующим сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. С упразднением в июне 1905 г. наместничества назначен членом Государственного совета Российской империи.

² По-видимому, имелись в виду Афганистан и Персия. Афганистан находился под контролем Великобритании, а южная часть Персии являлась ее сферой влияния.

№ 14

1904 г. января 29. – Телеграмма Вайубу китайскому амбаню в Тибете Ю Тай'ю с указанием начать переговоры с англичанами, вторгшимися в пределы Тибета

Пререкания между Россией и Англией по вопросу о Тибете должны быть разрешены мирным образом. Это все Вы узнаете от сановника Юй (бывшего резидента).

Ныне мы временно задержали англичан от намерения ввести военный отряд.

Просим Вас выбрать вначале осведомленного с делами тибетского старшину и с ним отправиться к англичанам для точного соглашения.

Благоволите разъяснить тибетцам всю важность воздержания от необдуманных попыток начинать раздор.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 69. Копия.

№ 15

1904 г. февраля 1. – Секретная телеграмма российского консула в Ханькоу А.Н.Островерхова посланнику в Пекине П.М.Лессару о том, что тибетцы готовятся к войне с англичанами

(Ш[ифром])

Рабданов сообщает, что переводчик Лубсан умер в Данцзянлу. От Доржиева из Лхассы не имеет никаких известий. Тибетцы относятся враждебно ко всем иностранцам, симпатизируя лишь России, не притесняющей своих буддистских подданных. По слухам из Тибета, там готовятся к войне, закупают лошадей, провиант; Далай-Лама сместил четырех высших сановников за тайные сношения с англичанами. Китайцы летом казнили [в] Литане трех выдающихся лам, чем возбудили против себя тибетцев. [В] Дацзянлу китайских войск мало, посланный Рабданова встретил отряд триста человек, шедший [в] Дацзянлу¹.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 70. Подлинник.

¹ После третьей поездки А.Доржиева в Петербург (1901 г.) в Министерстве иностранных дел России обсуждался вопрос об установлении постоянной связи с Далай-ламой. Царское правительство хотело открыть свое представительство в Лхасе, но это вызвало бы неминуемый протест Китая и Великобритании. Поэтому в МИД остановились на таком варианте: послать тайно, под видом паломника, в г. Дацзянлу (на границе Тибета и провинции Сычуань) бурята Б.Рабданова, который через других лиц поддерживал бы оттуда, опять же тайно, связь с Далай-ламой и добывал бы сведения о дейст-

виях англичан в Тибете. Рабданов несколько лет находился в Дацзянлу. Связь с российским посланником в Пекине он поддерживал через консула в Ханькоу А.Н.Островеерхова.

№ 16

1904 г. марта 8. – Секретная телеграмма консула в Ханькоу А.Н.Островеерхова посланнику в Пекине П.М.Лессару с сообщением о том, что в Дацзянлу сосредоточиваются китайские войска для похода в Тибет

(Ш[ифром])

Письмом третьего января Рабданов сообщает: 2 декабря прибыло [в] Дацзянлу 200 человек китайских войск, 1 января – 300, и ожидается еще несколько тысяч из Сычуаня и Юньаня, которые идут в Тибет. Говорят про происки англичан, старающихся всеми силами снять раздор между Китаем и Тибетом в целях получения концессии на золотые прииски в Тибете. Тибетцы готовятся противодействовать силою. Из Лхассы известий нет.

Сообщено Петербургу.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 71. Подлинник.

№ 17

1904 г. марта 11. – Телеграмма китайского амбана в Тибете Ю Тай'я в Вайубу с сообщением, что Россия привлекла на свою сторону Далай-ламу

Спор между Россией и Англиею из-за Тибета продолжается уже долгое время.

По последним сведениям, Россия привлекла тайно на свою сторону Далай-Ламу и последний готов оказать оппозицию англичанам.

В настоящее время вспыхнула война между Россией и Япониею, и России вряд ли есть время обращать внимание на Тибет и начинать какие-либо напряженные действия. Мне кажется необходимою принять меры к удалению зла, пока таковое еще не возникло, и по-сему я прошу Почтенное Министерство снестись немедленно с надлежащим посланником в Пекине и обсудить настоящий вопрос, дабы устранить будущие вредные последствия.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 72. Копия.

1904 г. марта 16. – Телеграмма Вайубу китайскому посланнику в Петербурге с указанием опровергать слухи об агрессивности Англии по отношению к Тибету

Сообщаем Вам, что Ваша телеграмма получена и просмотрена. Россия и Англия – дружественные к Китаю государства, и мы не можем быть пристрастны. Так как дело о Тибете имеет большое значение, то необходимо вести дело по справедливости. Мы полагаем, что в русском чиновном мире циркулируют только слухи, и у нас нет точных сведений. При всех обращениях к Вам – опровергать эти слухи. При том сообщите России, что дружба Китая и России очень крепка и что Китай не будет слушать подстрекательств других государств.

Это очень важно.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 73. Копия.

1904 г. марта 29. – Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с осуждением вооруженной интервенции Британской Индии в Тибете

В согласии с высказанными в означенном письме заключениями Вы могли бы воспользоваться первым же свиданием с Лордом Лэнсдоуном, чтобы выразить ему сожаление Императорского правительства по поводу происшедшего в Тибете кровопролития, которое, без сомнения, может иметь опасные последствия. При таком положении вещей отношение наше к вопросу более чем когда-либо будет зависеть от конечных результатов предпринятой Англией экспедиции, особенно ввиду тех заверений, которые были даны Вам Лондонским кабинетом, определенно заявившим, как это явствует из телеграмм Ваших от 31 октября и 5 ноября 1903 года, что Великобританское правительство вовсе не стремится к занятию или присоединению какой бы то ни было части тибетской территории, а желает лишь восстановить нарушенное право. Само собою разумеется, что Вам необходимо обратить при этом самое серьезное внимание Министра иностранных дел [Лэнсдоуна] на несоответствие недавно произведенной Лордом Кэрзоном¹ речи с означенными выше заверениями.

Дальнейшие указания будут Вам даны в зависимости от хода событий.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 76. Копия.

¹ Дж.Н.Керзон (1859-1925) – государственный деятель Великобритании. В 1899-1905 гг. – вице-король Индии, в 1919-1924 – министр иностранных дел Великобритании.

№ 20

1904 г. апреля 28. – Письмо Агвана Доржиева бурятскому чиновнику Р.Бимбаеву о жестокостях англичан в Тибете

Лхаса, 24 числа 3-й луны года Дракона (28 апреля 1904 года).

Положение здесь совершенно изменилось. Причины неизвестны. При тщательном наблюдении оказывается, что посольство (Тибетская миссия 1901 года в С.Петербург) сообщило подробно, как оно первоначально было хорошо принято русским правительством и с каким трудом вернулось обратно. С Рабдановым, к сожалению, не было возможности иметь подробную переписку.

Ныне западные пилины (англичане), перешедши границу, уже доходят до середины территории. Обращаются весьма жестко, как грабители. Первоначально они заявляли: «Вы через посылку Доржиева заключили с Россией союз, но в настоящее время об этом ничего не слышать». В начале 3-й Луны (апреля) англичане, выступив из Пагри, обманным образом предложили, якобы для мирных переговоров, встретиться в местности Дунэ, имея по 500 человек войска как со стороны англичан, так и со стороны тибетцев, где вероломно убили 2 генералов, 2 полковников, несколько офицеров и все 500 человек войска. В настоящее время они, прибыв в местность Чжин-цзы, предались ужасному грабежу: отнимают и увозят жен чиновников и богатых жителей и насилюют их, грабят и увозят сотни тысяч пудовок (мера зерна) хлеба, рассыпают для корма лошадям и т.д. Всех жителей и семейства записывают в подданство Англии, [предписывая] не платить никому податей в течение трех лет, после чего платить подати понемногу. Никого не пропускают ни в ту, ни в другую сторону. Я желал бы поскорее возвратиться, но не могу получить отпуска. Не зная о последствиях войны, описываю подробно о невыносимых насилиях и надеюсь, что об этом будет немедленно доведено до сведения высшего начальства, и в особенности желательно было бы довести до сведения господина Министра иностранных дел.

С почтением... Агван Доржиев.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 143 и об. Копия. Перевод с бурятского, современный подлиннику.

1904 г. июля 5. – Письмо директора Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвига посланнику в Пекине П.М.Лессару с сообщением, что английское правительство дало письменное заверение российскому послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу в том, что в политике Англии нет агрессивных замыслов в отношении Тибета

Милостивый Государь Павел Михайлович,

Из предыдущей переписки Вашему Превосходительству уже известно о происходивших за последнее время между Россией и Англиею переговорах по Тибетскому вопросу, сущность коих заключалась в том, что Императорское правительство, взамен изъявления своего согласия на издание Хедивиального декрета¹, требовало от Великобритании выдачи письменного документа, коим оно официально признавало бы отсутствие в ее политике каких-либо агрессивных замыслов на Тибет.

Ныне граф Бенкендорф доставил в Министерство копию с помянутого письма маркиза Лансдоуна, в коем он, от имени своего правительства, дает требуемые нами заверения.

Передавая о вышеизложенном и препровождая у сего к Вашему Превосходительству, для сведения, копии с помянутого письма маркиза Лансдоуна и дипломатической переписки за истекшие четыре недели, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

(подп.) Н.Гартвиг

На листе имеется знак, свидетельствующий о том, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 96 и об. Подлинник.

¹ Хедивальный (Хедивиальный) декрет – часть англо-французского соглашения о разделе сфер влияния в Египте и Марокко. Признавал особые права Великобритании в Египте, но без установления формального британского протектората. Опубликован 1 января 1905 г.

1904 г. июля 25. – Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с сообщением о продвижении английских войск в глубь Тибета и указанием объяснить с министром иностранных дел Великобритании Ленсдоуном по этому поводу, напомнив ему о его прежних заверениях, что Англия не ищет для себя привилегий в Тибете

С.Петербург

По полученным нами сведениям, англичане заняли гарнизонами три пункта южнее Лхассы: Чжанцзай, Чунби (Чумби) и Пари; провели железную дорогу, телеграф и телефон долиной Чунби, соединив Чжанцзай с Дарчжалином, возводят здесь постоянные постройки, устраивают склады продовольствия, обучают туземных солдат военному искусству и расселили на всем указанном пространстве своих подданных.

Все это не вполне отвечает данным англичанами обязательствам и производит сильное смущение в Тибете.

Благоволите при случае откровенно объяснить по сему предмету с Лансдоуном, напомнив ему заявления, которые он Вам сделал в сентябре минувшего года о том, что Англия не ищет никаких для себя привилегий, считая, что «Тибет должен принадлежать тибетцам».

| *АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 163. Копия.*

1904 г. октября 24. – Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о вероятных последствиях приезда Далай-ламы в Монголию

Получил телеграмму от 21 октября.

За неимением сведений о нынешнем положении тибетского вопроса здесь невозможно ничего сказать о значении пребывания Далай-Ламы в Урге по отношению к ранее управляемой им области и прибытии его в Монголию. Не касаясь вопроса о русско-подданных буддистах, приходится рассматривать с точки зрения дел этого края, конечно, главным образом в связи с нынешним военно-политическим положением на Дальнем Востоке и значением самого духовного главы. Насколько известно, набожность буддистов более всего выражается в поклонении святыням монастырей и для них самая личность Далай-Ламы далеко не имеет того значения, как, например, для католиков личность Папы. Несмотря на уверения наших газет, последние события в Лхассе не произвели заметного впечатления ни в Монголии, ни в наших пределах, и чтобы таковое проявилось, необходим толчок извне, который мы могли

бы энергично дать в том или другом направлении в зависимости от обстоятельств. Что касается до наших задач в Монголии, то способ осуществления их зависит от хода военных действий¹, и тут надо различать два фазиса: теперешний и тот, который наступит, когда выяснится превосходство наших сил над японскими и придет время расчетов с Китаем за его нынешнее вероломное поведение². В теперешнем фазисе нам безусловно необходимо полное спокойствие в Монголии, и потому необходимо воздерживаться от всего, что могло бы повести к волнениям. Во втором периоде, при известных обстоятельствах, напротив, быть может, нам понадобилось бы создать в Монголии свою партию, и тогда Далай-Лама мог бы, конечно, быть полезным орудием. Первый период мог бы быть посвящен только подготовке действия второго. Прежде всего необходимо изучить действительное положение дела. Будет ли Далай-Лама принят как духовный глава, или же местное высшее духовенство встретит его враждебно. Прибытие его привлечет много паломников и, следовательно, много денег в Ургу³; но, с другой стороны, оно привлечет и много лам из Тибета, вызовет постройку новых монастырей, которые будут конкурировать с существующими, и во всяком случае положение Ургинского Хутукты⁴ умалится. Очень важно также знать, насколько большое значение он придает воплощению и верен ли распускаемый слух, что существует поверие, что нынешний Далай-Лама, представляющий тринадцатое воплощение Будды, будет последним. По прибытии его в Ургу, вероятно, явится еще целый ряд вопросов, не изучив которые мы можем впасть в трудно поправимые ошибки и обмануться в расчетах. Изучая положение дел, необходимо принять во внимание, что в настоящем фазисе подготовка будущих действий не должна иметь ничего вызывающего. Какая бы то ни была мера, раз она возбудит подозрение Китая, не принесет пользы, а только затруднит выполнение наших задач. Официальный характер, приданный поездке полковника Богданова, не говоря о ее трагическом конце, имел последствием целый ряд мер со стороны пекинского правительства для затруднений нашей деятельности в Монголии. Для самого же Далай-Ламы обнаружение китайцами нашего стремления воспользоваться его услугами будет прямо губительным, как указывает история Тибета за последнее столетие. Продолжение следует.

Перед началом текста телеграммы стоит знак, свидетельствующий о том, что документ читал царь Николай II. Некоторые места текста им подчеркнуты.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, л. 18–19 и об. Подлинник.

¹ Речь идет о русско-японской войне 1904–1905 гг.

² П.М.Лессар видел «вероломное поведение» Китая в том, что он не пытался дать отпор вооруженной агрессии англичан в Тибете.

³ Урга (ныне Улан-Батор) – тогдашний религиозный и административный центр Халхи.

⁴ Ургинский хутукта (хутухта) – глава монгольской ламаистской церкви Джебцун-Дамба-хутухта VIII (1870–1924). О нем см.: Белов Е. Последний живой бог [монголов]. – Азия и Африка сегодня. 1996, № 3.

№ 24

1904 г. октября 24. – Продолжение документа № 23

Если бы по причине какой-либо неосторожности с нашей стороны или же благодаря своему упрямству и строптивости Далай-Лама все же навлек на себя неудовольствие Китая и можно бы ожидать для него какой либо опасности, то спасти его можно бы, предложив ему гостеприимство в России. Если бы при этом была уверенность, что Далай-Лама будет признан духовным главою всеми монголами, а также буддистами Китая, Тибета и Индии, то образование в наших пределах общего центра могущественной религии было бы очень желательно, несмотря на сопряженные с этим значительные, особенно в первое время, затраты. Буддизм не воинствующая религия и опасности для нас не мог бы представить ни в каком случае. Но пока нет данных утверждать, что на такой оборот можно надеяться. Как выше указано, событие в Лхассе не произвело впечатления в Монголии и, как сообщает наш консул в Урге, о нем не были осведомлены даже высшие ламы. Поэтому приглашение Далай-Ламы могло бы иметь прямо противоположное действие, то есть вызвать соперничество наших новых монастырей с Ургой и образовать раскол, который вооружил бы против население Монголии, чего в настоящее время надо во что бы то ни стало избежать. Ввиду этого, казалось бы, было бы желательно ничего не предпринимать для привлечения Далай-Ламы к нам, пока не выяснятся результаты его прибытия в Ургу или ему не станет угрожать опасность. Тогда уже вполне сознательно мы можем решить вопрос, может ли он быть полезен как духовный глава или же предпочтительнее дать ему убежище как изгнаннику в несчастьи.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, л. 23 и об., 24. Подлинник.

№ 25

1904 г. декабря 13. – Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с предположением, что пребывание Далай-ламы в Монголии может быть полезным, если там Россия прибегнет к активной политике

Телеграмму 10 декабря получил.

Высказанные Шишмаревым¹ соображения по поводу необходимости относительно Далай-Ламы избежать всего, что могло бы возбу-

дить подозрения китайцев, вполне основательны, как подробно изложено в моих телеграммах № 1203 и 1204. Люба² снабжен в этом вопросе самыми определенными инструкциями. Было бы очень желательно, если бы Шишмарев мог то же внушить Доржиеву, который продолжает действовать так же беспокойно как и в Тибете, и еще до приезда в Ургу просил о вывозе Рабданова³ и Иролтуева⁴, по-видимому именно для установления тесных сношений с Далаем. На допущение его в наши пределы можно смотреть, как изложено было в моей телеграмме 1205, лишь как на очень нежелательную крайность, если бы его жизни грозила опасность. Уклониться от этого трудно, ибо благодаря Доржиеву англичане имели возможность объяснить, что бежал Далай-Лама из Лхассы как побежденный союзник России. Удалить его из Урги в глубь Китая, конечно, можно только по распоряжению пекинского правительства, но это не представит затруднений, так как здесь считают, что Далай-Лама находится вблизи нашей границы и, следовательно, действительно под нашим влиянием может быть опасен. Ввиду нашего спокойного образа действий, пекинское правительство, по крайней мере, со временным пребыванием Далай-Ламы в Урге примирилось. В недалеком будущем выяснится значение его для нас в настоящем кризисе и может ли он быть для нас полезен, если бы нам понадобилось прибегнуть к активной политике в Монголии. Искренне примирение Далай-Ламы с китайским правительством никогда не будет, но влияние его, по крайней мере на значительную часть населения страны, всегда будет существовать. Задача Доржиева и его близких – вовлечь нас в тибетское дело и получить наши субсидии. Если теперь последует переселение куда-либо по соседству с Тибетом, то начнутся интриги, которые обострят отношения страны к Англии именно в такое время, когда мы ничего не в состоянии делать. Выдача субсидий, даже в небольших размерах, едва ли будет производительной затратой. Влияние же Далай-Ламы на отдаленные монгольские районы едва ли выразится чем-либо для нас полезным, и едва ли оно осуществимо, так как выдачу ему нами субсидии скрыть невозможно и совместно с пребыванием при нем Доржиева, роль коего хорошо известна, это возбудит подозрения гораздо более, чем просто его пребывание в Урге. Удаление в Сини⁵ будет заточением. Какое бы то ни было сношение наше с Китаем по поводу устройства тибетских дел при посредстве Далай-Ламы совершенно неосуществимо при таких обстоятельствах, не говоря о том, что объяснениями Далай-Ламы китайское правительство очень недоволено; он смещен, и нельзя надеяться, чтобы внутри страны, где он будет совершенно в руках китайцев, ему было предоставлено достаточно свободы, чтобы играть какую-либо роль.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, л. 85–86 и об. Подлинник.

¹ Я.П.Шишмарев – российский генеральный консул в Урге в 1900–1904 гг.

² В.Ф.Люба – российский консул в Урге в 1904–1906 гг.

³ Речь идет об отзыве Б.Рабданова из Дацзянью.

⁴ Иролтуев – глава забайкальских буддистов России.

⁵ Синин – административный центр провинции Цинхай (Кукунора).

№ 26

1904 г. декабря 13. – Продолжение документа № 25

С другой стороны, обстоятельства не требуют принятия поспешного решения. На пребывание Далая в Урге до весны китайское правительство согласилось, и на отношения наши к нему это не может вредно повлиять, если только Доржиев и Иролтуев не испортят дела. Этот последний сюда писал, что имеет от русских властей секретные поручения к Далаю и он на сообщенное ему согласился. Далай сам выражает желание остаться в Урге еще некоторое время. Но при этом, как сообщает Люба, обнаруживаются и некоторые неудобства этого пребывания: необходимо некоторое время, чтобы выяснить, кажушиеся ли это неудобства или они имеют действительное значение. Ввиду вышеизложенного казалось бы желательным отложить окончательное решение на некоторое непродолжительное время, тем более что тогда обстоятельства, вероятно, дадут нам возможность самое удаление Далая внутрь Китая обставить более соответственно нашей задаче, нежели мы можем это сделать теперь.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1453, л. 87 и об. Подлинник.

№ 27

1905 г. января 7. – Секретная телеграмма военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта И.П.Надарова царскому наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е.И.Алексееву с сообщением селенгинского уездного начальника Балкашина, встречавшегося в Урге с Далай-ламой, о желании Первосвященника иметь при себе особого русского чиновника

Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Е.Алексеев 11 января 1905 г. направляет В.Н.Ламздорфу:

Селенгинский уездный начальник Балкашин, возвратившись из поездки, доложил: виделся в Урге с Далай-Ламой, который намере-

вался ехать в Россию согласно старых отношений с ней и надеялся на встречу. Ныне просит русское правительство дать ему указания и советы о переговорах с Англией. Далай-Лама обижен тем, что его в Урге не встретил консул, а только секретарь консульства и на дальнейшие сношения консула через секретаря. Просит, не найдет ли правительство возможным назначить к нему, Далай-Ламе, особого русского чиновника, через которого он мог бы вести переговоры. Далай-Лама спрашивает, не разделена ли сфера влияния, причем Тибет и юг Монголии отданы англичанам, а север Монголии – России. Эти пожелания передал мне и бурят Галсанов, который ранее бывал в Тибете, а теперь представляется Далай-Ламе вместе с нашим Хамбо-Ламою¹. Китайское правительство употребляет все средства удержать в Китае Далай-Ламу, прислало опытного чиновника, сининского амбана Яньжи, с приказом императора ехать в Синин. Далай-Лама отказался. Амбань телеграфировал в Пекин и получил приказание быть при Далай-ламе облеченным властью Ургинского губернатора. Император² через губернатора поднес Далай-Ламе восемь тысяч лан серебра, а императрица³ – подарок в две тысячи. Буддисты отовсюду стекаются на поклонение Далай-Ламе. Значение Ургинского хутухты пало. Положение Агвана Доржиева, единственной нашей связи, опасное.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 37–38. Копия.

¹ Хамбо-лама – имеется в виду Агван Доржиев.

² Китайский император Цзай Тянь (1871–1908). В исторической литературе больше известен как Гуансюй (по девизу правления в 1875–1908 гг.). В 1898 г. за попытку проведения реформ в стране фактически был отстранен от власти своей теткой – императрицей Цыси.

³ Императрица Цыси (1865–1908) – регентша с 1861 по 1873 г. и с 1875 по 1889 г. В 1898 г. произвела дворцовый переворот, отстранив от власти императора Цзай Тяня (Гуансюя) и став фактической правительницей Китая.

№ 28

1905 г. января 15. – Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с мнением о том, что Далай-ламе лучше вернуться в Тибет

На подлинной собственной Е.И.В. рукою начертано: «Необходимо обсудить». Царское Село

Люба сообщает, что прибывшие тибетцы, приглашая Далай-Ламу вернуться, передали решение искать помощи Франции и Германии, если Россия откажет. Если Ваше Сиятельство одобрите, Люба мог бы

дать совет, что, ввиду дружбы нашей к этим державам, обращение к ним во всяком случае могло бы принести только пользу, если бы Далай-Лама действительно желал вернуться в Тибет. Казалось бы, что такой оборот будет для нас выгоден. Если Франция и Германия откажутся вмешаться, что вполне вероятно, то Далай-Лама еще более убедится, что вся надежда для него на Россию. Если вмешательство состоится, то это будет по нашему совету и затруднит очень положение Англии. Прибытие тибетцев дает мне возможность еще раз переговорить здесь. Я укажу, что мы желаем лишь спокойствия в Монголии, а переезд в Синин будет считаться как заточение главы религии и вызовет брожение даже в Сибири. С другой стороны, без Далай-Ламы будет очень трудно справиться в Лхассе, а он, наученный несчастием, по возвращении в Тибет милостью Богдохана уже не будет прежним строптивым правителем, а поймет, что для спасения Тибета от Англии ему нужно быть вассалом Китая. Успех этой комбинации избавит нас от весьма сложного и трудного оказания гостеприимства Далай-Ламе в России, что в крайности могло бы потребоваться.

| *АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 34. Копия.*

№ 29

1905 г. января 17. – Письмо царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексеева министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с предложением поселить Далай-ламу в России

В ответ на письмо от сего 17 января, за № 115, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что я присоединяюсь к мнению т[айного] с[оветника] Лессара о нежелательности удаления Далай-Ламы в Синин, так как это было бы равносильно окончательному отказу нашему от пользования его услугами и признанием торжества китайских происков. Во избежание такого исхода казалось бы предпочтительным содействовать переселению Далай-Ламы в русские пределы, если по соображению с общим политическим положением Ваше Сиятельство признаете, что такая мера не вызовет осложнений с Китаем и Англией, и если окажется возможным придать делу характер свободного решения самого Далай-Ламы.

Приведение такой задачи в исполнение, во избежание огласки, казалось бы желательным возложить на местного консула колл[ежского] сов[етника] Люба, который независимо от личных качеств, до некоторой степени известных мне по прежней его службе в Маньчжурии, имеет по самому своему положению местного агента русского правительства все данные, чтобы обставить дело наилучшим образом,

согласно обстоятельствам и без огласки. Командирование же в Ургу с этой целью такого лица, как т[айный] с[оветник] Шишмарев, встревожило бы китайское правительство и придало бы всему делу особое, нежелательное для нас значение.

Что касается возбужденного в записке Шишмарева вопроса о посылке его в Монголию для изучения положения дел в малоизвестных частях этой страны, то хотя в принципе, как уже было мною ранее высказано, я признавал бы такую поездку полезною, но полагаю, что окончательное решение этого вопроса должно быть поставлено в связь с положением нашим на театре войны и во всяком случае отложено до того времени, когда обстоятельства примут более благоприятный для нас оборот.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 43. Копия.

№ 30

1905 г. января 18. – Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел с сообщением, что прибывшие в Ургу представители тибетцев просят Далай-ламу возвратиться на родину

Из Тибета прибыли сюда представители духовенства, монастырей и народа просить Далай-Ламу возвратиться, передали решение искать помощи Германии или Франции, если Россия откажет. Далай-Лама ответил, что поедет, когда получит ответ из Пекина на посланный ныне Ян-Чжи доклад о положении Тибета, будет ждать помощи только от России.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 18. Подлинник.

№ 31

1905 г. января 19. – Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П.М.Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что назначение русского чиновника к Далай-ламе вызовет еще большую неприязнь к нему пекинского правительства

Далай-Лама объяснил, что сдержанность с нашей стороны вызывается намерением, до наступления удобного времени, оградить его от неприятностей со стороны Китая. Далай-Лама, очевидно, понимает

основательность такого образа действий и сносится с консулом через Доржиева. Назначение русского чиновника к Далай-Ламе имело бы для него самые серьезные последствия со стороны пекинского правительства.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 41. Подлинник.

№ 32

1906 г. февраля 10. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа о желании А.Доржиева вручить Николаю II подарки Далай-ламы

Пребывающий здесь посланец Далай-Ламы – Хамбо Агван Доржиев обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании ему Высочайшей аудиенции для поднесения Вашему Императорскому Величеству собственноручного письма тибетского Первосвященника¹, приветственного ходака и буддийского образа.

Представляя при сем письменное обращение ко мне Агван Доржиева, приемлю смелость испрашивать Высочайших указаний о том, благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству назначить прием названному посланцу или поручить мне принять от него полученные поднесения для представления таковых на Всемиловистейшее благовоззрение².

Что касается высказываемой Далай-Ламой мысли об обращении к иностранным державам для установления совместного покровительства их над Тибетом, то предложение это как не имеющее никакой практической почвы, казалось бы, не заслуживает внимания и подлежит поэтому отклонению, равно как и проект посылки ныне русской экспедиции в Тибет.

В случае если бы соображения эти удостоились Высочайшего одобрения, мною могли бы быть даны Агвану Доржиеву соответственные разъяснения.

Граф Ламздорф

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 85 и об. Копия.

¹ Данное письмо Далай-ламы составителями не обнаружено.

² Николай II решил лично принять Агвана Доржиева с подарками от Далай-ламы.

1905 г. февраля 1. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа с предложением вернуть Далай-ламу в Тибет

При рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе Далай-Ламы необходимо остановиться на следующих предположениях.

1. Оставление Далай-Ламы в Урге.
2. Отправление его в Синин по требованию Китая.
3. Переезд в пределы России.
4. Возвращение в Тибет.

По первому пункту следует заметить, что оставление Далай-Ламы в Урге встречает такое противодействие со стороны Китая, что практическое осуществление его едва ли возможно без риска испортить отношения с соседней империей, если на подобной комбинации будет настаивать Россия. К тому же оставление в Урге не входит и в планы самого Далай-Ламы и не представит остаточной выгоды для наших интересов в смысле возможности пользоваться влиянием главы буддистов, авторитет коего едва ли не пострадает при таком разрешении вопроса. Относительно отправления в Синин необходимо высказать, что подобный выход будет равносильным заточению и совершенной утрате всякого обаяния Далай-Ламы, а следовательно, безусловно нежелателен. Наоборот, поселение Далай-Ламы в наших пределах представляло бы существенные выгоды и при благоприятных обстоятельствах могло бы способствовать образованию у нас буддийского центра, влияние коего могло бы, вероятно, послужить нам службу в будущем. Но, с другой стороны, конечно, нельзя не заметить, что такое разрешение дела представляет и весьма существенные неудобства как с точки зрения престижной, ввиду необходимости придать переезду характер бегства, как и потому, что оторванный от почвы Тибета, вдали от священных монастырей (...) Далай-Лама легко может утратить путем этим его положение в буддийском мире, которое составляет его силу.

Таким образом, наиболее соответствующим во всех отношениях выходом было бы возвращение Далай-Ламы в Тибет, к чему он сам стремится, чего желает и местное духовенство; и, конечно, в таких условиях, кои наиболее наглядно убедили бы его в том, что такому разрешению дел он главным образом обязан заботливому участию России. По-видимому, китайцы не настаивают более на переезде Далай-Ламы в Синин и готовы допустить возвращение его в Лхасу. Вопрос только в том, чтобы переезд этот состоялся на определенных основаниях, могущих обеспечить Далай-Ламе как личную безопасность, так и дальнейшее пребывание в Тибете в условиях, отвечающих положению его как главы буддийского мира. На достижение этой цели, казалось бы, и должны быть направлены все наши старания, и в этом

именно смысле могли бы быть даны указания посланнику в Пекине и ген. консулу в Урге для объяснений с Далай-Ламой.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 38-39. Подлинник.

№ 34

1905 г. февраля 26. – Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел с сообщением, что пекинское правительство приказало Далай-ламе возвращаться в Тибет

Весьма немилостивым указом подтверждено Далай-Ламе ввиду успокоения страны возвращаться с амбанем Ян Чжи через Синин в Тибет. Ян Чжи настаивает на скором выезде, не разрешает посылки нового доклада¹, объясняя немилость тяготением Далай-Ламы к России.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 77. Подлинник.

¹ Далай-ламы не имели права непосредственно посылать доклады китайскому императору. В данном случае XIII Далай-лама мог послать письмо на имя императора Цзай Тяня только через ургинского амбана Янь Чжи.

№ 35

1905 г. февраля 28. – Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П.М.Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что маньчжурский амбань в Урге определил 7 марта как последний срок выезда Далай-ламы в Тибет

Люба телеграфирует: Янчжи назначил последним сроком выезда седьмое марта. Совещание¹, от участия в котором Доржиев уклонился, высказывало мнение просить помощи России, Германии и Франции, но к определенному решению не пришло. Далай-Лама при невыяснении англо-тибетского вопроса ехать не хочет, просит совета нашего правительства, как ему поступить ввиду категорического приказания Пекина. Спрашивает, между прочим, был ли бы он принят в России, если бы обстоятельства вынудили его к этой поездке.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 78. Подлинник.

¹ Совещание тибетских лам и чиновников, бежавших с Далай-ламой в Монголию.

1905 г. марта 2. – Выписка из секретного донесения российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел о совещании у Далай-ламы по вопросу о том, как защитить Тибет от притязаний Англии

...По поводу указа¹ у Далай-Ламы состоялось особое совещание, на котором присутствовали главнейшие его советники и умышленно отсутствовал самый близкий к нему человек Хамбо Дорджиев. На совещании этом большинство тибетцев, не ожидая более помощи от России, высказали такие наивные предположения, как обращение к союзу европейских государств в защиту Тибета от притязаний Англии. Сам Далай-Лама своего мнения не высказывал, он и ранее не скрывал, что возвращаться в Тибет при настоящих условиях не находит возможным и ждет помощи только от России, – а прислал на другой день Дорджиева в Консульство просить совета, как ему быть. Консул предупредил Дорджиева, что наши военные затруднения мало благоприятствуют желательному для Далай-Ламы разрешению тибетского вопроса. В разговоре этом Дорджиев высказал опасение возвращаться вместе с Далай-Ламой ввиду крайне недоброжелательного к нему отношения со стороны китайских властей и громадного большинства тибетцев. Ст[атский] сов[етник] Люба уже имел случай доносить, что Дорджиев держится единственно расположением к нему Далай-Ламы, который вырос на его глазах и питает к нему неограниченное доверие.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 120–121. Подлинник.

¹ Речь идет об указе цинского императора с приказанием Далай-ламе ехать в Тибет.

1905 г. марта 6. – Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П.М.Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что Далай-лама предпочитает ехать в Россию, а не в Тибет

Люба телеграфирует: Далай-Лама желает послать в Пекин новый доклад. В случае подтверждения прежнего повеления предпочитает ехать в Россию.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 89. Подлинник.

1905 г. апреля 2. – Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о желании Далай-ламы поселиться в России и просьбой, чтобы Россия взяла под защиту Тибет от Англии и Китая

Люба телеграфирует: «От приезжих бурят здесь распространился слух о вызове Иролтуева в Читу для устройства поездки Далай-Ламы в Россию и через монголов дошел до амбаней¹, которые будто бы донесли в Пекин. Встревоженный этим Далай-Лама просит Ваше Превосходительство в случае обращений Вай-ву-бу успокоить китайцев, но вместе с тем мысли о поездке в Россию не оставляет, т.к. просит передать следующее: отдавая себя с полным доверием под покровительство Государя Императора, Далай-Лама желал бы знать, примет ли Россия открыто пред всеми государствами под защиту от Англии и китайцев Тибет».

Отвечаю Любе: «В случае запроса китайцев относительно принимаемых будто бы в России мерах приема Далай-Ламы, я их успокою. С другой стороны, совершенно невозможно дать просимые Далай-Ламой уверения, что Россия открыто пред всеми державами примет Тибет под защиту от Англии и китайцев».

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 102. Подлинник.

¹ В Урге было два амбана: один – из маньчжуров, другой – из монголов. Последний имел мало власти и фактически подчинялся первому.

1905 г. апреля 14. – Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел о просьбе Далай-ламы к нему выяснить, может ли царское правительство дать заверение в том, что Россия будет открыто защищать Тибет от агрессии Англии и Китая

Дорджиев выехал спешно, сообщив мне о своем отъезде с дороги. Интимная подкладка такова: выезд Далай-Ламы из Тибета состоялся под несомненным влиянием Дорджиева против большинства советников. Точно так же и на совещаниях по поводу поездки Далай-Ламы в Россию ясно сказались два противоположных течения: Далай-Лама лично верит только в Россию и в пользу поездки, большинство окружающих его лиц, в том числе влиятельный старик Хамбо¹, против,

считая что Россия при настоящих условиях действительной помощи Тибету оказать не может. Партия эта обсуждала даже серьезно вопрос передачи англо-тибетского вопроса европейским державам или Гаагскому трибуналу. Особое положение занимал в этом обсуждении Дорджиев, усматривающий в поездке Далай-Ламы в Россию сохранение своего первенствующего значения и выход из критических обстоятельств. Здесь ему приходилось бороться с сильной тибетской партией, приписывающей его советам и влиянию все неудачи, явным нерасположением монгол, нескрываемой враждебностью китайцев, возвращаясь же в Тибет с Далай-Ламой он рисковал бы жизнью. В то же время он поддерживал постоянные сношения с Иролтуевым, многими влиятельными бурятами и калмыками, мечтавшими в своих интересах водворить Далай-Ламу в России. Чтобы смягчить сильную тибетскую партию, Далай-Лама просит меня выяснить, может ли наше правительство дать заверения в том, что Россия открыто перед всеми державами примет Тибет под защиту от Англии и Китая. Получив отрицательный ответ покойного посланника² и желая затормозить поездку Далай-Ламы, партия начинает добиваться разрешения послать предварительно в Россию уполномоченного для выяснения вопроса о форме покровительства. Дорджиев, передавая мне это новое ходатайство, объяснил его желанием Далай-Ламы доказать тибетцам, что, отдаваясь под покровительство России, он спасает не только себя лично, но и Тибет. Получив известие о передаче этого вопроса в Петербург, Далай-Лама решается использовать изменившееся в нашу пользу настроение тибетцев и велит Дорджиеву немедленно выезжать в Забайкалье, где и ждать решения вопроса поездки в Россию. Между тем колебания были настолько сильны, что через час после отъезда Дорджиева посылается нарочным требование возвратиться, на что Дорджиев ответил, что проедет в Кяхту, где будет ждать приказаний. В случае повторения требования возвратиться уедет на родину. Уступив желанию партии, Далай-Лама посылает Дорджиеву приказание продолжать поездку, если последует разрешение из Петербурга. Отклонение Министерством ходатайства в посылке уполномоченного передано мной ныне Далай-Ламе, который и послал ввиду того Дорджиеву новое приказание вернуться в Ургу.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 5 и об. Подлинник.

¹ Старик Хамбо – имеется в виду один из высших тибетских лам, который сопровождал Далай-ламу при бегстве последнего в Монголию.

² Покойный посланник – это П.М.Лессар. Новым российским посланником в Пекине был назначен Д.Д.Покотилев.

1905 г. апреля 22. – Секретная телеграмма военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта Холщевникова начальнику дипломатической канцелярии царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексеева о пребывании А.Доржиева в Чите, который просит разрешения на поездку в Петербург

В Читу прибыл Дорджиев, которому я объявил, что отъезд его признается излишним и вредным. 21 апреля мною получена переданная Кяхтинским комиссаром телеграмма консула Любы: «Немедленно телеграфируйте Дорджиеву: министр иностранных дел просит Вас возвратиться в Ургу для передачи Далай-Ламе соображений русского правительства». Частным путем мне известно, что в Урге получено известие: русское правительство не может обязаться чем-либо перед Далай-Ламой, но если он прибудет в Россию, то ему будет оказан почет. Дорджиев лично доложил мне, что если он в настоящее время возвратится в Ургу, не исполнив миссии Далай-Ламы, то это произведет удручающее впечатление на Далай-Ламу и что последний более никогда не будет обращаться за содействием к России. Сам же Дорджиев при такой неопределенности положения Далай-Ламы намеревается в скором времени возвратиться на постоянное местожительство в Забайкалье. Дорджиев убедительно просит разрешить ему приезд в Петербург. Изложенное прошу доложить наместнику и испросить указаний относительно поездки Доржиева. Ожидаю срочного ответа для сообщения Дорджиеву.

С подлинным верно.

За секретаря (подпись).

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 11. Копия.

1905 г. апреля 25. – Доклад А.Доржиева военному губернатору Забайкальской области генерал-лейтенанту Холщевникову с объяснением, почему ему необходима поездка в Петербург

На предложение Вашего Превосходительства, основанное на телеграмме Императорского российского консула в Урге о возвращении моем на Ургу, имею честь доложить, что ввиду личного поручения Далай-Ламы, а затем недавно подтвержденного экстренным его письмом немедленно ехать в Петербург, я не считаю себя вправе возвратиться в Ургу без его разрешения.

Наш консул в Урге с самого начала обещал со стороны России полное покровительство особе Далай-Ламы, а затем, как только уладятся дела на Дальнем Востоке, немедленно заняться делами Тибета. Насколько мне известно, Далай-Лама имел полную надежду на содействие России в проведении тибетского вопроса в желательном для народа духе и поэтому, не заботясь о личных его интересах, предпринял путешествие из отдаленного Тибета в Ургу – в сферу русского влияния, но вследствие неопределенности отношения России к заинтересованному тибетскому вопросу Далай-Лама поручил мне ехать в Петербург для полного выяснения дела, а потому если я извещу его о распоряжении вернуться мне обратно, то это, ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств, произведет на Далай-Ламу весьма неприятное впечатление, и я в таком случае слагаю с себя всякое посредничество и ответственность в деле сближения Тибета с Россией.

В заключение вышесказанного осмеливаюсь доложить Вашему Превосходительству мое откровенное мнение, что если по настоянию или влиянию нашего правительства на Китай обеспечить пребывание в Урге Далай-Ламы на несколько месяцев, под предлогом для благословения наших бурят-буддистов, то это послужило бы доказательством Далай-Ламе и в глазах тибетцев о заботах нашего правительства по тибетскому вопросу, и в промежуток этого времени обстоятельства дела могли бы принять более благоприятный оборот. Весьма желательно было бы согласно ходатайству бурят официально пригласить Далай-Ламу в пределы Забайкалья, но это лишь может усилить подозрение китайского правительства, и в результате возможно ожидать ухудшения положения Тибета.

С подлинным верно.

Секретарь: Н.Эльтеков

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 15–15 и об. Копия.

№ 42

1905 г. июня 21. – Письмо Далай-ламы правительству России с просьбой оказать давление на правительство Великобритании, чтобы оно не посягало на Тибет

Тибет. Причина отправления послом от правительства – Цанита Хамбо Лобсанг Агвана – приближенного Верховного главы тибетского народа Далай-Ламы – хранителя Всесовершенной религии – такова.

Дело, подлежащее докладу Его Императорскому Величеству Мудрому Государю Великой России и Его Сановникам-Министрам, заключается в следующем:

В течение 20 лет индийско-великобританское правительство, в лице своих сановников, выказывало всевозможные притеснения и разные ухищрения; особенно же в 1904 году англичане, перешедши границу, убивая людей, грабя имущество, преступно проложили себе путь и прибыли с войском в Лхассу. Вследствие этого, вопреки прежнему договору с китайским императором, не дождавшись от него помощи, Первосвященник принужден был отправиться в Ургу и начать переговоры, основываясь на прежних договорах, относительно договора, заключенного между Англией и Тибетом¹. Китайскому Императору через амбана два раза был сделан доклад, но, не достигнув никаких результатов, вновь были отправлены в Пекин два человека², которые прождали здесь несколько месяцев и не получили даже приблизительного ответа. Ввиду изложенного просим разобрать и отделить черное от белого в договоре между Тибетом и Англией, просим Ваше Императорское Величество – «Поборника за благоденствие для всех живущих на земле» – дабы впоследствии религия и государство тибетское навсегда были неприкосновенны; дабы никто не оказывал притеснений существующему порядку в Тибете и дабы великобританское правительство не посягало на Тибет, но что бы все великие державы пользовались здесь равными правами. Тибетское государство до сего времени вело свои дела самостоятельно, и впоследствии никто не должен вмешиваться во внутренние дела государства.

Желая вступить совместно в круг цивилизованных великих народов, уполномочиваем мы вышеупомянутого Цанит Хамбо, чтобы, на основании изложенного, мог он достигнуть всяких соглашений со всеми государствами; и таким образом всякое содействие, оказанное в пользу Тибета, будет тибетским народом неукоснительно исполнено.

Год деревянной змеи /1905/, 21-й день 6-го месяца

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 57-57 и об. Копия перевода, современного подлиннику.

¹ Речь идет о Лхасской конвенции, заключенной Тибетом и Великобританией 7 сентября 1904 г. По этой конвенции Тибет попадал в сильнейшую зависимость от Великобритании. Конвенция утратила свое значение после подписания Англо-русского соглашения 1907 г. о Тибете.

² Составители не располагают фамилиями этих двух человек.

1905 г. июля 21. – Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с сообщением, что Далай-лама предполагает выехать в Лхасу, оставив в России своим уполномоченным А.Доржиева

Троицкосавск

Получил телеграммы 29 июня, 3, 4, 9 июля. Доношу:

Далай-Лама принял с чувством полного удовлетворения сделанные ему мною сообщения и высказал радость по поводу приступа к мирным переговорам¹, усматривая в восстановлении дружественных отношений между Россией и Японией пользу для всех народов Востока. Вместе с тем Далай-Лама просит Ваше Сиятельство довести до сведения Государя Императора, что чувства его к России остаются неизменными и что, предлагая войти в сношения с Японией, он имел в виду лишь оказать своим религиозным влиянием содействие делу мира. Озабочиваясь поддержанием постоянных сношений с нашим правительством и после своего возвращения в Лхасу, куда он предполагает выехать в августе, Первосвященник мечтает связать Тибет с Россией телеграфом, пока же желает оставить в России своим уполномоченным Доржиева и иметь в качестве постоянных агентов четырех интеллигентных бурят в Лхасе, Дарсандо, Пекине и Урге, через которых мог бы доводить до сведения русских правительственных органов о положении дел в Тибете и нуждах страны и получать сообщения нашего правительства. Содержание этих агентов он предлагает разделить поровну, первое же время принять полностью на средства Тибета. На осуществление этих предложений он испрашивает согласия Вашего Сиятельства. Отказываясь от сопровождения его официальным конвоем, Далай-Лама приносит глубокую благодарность за разрешение бурятам-добровольцам сопровождать его в Тибет под видом паломников.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 16–17. Подлинник.

¹ Речь идет о русско-японских переговорах, которые начались в августе 1905 г. в городе Портсмут (США) с целью выработки мирного договора между этими воюющими странами.

1905 г. сентября 16. – Письмо Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о трудном положении Тибета в связи с вооруженным вторжением туда англичан

Настоящее положение Тибета представляется безвыходным, так как страна, с одной стороны, страдает от чужеземного вторжения

и вместе с тем лишена законного правительства в лице Далай-Ламы. Без возвращения Далай-Ламы положение не может измениться к лучшему, а вместе с тем в силу существующих условий Далай-Лама не может вернуться. Чтобы разъяснить суть этого положения и одновременно указать возможный способ устранить существующее затруднение приводятся следующие пункты:

I. Столь печальное положение Тибета, в коем таковой очутился в настоящее время, вызвано насильственным вторжением в глубь страны вооруженных иноземцев (англичан). Хотя неспособность Тибета противостоят столь сильному врагу, как Англия, известна всему цивилизованному миру. Насильственные и преступные действия Англии по отношению к тибетцам во время похода скрыты ими от всех, но следы насилий и грабежа еще не остыли, о чем будет сообщено в особой, более подробной записке. Войска Англии остаются в настоящее время в Тибете, и не только не делаются приготовления к отозванию их, но усиленно строятся казарменные помещения, проводятся телеграфные линии и так далее.

II. По мнению тибетцев всякое сближение с Англией нежелательно и весьма вредно для интересов Тибета, так как образ действий Англии в Индии и других азиатских странах не внушает доверия и уважения к ней.

III. Хотя Тибет с глубокой древности составлял самостоятельную страну, но иногда казался как бы зависимым от Китая, а иногда совершенно независимым ни от кого. При заключении последнего договора¹ Англия хотя и признала сюзеренитет Китая над Тибетом, но договор заключился с представителями тибетского правительства, не оспаривая в данном случае самостоятельности Тибета. Столь неопределенное положение страны и побуждает верховного его правителя Далай-Ламу раз навсегда избавиться от всех тех случайностей, которые испытаны событиями последних лет.

IV. В силу изложенного тибетцы стремятся единственно к защите России и других великих держав, желая добиться окончательного признания за ними самостоятельности и независимости и изъявляя свою готовность не препятствовать всем державам, могущим быть заинтересованной страной, иметь при Далай-Ламе в Лхассе своих представителей, облегчая этим желательное сношение Тибета с державами по торговым и иным делам.

V. Возвращение Далай-Ламы в Лхассу не может быть осуществлено до тех пор, пока не будет отозван из Лхассы китайский амбань, снабженный ныне Богдоханом весьма широкою властью в Тибете, которая незаконно стесняет права остальных в Лхассе регентов.

Представляются две записки о правах амбаней в Лхассе и о прокламации Тирембучи².

VI. Равным образом Далай-Лама не может возвратиться в Лхассу, пока будет в силе последний договор Англии с Тибетом и пока не будет заключен другой, новый договор с согласия и ведома Далай-Ламы как верховного правителя страны, так как прежний договор, кроме раздора и осложнений, не может вызвать ничего другого.

VII. Хотя Китай обещал охрану Далай-Ламе при возвращении в Лхассу, но, не доверяя китайцам, Далай-Лама желал бы, в случае обратного путешествия, получить конвой при содействии русского правительства.

16 сентября 1905 г. С.-Петербург
Хамбо Доржиев

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 7611, д. 402, л. 166 и об., 167. Копия.

¹ Речь идет о Лхасской конвенции, заключенной Тибетом и Великобританией 7 сентября 1904 г.

² Тирембучи (Ти Римпоче) – временный правитель Тибета, подписавший 7 сентября 1904 г. Лхасскую конвенцию.

№ 45

1905 г. сентября 25. – Записка, составленная в Министерстве иностранных дел России, о переговорах с А.Доржиевым по вопросу возвращения Далай-ламы в Тибет

При объяснениях, происходивших в Министерстве иностранных дел с Хамбо Доржиевым по поводу настоящего положения Далай-Ламы, разъяснено было, что основною целью Первосвященника должно быть в настоящее время возвращение в Лхасу. В самом деле продолжительное отсутствие его из столицы лишь содействует усилению власти китайцев, с одной стороны, и с другой – облегчает возможность всяких происков англичан, в то время как личный престиж и авторитет Далай-Ламы лишь ослабевают от дальнейшего пребывания в Монголии. Доржиев, по существу вполне согласившийся с этой точкой зрения, выразил лишь опасение, что по имеющимся у него сведениям следует предвидеть крайнюю личную необеспеченность и полную утрату самостоятельности духовного главы тибетского народа ввиду деятельности как англичан, так и китайцев. В ответ посланцу были высказаны следующие соображения: окончательное соглашение между Англией и Китаем, вероятно, еще не состоялось, между тем имеются налицо положительные заверения относительно Тибета и лично Далай-Ламы как со стороны Англии, так и со стороны Китая, сделанные в силу дружеских представлений Императорского правительства.

На предложение г. Доржиева возобновить наши представления в пользу Тибета и назначить официального русского представителя, который прибыл бы в Лхассу вместе с Далай-Ламой, было отмечено, что всякое явное покровительство или посредничество России было бы лишь на деле вредно самому Далай-Ламе, давши повод видеть в нем ставленника России. Ежели же некоторые дополнительные гарантии со стороны Англии представляются необходимыми предварительными условиями возвращения его в Лхассу, то таковые целесообразнее всего могли бы быть достигнуты путем непосредственных объяснений с английскими властями, тем путем, который кажется для тибетцев наиболее удобным.

Признав в принципе правильность этих соображений и обещав представить их на решение Далай-Ламы, г. Доржиев просил лишь о том, чтобы в письменной форме были точно повторены полученные Россией от Великобритании и Китая обещания, по содержанию коих он уже был в общих чертах поставлен в известность.

Казалось бы, что если этим способом могло бы быть достигнуто успокоение Далай-Ламы, а равно возвращение его в Лхассу, то к вышеупомянутому письменному сообщению не должно бы представиться препятствий.

Возбужденный Доржиевым вопрос о назначении консулов в Лхассу был оставлен открытым до выяснения соответствующих обязательств, которых Англия могла бы добиться от Китая в этом отношении. Ввиду дипломатического характера возможного дальнейшего направления этого дела г. Доржиеву не были сообщены соображения Министерства иностранных дел по сему поводу.

В. и Д.¹

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 58-59 и об. Подлинник.

¹ В. и Д. – видимо, это шифр фамилий сотрудников Министерства иностранных дел, которые составляли справку о переговорах с А. Доржиевым.

№ 46

1906 г. января 4. – Секретная телеграмма консула в Бомбее В.О.Клема в Министерство иностранных дел России о пребывании тибетского Панчен-ламы в Британской Индии

Таши-Лама Тибетский¹ в последних числах декабря выехал из Калькутты в Лхассу. При посещении им вице-короля Индии соблюдался церемониал, установленный для туземных вассальных князей

третьего разряда, которым полагается салют в 17 выстрелов. На следующий день лорд Минто² отдал этому сановнику визит.

Здесь недавно распространился слух, что англичане собираются провозгласить Таши-ламу Далай-Ламой и признать его верховным правителем Тибета. Не думаю, однако, чтобы это было возможно, так как англичанам, без сомнения, известно, что Далай-Ламой надо родиться, а нельзя стать. Только в светском отношении они могли бы возвести Таши-ламу на степень независимого правителя, игнорируя совершенно китайских властей в этой стране. Легко возможно, что они так и поступят.

Судя по сведениям Лондона, китайское правительство упорно отказывается утвердить англо-тибетский договор³ и даже собирается будто бы послать в Тибет, на правах генерал-губернатора, какого-то татарского генерала во главе сильного отряда.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 188. Копия.

¹ Таши-лама Тибетский – Панчен-лама.

² Лорд Минто – вице-король Британской Индии в 1905–1910 гг.

³ Англо-тибетский договор – Лхасская конвенция 1904 г.

№ 47

1906 г. февраля 1. – Письмо министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа Далай-ламе с изложением тибетской политики Англии и заверением, что будет обеспечена безопасность Первосвященника при его возвращении в Тибет

Проект письма Далай-Ламе,
Верховному главе тибетского народа,
Далай-Ламе, Хранителю Всесовершенной Религии

Приветствие

Вследствие выраженного желания посланцем Вашего Преосвященства Агваном Доржиевым ознакомиться с точным содержанием обязательства великобританского правительства, данного России относительно Тибета, Императорское Министерство иностранных дел имеет честь уведомить Вас, что в письме английского Министра иностранных дел на имя российского посла в Лондоне от 20 мая 1904 года обязательство это изложено в следующей форме:

«Ваше Превосходительство спрашивали меня в недавней беседе, изменило ли сопротивление, оказанное английской экспедиции в Тибете, политику Великобритании относительно этой страны сравнительно с тем, как она изложена в телеграмме индийского правительства от 6 ноября 1903 года.

Правительство Его Величества заявило в означенной телеграмме, что, соглашаясь на движение экспедиции полковника Юнгхесбанда (Янгхасбенда) в Гиантце (Гьянцзе), оно придерживается вполне определенно того мнения, что шаг этот не должен повести к занятию Тибета или постоянному вмешательству в тибетские дела.

Оно заявило, что движение предпринимается ради единственной цели получения удовлетворения и что по получении такового экспедиция удалится. Оно прибавило, что не намерено учредить постоянное представительство в Тибете и что вопрос о получении торговых преимуществ в этой стране будет рассмотрен в смысле решения изложенного в телеграмме.

Я ныне могу заявить, что правительство Его Величества продолжает держаться названной политики, хотя очевидно их образ действия будет в известной степени зависеть от поведения самих тибетцев и что правительство Его Величества не может поручиться, что оно ни в каком случае не отступит от политики, ныне принятой. Оно желает, однако, подтвердить самым решительным образом, что, пока никакая другая держава не будет стремиться вмешаться в дела Тибета, великобританское правительство не сделает попыток ни к присоединению этой страны, ни к установлению над нею протектората, ни к вмешательству в его внутреннее управление»¹.

Из содержания сказанного документа Вы можете убедиться в том, что уверения, данные великобританским правительством, имеют вполне положительный и определенный характер, служа в известной степени гарантией сохранения Тибетом политической независимости.

Что касается выраженного Вами беспокойства относительно предстоящего путешествия, то, как Вам известно, российскому посланнику в Пекине было поручено объяснить с китайским правительством с целью добиться гарантий Вашей безопасности в пути. В ответном письме, адресованном действительному с[татскому] с[оветнику] Покотилову, князем Цином прямо заявлено, что китайское правительство, желая скорейшего Вашего возвращения в Тибет, признает за собою обязанность командировать возможно сильный военный отряд для Вашей охраны и сопровождения и что Вашему Преосвященству не должно беспокоиться и сомневаться о своей судьбе.

Такое заявление китайского правительства российскому представителю налагает на него нравственное обязательство соблюдать данное обещание и служить, по мнению Министерства иностранных дел, достаточным обеспечением Вашей безопасности.

Николай II утвердил проект письма, начертав собственной рукой: «Согласен». Царское Село, 1 февраля 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 22-24. Подлинник.

¹ Однако правительство Великобритании не выполнило этих заверений и грубо вмешалось во внутренние дела Тибета, совершив вооруженное втор-

жение и захватив в начале августа 1904 г. Лхасу. В результате этой вооруженной агрессии Тибету была навязана Лхасская конвенция, по которой он по существу превращался в протекторат Великобритании.

№ 48

1906 г. февраля 8. – Проект секретной телеграммы министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине Д.Д.Покотилову об отказе Далай-ламы ехать в Пекин

(Шифром)

Согласно полученной хамбо Доржиевым телеграмме, собравшиеся в Пекине монгольские князья вынесли неблагоприятное впечатление от отказа Далай-Ламы посетить столицу Китая¹, приписывая отказ этот Вашим советам и обвиняя Первосвященника в чрезмерном подчинении влиянию России.

Между тем, как явствует из сообщения Доржиева, плохое в настоящее время состояние здоровья Далай-Ламы служит вполне достаточным основанием для отказа от поездки в Пекин, тем более что, согласно Вашей телеграмме от 31 января, на переданное князю Цину монгольскими князьями положение о таковой поездке князь отвечал отрицательно.

Представлялось бы желательным, чтобы Вы тем путем, который признаете наиболее соответственным, выяснили монгольским князьям действительную обстановку дела.

Сбоку текста стоит знак, свидетельствующий, что этот документ читал царь Николай II: «Согласен». Царское Село, 8 февраля 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д.85, л. 27 и об. Подлинник.

¹ Некоторые монгольские князья постоянно жили в Пекине, некоторые бывали там наездами по делам, а то и просто приезжали покутить в столице Китая. Видимо, эти князья и собирались в Пекине, чтобы выразить недовольство Далай-ламой, который не хотел ехать в Пекин. XIII Далай-лама никогда не питал симпатий к правительствам в Пекине, будь они монархические или республиканские.

№ 49

1906 г. февраля 10. – Письмо Далай-ламы Николаю II, приложенное к Всеподданнейшей записке В.Н.Ламздорфа

Великий и могущественнейший
государь Император Николай Александрович,

Я, Далай-Лама, в ознаменование великорадостного дня Нового года приношу Вашему Величеству сердечное мое поздравление и умо-

ляю верить моей сердечной любви и преданности и милостиво принять мое скромное подношение: приветственный хадак, образ Будды, священные книги, тибетское золото в 5 узелочках по 5 ланг и разных шелковых материй 15 кусков.

Великий Государь, как не оставлял ранее Своим милосердием и покровительством, так впредь не оставляй покорного Тибета.

Печать Далай-ламы

Халха, 27-го числа X-й луны

Года деревянной змеи.

Сбоку текста стоит знак, свидетельствующий, что этот документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 36. Подлинник. Перевод с тибетского языка, современный подлиннику.

№ 50

1906 г. февраля 21. – Доверительное письмо временно управляющего делами Министерства Императорского двора князя Н.Д.Оболенского министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с сообщением времени тайной аудиенции Николаем II Агвана Доржиева

Срочное

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вследствие письма от 15 сего февраля за № 223 имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что Государю Императору благоугодно принять в среду, 22 сего февраля, в 2 ч. 30 мин. дня, посланца тибетского Далай-Ламы – члена Императорского Географического общества хамбо Агвана Доржиева в частной аудиенции, ввиду чего, дабы избежать нежелательной огласки, все распоряжения по приему возложены на гофмаршальскую часть, причем отдельных приглашений г-ну Доржиеву послано не будет, почему покорнейше прошу Ваше Сиятельство не отказать сообщить ему, что экстренный для него поезд отойдет в 1 ч. 45 м. дня от Императорского павильона Москово-Виндаво-Рыбинской железной дороги.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Готовый к услугам

Ваш кн. Оболенский

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 38. Подлинник.

1906 г. февраля 22. – Письмо Агвана Доржиева Николаю II о предложении Далай-ламы послать в Тибет российскую научную экспедицию

Ваше Императорское Величество,

Его святейшество Далай-Лама поручил мне передать Вашему Императорскому Величеству выражение его неизменной преданности и благодарности за постоянное благосклонное внимание к делам Далай-Ламы и Тибета.

Его святейшество надеется, что и впредь Ваше Величество примете близко к сердцу интересы Тибета, страны, связанной религиозными узами с многими из подданных Вашего Величества. Вместе с тем Его Святейшество, имея в виду вскоре отправиться в Тибет согласно совету русского правительства, на которое он вполне полагается, поручил мне уверить Ваше Величество, что он принял и будет принимать всегда меры к тому, чтобы отныне русские исследователи и путешественники встречали в Тибете самый радушный прием. Быть может, теперь же Ваше Величество найдет желательным отправить русских ученых в Тибет – такие ученые встретят наилучший прием в Тибете. Тем охотнее этому будет способствовать Далай-Лама, что, покидая Лхассу, он был уверен в благосклонном к нему участии Вашего Величества.

Его Святейшество хорошо понимает, что только заботы о многих других делах помешали пока проявлению участия России к делам Тибета в той степени, в какой она этого желала¹. Его Святейшество поручил мне выразить еще раз преданность Его Вашему Величеству.

Старший Цанит Ханбо Агван Дорджиев
С.-Петербург

Сбоку у начала текста стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 35 и об. Подлинник.

¹ Действительно, Россия не могла в полной мере оказать помощь Тибету из-за войны с Японией и ее поражения в этой войне. Царское правительство на военную агрессию англичан в Тибете в 1904 г. могло реагировать только дипломатическими акциями.

1906 г. февраля 23. – Секретная телеграмма консула в Урге В.Ф.Любы министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о согласии Далай-ламы вернуться в Тибет

Ознакомившись с последними известиями, полученными из Петербурга и Пекина, Далай-Лама соглашается вернуться в Лхасу и вы-

езжает из Ванкурень¹ в начале марта. При этом он желал бы знать до своего отъезда, примет ли наше правительство на себя посредничество к выяснению степени влияния англичан на дела Тибета и к ограничению исключительных их привилегий в стране и возможно ли без осложнений с Англией обещанное Доржиеву командирование при Первосвященнике в Лхассу русского дипломатического чиновника с охранным отрядом², находящимся уже в Ванкурене. Кроме того, есть сведения, что Янчжи вновь получил предписание сопровождать Далай-Ламу в Тибет.

Сбоку у начала текста стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 37. Подлинник.

¹ Ванкурень (Ван-курень) – ставка монгольского князя Ханда-Доржи (Ханд-вана).

² Охранный отряд при Далай-ламе в Ванкурене состоял из российских бурят. Численность его составителям неизвестна.

№ 53

1906 г. марта 8. – Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине Д.Д.Покотилову с указанием поддерживать тяготение Далай-ламы к России

(Шифром)

Государю Императору благоугодно было назначить хамбо Агвану Доржиеву частную аудиенцию, дабы принять из рук посланца Далай-Ламы письмо Первосвященника и присланные подарки.

Его Величество милостиво изволил благодарить Доржиева за выраженные им от имени Далай-Ламы чувства и, изъявляя готовность оказывать по мере сил и средств помощь Тибету, обратил внимание на необходимость следовать Вашим советам и указаниям, как лица, облеченного особым Высочайшим доверием и во всех отношениях осведомленного о планах и намерениях Императорского правительства.

Глубоким впечатлением, произведенным означенною аудиенциею, Вы, конечно, сумеете воспользоваться в сношениях Ваших с Далай-Ламою, закрепив тяготение его к России на пользу наших интересов.

На проекте телеграммы начертано рукой Николая II: «Согласен». Царское Село, 8 марта 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 51 и об. Подлинник.

1906 г. мая 30. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского о предложениях по тибетскому вопросу, сделанных правительством Великобритании правительству России через английского посла в Петербурге А.Никольсона

Внимательное рассмотрение предложений, сделанных великобританским правительством по тибетскому вопросу, приводит к убеждению, что предложения эти заслуживают полного внимания.

В самом деле, в чем именно должна заключаться ближайшая цель наших стремлений в означенном вопросе. Цель эта, казалось бы, может быть только одна: ограждение в пределах возможности обособленности Тибета, дабы предотвратить поглощение его Англией.

Такая постановка вопроса вызывается следующими соображениями. Англия уже давно обратила свои взоры на Тибет и, постепенно распространяя свое владычество к северу от Гималаев, естественным путем пришла к мысли о том, чтобы завязать сношения с этою страню прежде всего, конечно, на почве торговых дел. В этих видах еще в 1890 году она заключила с Китаем конвенцию, которую дополнила в 1893 г. особыми правилами для торговли. Наиболее существенным пунктом этих правил следует считать устройство в Ятунге торгового рынка с разрешением правительству Индии посылать в этот пункт своих офицеров для пребывания там и наблюдения за производством торговли. Затем, со свойственною ей последовательностью, Англия шла по намеченному пути, когда образ действий Тибета и китайских властей в стране в связи с участвовавшими сношениями нашими с Далай-Ламой явились препятствием к достижению поставленной цели, она не задумалась воспользоваться благоприятным политическим моментом и снарядила военную экспедицию в Хлассу (Лхасу), завершившуюся новым договором, который доставил ей и новые преимущества. Последние определяются полковником Юнгхезбандом (Янгхасбандом), подписавшим от имени индийского правительства этот документ, следующим образом: «Заключенное нами соглашение точно определяет наши границы, ставит наши торговые сношения с Тибетом на вполне удовлетворительную почву и дает нам право, если бы мы того пожелали, исключить из страны всякое иностранное влияние». Наконец, в самое последнее время Англия заключила с Китаем договор¹, первую статью коего утверждает конвенция Юнгхезбанда 7 сентября 1904 года.

Таковы факты. Они с наглядностью убеждают, что Англия имеет в Тибете такие права и преимущества, с которыми нельзя не считаться, не говоря уже о том, что страна эта граничит с индийскими владениями. Обстоятельство это весьма наглядно сказалось во втором пункте предложений великобританского правительства, указывающем

на преимущественные интересы Англии, обоснованные именно на географическом положении.

Эквивалента подобным данным Россия выставить не может. Единственным нашим аргументом являются религиозные интересы, а затем никаких средств воздействия на Тибет мы не имеем, и если в последнее время шла речь о возможности влияния нашего в означенной стране, то все планы наши в этом отношении были построены исключительно на тяготении к России нынешнего Далай-Ламы, который мечтает о том, чтобы при нашей поддержке добиться для Тибета полной самостоятельности, не принимая при этом во внимание всех происшедших за последнее время событий². Но на такой почве нельзя строить расчетов на будущее: зависимость политики от личности – слишком шаткое основание вообще, а в вопросе тибетском в особенности, если только принять в расчет, что буддийские первосвященники никогда не умирали естественной смертью и всегда быстро сходили со сцены, служа лишь игрушкой в руках правящего на деле страной высшего местного духовенства. Более чем вероятно, что нынешнего главу буддийского мира постигнет участь его предшественников, и тогда в Хласе могут восторжествовать иные течения, нам совершенно противные. При таких условиях соглашение, связывающее свободу действий англичан, окажется весьма ценным и явится именно тем фундаментом, на котором может быть построено здание наших взаимных отношений с Англиею в тибетском вопросе.

Затем, само собою разумеется, что предложенные Лондонским Кабинетом пункты соглашения могут быть подвергнуты изменениям и дополнениям, дабы не оставлять места сомнениям, столь нежелательным в таком серьезном деле.

С этой точки зрения нельзя прежде всего не обратить внимание на второй пункт английских предложений. Не ясно, о каких «внешних сношениях» в нем говорится и как понимать по отношению к последним слово «disturbed».

Если судить по некоторым признакам и данным, следует думать, что англичане в настоящем случае разумеют сношения Далай-Ламы с Россиею. Сношения эти, начатые впервые в 1898 году чрез посредство хамбо Агвана Доржиева, с тех пор продолжались непрерывно, и как бы в ответ на приезд названного тибетского посланца в 1900 году с официальной миссией, Императорское правительство поспешило учредить консульство в Дацинлу (Дяззяньлу), для управления коим был послан бурят Буда Рабданов, имевший [целью] поддерживать сношения с Далой-Ламою. Хотя возложенному на Рабданова поручению был придан вполне секретный характер и консульства он не открывал, живя в стране в качестве простого паломника, тем не менее поездка его не осталась тайною и слух о ней проник в английскую печать и успел возбудить против нас общественное мнение Англии.

Сношения наши с Далай-Ламой вполне естественно должны беспокоить великобританское правительство, и стремление последнего заключить их в известные рамки отвечает сущности предложенного соглашения, устанавливающего невмешательство заинтересованных сторон в дела Тибета.

В том же пункте говорится о преимущественных интересах Англии, основанных на географическом положении. Признание нами этих интересов представит, конечно, существенную важность для англичан, и мы могли бы, быть может, воспользоваться этим обстоятельством, чтобы, с своей стороны, добиться известных выгод, хотя бы и в иной сфере наших действий.

Во всяком случае, по пункту 2 необходимо будет войти в более подробные объяснения с здешним великобританским послом и побудить его определеннее высказаться о значении сделанных предложений.

Следует также обратить внимание на сделанное к пяти пунктам добавление о том, что никакие русские официальные лица не могут пребывать в Тибете. Едва ли такое одностороннее обязательство допустимо, особенно если принять в соображение, что на основании V статьи договора Юнгхезбанда англичанам предоставлено право иметь агентов в открытых для торговли рынках и что тому из них, который будет находиться в Гиантце, разрешается в известных случаях посещать Хлассу.

Предположенное ограничение, казалось бы, не должно относиться к ученым экспедициям, исследования коих служат высшим целям, одинаково всех интересующим и не касающимся дел политики.

Предварительно дальнейших переговоров с здешним великобританским послом представляется соответственным запросить заключений нашего посланника в Пекине по существу сделанных сэром Артуром Никольсоном предложений, освещение коих с местной точки зрения может дать полезный материал для окончательного суждения о предмете.

С тою же целью – найти прочные основы для наилучшего решения вопроса – желательно ознакомиться с соображениями наших ученых и знатоков тибетского вопроса, которых я полагал бы созвать на особое по этому предмету совещание.

При таких условиях мы могли бы приступить к делу во всеоружии знания, ясно и определенно осознав наши цели и стремления, что даст нам возможность вести переговоры без колебаний и, таким образом, обеспечить наилучший успех их.

Особенно знаменательным представляется тот факт, что великобританское правительство начало переговоры с нами об общем соглашении тибетского вопроса и сделало нам определенные предложения по существу, как сказано выше, вполне отвечающие нашим интересам.

В этом факте нельзя не усмотреть действительного желания Англии прийти к известному практическому результату, и обстоятельством этим нам нельзя не воспользоваться.

Тибетский вопрос представляет именно ту почву, на которой легче всего сойтись с Англией, особенно ввиду уже ранее принятых ею на себя обязательств в ответ на нашу уступку в египетском деле³. Таким образом, начиная с этого вопроса, Лондонский Кабинет имеет очевидно в виду сразу дать переговорам благожелательную окраску, что представляет существенное значение для дальнейших объяснений по таким пунктам, где примирение обоюдных интересов связано с большими трудностями. С другой стороны, конечно, нельзя упускать из виду, что, давая в тибетском деле такую схему для соглашения, которая широко ставит вопрос и идет навстречу нашим требованиям, Англия по существу мало что теряет, так как преимущественное положение ее в отношении к Тибету всегда будет давать ей возможность пользоваться таким влиянием, которое для нас окажется недостижимым. Наконец, следует заметить, что, в случае если бы по другим более сложным вопросам не могло состояться соглашения, у Лондонского Кабинета всегда окажется возможность предложить нам закрепить относительно Тибета то, что будет выговорено, и, таким образом, в случае нашего на то согласия, все же будет достигнут известный результат.

Как бы то ни было, но не подлежит сомнению, что Англией сделан ныне такой шаг, который ясно и определенно свидетельствует о полной готовности ее идти на соглашение.

Нам следует с такою же прямою и откровенностью отнестись к делу и, оставив в стороне всякие мелкие политические расчеты, широко взглянуть на вопрос о сближении с Англией в сознании важности последнего для первостепенных государственных интересов.

С этой точки зрения тибетское дело явится тем пробным камнем, который даст возможность обнаружить искренность обоюдных намерений.

Необходимо поэтому, ясно наметив преследуемую цель, устранить всякие привходящие элементы, которые могут лишь вселить недоверие в Англию и, таким образом, в корне подорвать дело соглашения с нею.

С этой точки зрения нельзя не остановиться на вопросе о сношениях наших с Тибетом. Сношения эти за последнее время в значительной мере ускользали от прямого, непосредственного ведения Министерства иностранных дел, что, естественно, придает им характер двойственности, могущей вселить недоверие к нашим намерениям⁴.

При настоящих условиях такая постановка вопроса должна быть безусловно осуждена и, раз принципы, положенные Англией в основу соглашения, будут нами приняты, необходимо будет их держаться

твердо и неуклонно, свидетельствуя тем о полной нашей искренности как о необходимом условии всякого сближения.

Только при таком отношении к делу возможно рассчитывать на успех стараний наших к осуществлению стоящей пред нами крупнейшей политической задачи – соглашения с Англией на почве взаимных интересов.

Вышеизложенные соображения осмеливаюсь повергнуть на Всемилостивейшее благовоззрение Вашего Императорского Величества.

С.-Петербург, Извольский

Николай II на Записке собственноручно начертал: «Разделяю высказанные Вами соображения и уполномочиваю Вас вступить в объяснения с английским послом». Петергоф, 30 мая 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д.85, л. 103–109 и об., 110. Подлинник.

¹ Речь идет о конвенции между Великобританией и Китаем относительно Тибета. Подписана в Пекине 27 апреля 1906 г. Конвенция носила противоречивый характер. С одной стороны, она признавала действительность Лхасской конвенции 1904 г., согласно которой Тибет подпадал под контроль Великобритании, а с другой – в ней утверждалось, что правительство Великобритании не будет «аннексировать территорию Тибета и не будет вмешиваться в управление Тибетом».

² «Происшедшие за последнее время события» в России – русско-японская война 1904–1905 гг. и революция 1905 г.

³ «Египетское дело» – см. примеч. 1 к док. 21.

⁴ Содержание этого абзаца документа дает основание сделать вывод о том, что русско-тибетскими отношениями до 1906 г. занималось главным образом Военное министерство, а не Министерство иностранных дел России.

№ 55

1906 г. мая 31. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского о заявлении послу Великобритании в Петербурге А.Никольсону о том, что правительство России готово вести с ним переговоры по тибетскому вопросу

Вследствие полученного мною от Вашего Императорского Величества Всемилостивейшего разрешения я заявил посетившему меня вчера великобританскому послу, что Императорское Правительство согласно вступить с ним в объяснения по вопросу о Тибете на основании сделанных им письменных предложений. «Мы вполне признаем, ска-

зал я, широкий и примирительный характер этих предложений и готовы, с нашей стороны, отнестись к ним столь же широким и примирительным образом. Но прочное соглашение по выдвинутому вопросу возможно лишь при том условии, чтобы между сторонами не оставалось ничего не договоренного и не выясненного. Необходимо поэтому прежде всего разъяснить точный смысл 2-го пункта английских предложений, в котором сказано, что Англия, в силу своего географического положения, особенно заинтересована в том, чтобы никакая другая держава не нарушала (disturb) внешних сношений Тибета. О каких внешних сношениях Тибета здесь идет речь и какие именно действия другой державы – в данном случае, очевидно, России – могут их нарушить? Если у Англии имеются по отношению к Тибету специальные интересы, обусловленные географическим положением, то нельзя не признать и за Россию по отношению к той же стране соответствующих интересов, вытекающих из религиозной зависимости весьма значительного числа русских подданных буддистов от главы тибетского государства. Эта религиозная зависимость подает нам повод к сношениям с Далай-Ламой, отнюдь не имеющим политического характера и не составляющим вмешательства во внутренние тибетские дела. Было бы справедливым изменить текст 2-го пункта предложений соответственно с вышесказанными соображениями. Точно так же требует разъяснения и приписка к предложенным пунктам, в силу коей в пределы Тибета не должны допускаться никакие русские должностные лица (officials). Всему свету известны заслуги экспедиций, снаряжаемых от времени до времени русским Географическим обществом для научного исследования Тибета; в экспедициях этих весьма часто принимают участие лица, состоящие на русской государственной службе. Необходимо оговорить, что сказанную припискою не имеется в виду препятствовать деятельности наших ученых экспедиций».

Сэр Артур Никольсон внимательно выслушал мои заявления и обещал мне довести их до сведения своего правительства.

О вышеизложенном приемлю смелость повергнуть на Всемиловейшее благовоззрение Вашего Императорского Величества.

Извольский
С.-Петербург

На листе 111 стоит знак, свидетельствующий, что царь Николай II читал этот документ.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 111–112 и об. Подлинник.

1906 г. июня 2. – Секретная телеграмма министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине Д.Д.Покотилкову с изложением предложений правительства Великобритании правительству России по тибетскому вопросу

(Шифром)

Вновь прибывший в С.Петербург великобританский посол заявил мне, что ему поручено вступить с нами в переговоры об общем соглашении по вопросам, одинаково интересующим Россию и Англию.

Начав с тибетского вопроса, он передал мне текст Англо-Китайской конвенции от 27 апреля, сущность коей сообщается Вам телеграммой № 2, и записку с предлагаемыми нам Англией нижеследующими пятью пунктами:

1. Россия и Англия признают сюзеренитет Китая и обязуются не нарушать территориальной неприкосновенности Тибета и воздерживаться от вмешательства в его внутреннее управление.

2. Россия признает, что Великобритания, в силу своего географического положения, заинтересована в том, чтобы внешние сношения Тибета не нарушились никакою другою державой.

3. Оба правительства обязуются не посылать представителя в Лхассу.

4. Они соглашаются не добиваться ни для себя, ни для своих подданных концессий дорожных, телеграфных, горных или же иных прав в Тибете.

5. Они соглашаются, чтобы никакие доходы Тибета не отчуждались ни в их пользу, ни в пользу их подданных.

Прибавка к пунктам гласит, что русские должностные лица не могут пребывать в Тибете ни в каком качестве.

Вышеизложенные предложения несомненно имеют в общем широкий и примирительный характер, а потому я ответил, с Высочайшего соизволения, Никольсону, что мы готовы вступить с ним в объяснения на предложенных основаниях, но вместе с сим я высказал ему, что необходимо прежде всего разъяснить истинное значение 2-го пункта предложений. Если Англия вследствие своего географического положения имеет по отношению к Тибету специальные интересы, то следует признать и за Россию соответствующие интересы, вытекающие из религиозной зависимости ее подданных-буддистов от главы тибетского государства. Эта зависимость подает нам повод к сношениям с Далай-Ламой, не имеющим никакого политического характера и не составляющим вмешательства во внутренние тибетские дела. Было бы справедливо поэтому соответственным образом изменить редакцию 2-го пункта. Кроме того, прибавка к пунктам не должна препятствовать снаряжению в Тибет русских ученых экспедиций.

Великобританский посол обещал довести мои соображения до сведения своего правительства. В ожидании его ответа и прежде чем дать

дальнейший ход переговорам, я желал бы ознакомиться с Вашим взглядом как на Англо-китайскую конвенцию¹, так и на сделанные нам Англией предложения. Как Вы смотрите на общую постановку вопроса, сущность коей заключается в возвращении Тибета под китайский сюзеренитет и во взаимном обязательстве Англии и России не нарушать территориальной целостности Тибета и не вмешиваться в его внутреннее управление? Считаете ли Вы предлагаемые Англией гарантии достаточными и полагаете ли Вы, что мы можем принять 1, 3, 4 и 5-й пункты записки? Пункт 2 в настоящем его виде очевидно для нас не приемлем, и я просил бы Вас указать, в каком смысле его следовало бы изменить.

Николай II на проекте телеграммы написал: «Согласен». Петергоф, 2 июня 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 114 и об., 115. Подлинник.

¹ Англо-китайская конвенция – см. примеч. 1 к док. 54.

№ 57

1906 г. июня 3. – Секретное письмо министра иностранных дел А.П.Извольского послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с сообщением о согласии правительства России вести переговоры с английским послом в Петербурге А.Никольсоном по тибетскому вопросу на основе предложений правительства Великобритании

Телеграммою от 26 мая с.г. я имел честь уведомить Ваше Сиятельство, что вновь прибывший сюда великобританский посол заявил мне, что ему поручено вступить с Императорским правительством в переговоры с целью прийти к формальному соглашению по ряду вопросов, одинаково интересующих Россию и Англию. При этом сэр Артур Никольсон предложил принять для этих переговоров ту же систему, которая в свое время привела к заключению Англо-Французского соглашения¹, а именно рассмотреть вышесказанные вопросы один за другим и постараться по каждому из них установить общую точку зрения, не приходя, однако, по ним в отдельности к окончательному решению. Затем, когда выяснится возможность полного единодушия, могло бы состояться общее соглашение по всем вопросам в их совокупности.

Я ответил послу, что лично не встречаю никаких затруднений приступить к делу на указанных им основаниях. Тогда сэр Артур Никольсон высказал готовность начать с обсуждения вопроса о Тибете и, изложив вкратце последний фазис отношений Англии к этой стране, вручил мне препровождаемый при сем текст заключенной недавно по этому вопросу конвенции с Китаем, присовокупив, что текст этот мо-

жет оказаться дословно не вполне точным, так как подлинная конвенция в Лондоне еще не получена, а потому он предоставляет себе, в свое время, исправить и дополнить свое сообщение.

Вслед за сим сэр Артур Никольсон приступил к изложению пунктов предполагаемого соглашения между Россией и Англией по тому же предмету, а на следующий день он доставил мне эти пункты письменно, в форме записки, которую считаю долгом приложить при сем в копии.

Последовавший вслед за сим довольно длинный разговор коснулся обратного путешествия Далай-Ламы в Тибет, а также отчасти положения дел в Монголии. При этом я все время старался держаться в пределах объяснений, данных в минувшем апреле графом Ламздорфом великобританскому поверенному в делах и в полной мере подтвердил моему собеседнику успокоительные уверения моего предшественника насчет полного отсутствия у нас намерения вмешиваться во внутренние дела Тибета, присовокупив, что с нашей стороны приняты все меры к тому, чтобы добровольно вызвавшиеся сопровождать Далай-Ламу буряты ни в каком случае не переходили границы Тибета. Единственное наше желание, сказал я в заключение, — это, чтобы в Тибете как можно скорее был восстановлен нормальный порядок, ибо этого требуют религиозные интересы многих тысяч наших подданных бурят.

Предложения великобританского правительства были мною самым тщательным образом рассмотрены и повергнуты на Высочайшее благоволение Государя Императора при всеподданнейшей записке, прилагаемой у сего в копии. На записке этой Государю Императору благоугодно было начертать: «Разделяю высказанные Вами соображения и уполномочиваю Вас вступить в объяснения с английским послом».

Вследствие такового Высочайшего разрешения я при следующем свидании заявил сэру А.Никольсону, что Императорское правительство согласно вступить с ним в переговоры по вопросу о Тибете на основании сделанных им письменных предложений. «Мы вполне признаем, сказал я, широкий и примирительный характер этих предложений и готовы с нашей стороны отнестись к ним столь же широким и примирительным образом. Но прочное соглашение по выдвинутому вопросу возможно лишь при том условии, чтобы между сторонами не оставалось ничего не договоренного и не выясненного. Необходимо поэтому прежде всего разъяснить точный смысл второго пункта английских предложений, в котором сказано, что Англия в силу своего географического положения особенно заинтересована в том, чтобы никакая другая держава не нарушала (disturb) внешних сношений Тибета. О каких внешних сношениях Тибета здесь идет речь и какие именно действия другой державы — в данном случае, очевидно, Рос-

сии – могут их нарушить? Если у Англии имеются по отношению к Тибету специальные интересы, обусловленные географическим положением, то нельзя не признать и за Россией, по отношению к той же стране, соответствующих интересов, вытекающих из религиозной связи весьма значительного числа русских подданных буддистов с главою тибетского государства. Эта связь подает нам повод к сношениям с Далай-Ламой, причем сношения эти отнюдь не имеют политического характера и не составляют вмешательства во внутренние дела Тибета. Было бы справедливым изменить текст второго пункта предложений *соответственно с вышесказанными соображениями*. Точно так же требует разъяснения и приписка к предложенным пунктам, в силу коей в пределы Тибета не должны допускаться никакие русские должностные лица (officials). Всему свету известны заслуги экспедиций, снаряжаемых от времени до времени Русским Географическим обществом для научного исследования Тибета; в экспедициях этих весьма часто принимают участие лица, состоящие на государственной службе. Необходимо оговорить, что сказанную припискою не имеется в виду препятствовать деятельности наших ученых экспедиций».

Сэр Артур Никольсон внимательно выслушал мои заявления и обещал мне довести их до сведения своего правительства.

Ознакомясь со всем вышеизложенным, Ваше Сиятельство несомненно придете, вместе со мною, к заключению, что английское правительство действительно поставило вопрос о Тибете весьма широким и примирительным образом; сущность его плана заключается в том, чтобы возвратить Тибет под сюзеренитет Китая и установить до известной степени между Россией и Англией то, что называется «un protocole de desinteressement». Такую постановку вопроса мы можем принципиально признать для нас желательною и выгодною, и я считал бы пункты 1, 3, 4 и 5 предложений в общем приемлемыми; что же касается до пункта 2 и прибавки, то они должны быть или вовсе исключены, или подвергнуться изменению и разъяснению в соответствии с высказанными мною Сэру Артуру Никольсону соображениями.

В тесной связи с настоящими переговорами стоит вопрос о возвращении Далай-Ламы в Тибет. Из весьма секретного источника мы осведомились, что великобританское правительство относится к этому возвращению совершенно отрицательно и, считая Далай-Ламу открыто себе враждебным, предвидит, в случае водворения его в Хлассу, возникновение недоразумений и возможность вследствие этого новой военной экспедиции в Тибет. Такой оборот дела очевидно сразу положит конец всякой попытке к общему соглашению с Англиею. Необходимо поэтому тщательно изъяснить, имеются ли достаточные основания для нашего стремления возвратить Далай-Ламу в Хлассу. Мною уже приняты меры с целью выяснить, как относится Китай к возвращению Первосвященника в Тибет², в чем именно состоят соб-

ственные планы и желания Далай-Ламы и где он в настоящее время находится.

В заключение считаю долгом покорнейше просить Ваше Сиятельство сообщить мне Ваше мнение о сделанных нам Англиею предложениях и о том, какое направление было бы желательно, на Ваш взгляд, дать дальнейшим переговорам об этом предмете.

Николай II на проекте письма начертал: «Согласен». Петергоф, 3 июня 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 117–121 и об. Подлинник.

¹ Англо-французское соглашение 1904 г. положило начало созданию Антанты.

² Правительство в Пекине в это время выступало за возвращение Далай-ламы в Тибет.

№ 58

1906 г. июня 6. – Отчет о совещании у министра иностранных дел А.П.Извольского по вопросу о судьбе Далай-ламы – возвращаться ли ему в Тибет или временно поселиться в Кукуноре

ОТЧЕТ СОВЕЩАНИЯ ПО ТИБЕТСКИМ ДЕЛАМ

Присутствовали кроме чинов Министерства иностранных дел следующие лица:

Действительный тайный советник П.П.Семенов, вице-председатель Императорского Русского географического общества.

Тайный советник Я.П.Шишмарев, бывший российский генеральный консул в Урге.

Тайный советник А.М.Позднеев¹, член Совета Министерства народного просвещения.

Генерал-лейтенант Н.М.Чичагов, командир отдельного корпуса пограничной стражи Заамурского военного округа².

Генерал-лейтенант И.П.Надаров, бывший военный губернатор Забайкальской области и бывший начальник тыла армий.

Князь Э.Э.Ухтомский.

Действительный статский советник С.Ф.Ольденбург, непреходящий секретарь Императорской Академии наук.

Действительный статский советник В.В.Владимиров, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, и капитан П.К.Козлов³, путешественник.

Совещание прежде всего приступило к определению положения Далай-Ламы в буддийском мире.

Из происшедшего обмена мнений выяснилось, что первоначально высшая власть в Тибете сосредоточивалась в руках одного Таши-ламы, но что затем последний оставил за собой лишь административную часть, а духовное руководство перешло к Далай-Ламе, который с тех пор и занимает первенствующее положение в духовной иерархии ламаитов. При этом, конечно, не следует упускать из виду, что Тибет является составной частью Китая, который осуществляет свое верховенство чрез посредство двух амбаней⁴, располагающих известным количеством войск, впрочем весьма ограниченным.

Что касается нынешнего, тринадцатого Перерожденца, то ввиду его исключительных личных качеств и аскетического образа жизни он пользуется особым почетом и уважением в глазах буддистов всего света, отовсюду стекающихся к нему на поклонение. С другой стороны, необходимо, однако, иметь в виду, что, оторванный от родной почвы, вдали от священных монастырей Тибета, Первосвященник легко может утратить свое настоящее влияние.

Перейдя к вопросу о том значении, которое Тибет представляет собою для России, члены Совещания высказались в том смысле, что в стране этой Россия не имеет непосредственных интересов. Поэтому тибетский вопрос является одним из тех, по которым легче всего сговориться с англичанами, и им следовало бы воспользоваться для того, чтобы в этой области сделать возможные уступки взамен выгод, которые мы могли бы получить от них в других делах, имеющих для нас более существенное значение. Мы заинтересованы Тибетом прежде всего в том отношении, что среди наших подданных имеется немало число буддистов, вследствие чего нам, конечно, выгодно пользоваться расположением их духовного главы, всеми ими признаваемого и почитаемого. Есть затем и другая сторона вопроса, специально затрагивающая Россию, а именно наше первенство в деле научных исследований Тибета. Заслуги наших путешественников и ученых в этой области признаются всеми, между прочим и англичанами, и нам во всяком случае следует по мере возможности отстоять для русской науки право свободно идти вперед по открытому ею пути.

Относительно нынешнего Далай-Ламы затем высказано, что, являясь другом России и ввиду условий, созданных на юге Тибета его политикой, он признается великобританским правительством за лицо, враждебное Англии, и потому не желателен ей в качестве властителя страны. По общему убеждению, можно даже предполагать, что в случае возвращения его в Лхассу англичане вновь вмешаются в дела страны. Хотя сам Далай-Лама и стремится вернуться в Тибет, сознавая насколько он утрачивает свое значение вне его пределов, но он отдает себе все же полный отчет в том, насколько это было бы опасно для него в настоящий момент.

Что же касается до отношения Англии к Тибету, то само собою разумеется, что последний ввиду близкого соседства с Индией представляет для Англии гораздо большее значение, чем для нас; у англичан имеются в Тибете исторически сложившиеся торговые и политические интересы, жизненность которых вне сомнения; кроме того, англичане обладают вполне действительными средствами воздействия на Тибет, которых мы не имеем. Из этого следует, что Россия должна стараться обеспечить свои немногочисленные интересы путем дипломатического соглашения с великобританским правительством, так как иного способа действий нет и мы лишены возможности предпринять что бы то ни было наперекор Англии.

Вместе с тем нельзя забывать, что мы как бы то ни было связаны некоторыми нравственными обязательствами по отношению к Далай-Ламе и потому не можем не принять всех зависящих от нас мер к обеспечению его личной безопасности и, насколько это возможно, к сохранению нынешнего его положения и авторитета. Именно этим и определяется та задача, решение которой нам предстоит в настоящую минуту.

Совещанию было указано, что, согласно имеющимся в распоряжении Министерства иностранных дел данным, имеется основание рассчитывать на возможность путем дипломатических переговоров обезопасить Тибет от всяких посягательств со стороны англичан, т.е., иными словами, добиться такого рода соглашения, которое в дипломатической терминологии носит название «un protocole de désintéressement».

Путем обмена мнения выяснилось, что заключение подобного соглашения могло бы считаться приемлемым и даже выгодным для России.

Затем оставалось лишь решить вопрос о том, каким образом выполнить наши обязательства нравственного свойства по отношению к Далай-Ламе, т.е. обезопасить его жизнь и сохранить за ним его положение. По этому поводу было высказано, что всякое несчастье, которое постигло бы Далай-Ламу в ближайшем будущем, вне всякого сомнения, было бы истолковано буддистами как несоблюдение Россией своих обещаний, породило бы в них предположение о нашей слабости и, таким образом, подорвало бы в глазах огромного буддийского мира обаяние России и доверие к ее мощи и силе. Принимая во внимание вероятную невозможность согласиться с англичанами о нынешнем Далай-Ламе ввиду их враждебного к нему отношения и отсутствия у нас всяких средств к оказанию ему активной поддержки, единственным исходом из этого затруднительного положения являлось бы поселение его поблизости к центру Тибета в расчете, что он мог бы продолжать оказывать, и не возвращаясь в Лхассу, влияние не только на тибетцев, но и на жителей Монголии, не подвергаясь в то же время какой-либо опасности. По указаниям знатоков Тибета, наиболее удобным пунктом для этой цели являлся бы один из монастырей на

плоскогорье Кукунора. Эта местность, находящаяся в сфере влияния Тибета, напоминает собой Монголию в том отношении, что она находится в руках полунезависимых князей. Плоскогорье это представляет собой то крупное удобство, что для России сношения с ним не особенно затруднительны, со стороны же Индии доступ туда хотя и возможен с юго-востока, но тем не менее очень нелегок. Во всяком случае пребывание Далай-Ламы в Кукуноре лишило бы Англию возможности следить за всеми действиями его с такой же легкостью, как в Лхассе, которая, конечно, гораздо более доступна английскому контролю.

Такого рода исход из положения был единогласно признан наиболее отвечающим нашим интересам, тем более что, по словам г. Козлова, с таким разрешением вопроса, вероятно, согласится и сам Далай-Лама, лично говоривший г. Козлову, что хотя он и стремится вернуться в Тибет, но дальше Кукунора, должно быть, не пойдет, намереваясь выждать там дальнейшего развития событий.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 288–290 и об., 291. Копия.

¹ А.М.Позднеев – русский монголовед. С 1884 г. – профессор Петербургского университета; в 1899–1903 гг. – профессор и директор Восточного института во Владивостоке; с 1903 до 1917 г. – член Совета при Министерстве народного просвещения. В 1876–1878 гг. и в 1892–1893 гг. путешествовал по Монголии. Написал ряд фундаментальных трудов по истории, этнографии и религии монголов.

² Заамурский военный округ охватывал территорию полосы отчуждения КВЖД в Маньчжурии.

³ П.К.Козлов (1863–1935) – российский и советский исследователь Центральной Азии. В 1899–1901 гг. руководил монголо-тибетской экспедицией в верховья рек Хуанхэ, Янцзы и Меконг, во время которой были собраны важные материалы о геологии, климате, растительности и животном мире Тибетского нагорья и о малоизвестных восточнотибетских племенах. В 1907–1909 гг. возглавил монголо-сычуаньскую экспедицию, открывшую в пустыне Гоби остатки древнего города Хара-Хото; в 1923–1926 гг. совершил монголо-тибетскую экспедицию, во время которой в горах Хэнтэй был открыт и исследован курганный могильник гуннской знати – Ноин-Ула.

⁴ Один (главный) амбань находился в Лхассе, второй амбань – в г. Шигацзе.

№ 59

1906 г. июня 11. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского с мнением о том, чтобы Далай-лама временно поселился в пределах Китая поблизости от Тибета

В тесной связи с переговорами между нами и Англией о Тибете находится вопрос о возвращении Далай-Ламы в Хлассу.

Руководствуясь Высочайшею пометой Вашего Императорского Величества на телеграмме по сему предмету посланника в Пекине от 5 июня, я не преминул подвергнуть этот вопрос самому тщательному обсуждению и всесторонне взвесить все обстоятельства дела.

Осмеливаюсь ныне повергнуть на Всемилостивейшее благовоззрение нижеследующие соображения.

Озабочиваясь дальнейшею судьбою Далай-Ламы, следует прежде всего иметь в виду полную вероятность его гибели в случае возвращения в Хлассу, а потом естественно возникает вопрос, можем ли мы желать этого возвращения и тем более ему способствовать.

Нет сомнения, что если по прибытии в Тибет Первосвященника постигнет участь его предшественников, то это отразится весьма невыгодным образом на обаянии русского имени, так как Далай-Лама не переставал пользоваться нашею нравственной поддержкою и находился в постоянных с нами сношениях.

С другой стороны, необходимо принять во внимание отрицательное отношение великобританского правительства к Первосвященнику и возможность, в случае водворения последнего в Хлассе, новой военной экспедиции англичан в Тибет. Такой оборот дела свел бы на нет все усилия, направленные к соглашению с Англиею. Следует, конечно, принять все меры к тому, чтобы предупредить подобные последствия.

С этою целью представляется желательным дать понять Далай-Ламе, как смотрят на него англичане и что ожидает поэтому Тибет в случае возвращения его в Хлассу. Подобный шаг оправдывался бы неизменным участием нашим к судьбе Первосвященника и проявленным с его стороны тяготением в сторону России. Если бы он затем решился вернуться, то с нас, конечно, будет снята всякая ответственность за дальнейшую его участь, тем более что с точки зрения ожиданий Далай-Ламы на нашу помощь мы можем считать себя свободными от упреков, ввиду обязательств, коими мы связали англичан относительно Тибета еще задолго до того, как выяснилось их неприязненное отношение к нынешнему духовному главе буддистов.

Но существенно важным представляется обставить вопрос о возвращении Первосвященника в Хлассу и в отношении к великобританскому правительству.

В этих видах желательно вызвать англичан на объяснения по сему предмету, и если при этом, как следует ожидать, выяснится отрицательное отношение их к личности Далай-Ламы, мы могли бы заявить, что несколько не настаиваем на его возвращении: что в данном случае приходится считаться не с нами, а с китайцами и что мы готовы были бы даже, не ручаясь, конечно, за успехи, сделать попытку воздействовать на Первосвященника в желательном направлении.

Если бы этот план удался и Далай-Лама остался где-либо поблизости [от] Тибета или на его границах, то такой выход из положения

представлялся бы наиболее отвечающим нашим интересам как вполне обеспечивающий возможность прочного соглашения с Англией по тибетскому вопросу.

С.-Петербург, Извольский
11 июня 1906 года

Николай II на записке начертал: «Одобряю». Петергоф, 12 июня 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 129–131. Подлинник.

№ 60

1906 г. июня 12. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского с предложениями, на основе которых должны вестись его переговоры с английским послом в Петербурге А.Никольсоном по тибетскому вопросу

Заключения, высказанные посланником в Пекине, относительно предложенных англичанами пунктов соглашения по тибетскому вопросу, в связи с соображениями бывшего у меня 6 сего июня совещания, дают возможность сделать ныне окончательные выводы.

С общей точки зрения необходимо иметь в виду, что в настоящем деле едва ли можно говорить об уступках с нашей стороны в той мере, как это делает посланник в Пекине. Конечно, можно признать характер известной уступки в том, что мы готовы взять на себя те самые обязательства, которые Англия дала Китаю, и факт этот необходимо будет использовать; но следует, во всяком случае, согласиться с тем, что Лондонский Кабинет проявил несомненную готовность отказаться от всяких исключительных притязаний и что если нам удастся провести во все статьи соглашения принцип равноправности сторон, то интересы наши будут обеспечены.

Применяя эти общие положения к делу, можно признать, что пункты 1, 3, 4 и 5 предложенного англичанами соглашения могут быть безусловно приняты, но пункт 2 должен быть изменен. Редакция его, сообщенная д[ействительным] с[татским] с[оветником] Покотиловым, представляется, однако, не совсем подходящей. Казалось бы более соответственным изложить этот пункт следующим образом:

«Руководствуясь принципом созеренитета Китая над Тибетом, Россия и Англия обязуются вести сношения по тибетским делам не иначе как через посредство китайского правительства. Обязательство

это не касается сношения торговых агентов Англии с местными тибетскими властями по силе договора 1904 года между Великобританиею и Тибетом. Само собою разумеется, что за буддистами – русскими и великобританскими подданными – остается право сношений непосредственно с Далай-Ламою и другими представителями буддийской церкви в Тибете на почве их религиозных потребностей».

Что же касается прибавки к предложенным пунктам, то следует стремиться вовсе ее исключить как совершенно для нас неудобную или придать ей характер двухстороннего обязательства.

Наконец, необходимо будет обеспечить за нами право научных экспедиций, о чем я уже говорил с великобританским послом, но никакого ответа от него еще не получил.

Представляется потому затруднительным ныне же определить, как лучше обставить это дело, и придется отложить разрешение вопроса до дальнейших объяснений с сэром Артуром Никольсоном. Довода о сем до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества, приемлю смелость испрашивать Всемилостивейшего разрешения продолжать переговоры с великобританским послом на приведенных выше основаниях.

| АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 298 и об., 299. Копия.

№ 61

1906 г. сентября 28. – Секретное письмо министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине Д.Д.Покотилову относительно прекращения официальных отношений с Далай-ламой в связи с прогрессом на англо-русских переговорах по тибетскому вопросу

Секретно

Милостивый государь Дмитрий Дмитриевич,

Ход событий за последнее время в Монголии побудил Ваше Превосходительство посвятить целый ряд донесений стремлениям как китайцев, так и японцев упрочить свое влияние в этой области, а равно и тому своеобразному, в известной мере национальному движению, которое пробудилось в местном населении отчасти в связи с пребыванием Далай-Ламы среди монголов. Соображения Ваши о необходимости принять соответствующие меры для поддержания влияния России в Монголии, между прочим и на экономической почве, встретили полное сочувствие Императорского правительства, причем последнее, отпустив в Ваше распоряжение нужные средства, возложило на Вас общее руководство по осуществлению вышесказанных мероприятий. К проектировавшимся и предпринятым Вами в этой области частным

шагам, как, напр[имер], организация агентуры г. Хитрово¹, командировка г. Браунса и т.д., Министерство иностранных дел равным образом относилось вполне сочувственно; мы можем, конечно, лишь в том же духе отнестись и к соображениям общего свойства, изложенным в телеграмме Вашей от 26 и 27 августа по поводу ходатайства князя Удая², причем вопрос о ссуде названному лицу, хотя и не обещающий, как усматривается из переписки, особых политических выгод, мог бы быть, по справедливому замечанию Вашему, разрешен сообразно положительному свидетельству Военного ведомства об услугах, оказанных ему князем Удаем, в каком-то смысле будут сделаны сношения с министром финансов и начальником Генерального штаба, с которым по вопросу о ссуде князю Удаю происходила в свое время переписка. Придерживаясь изложенной выше точки зрения, Министерство исходило из сознания важности наших интересов в Монголии и необходимости обеспечить таковые всеми доступными нам средствами; то же сознание побуждает меня несколько подробнее остановиться на телеграмме Вашей, за № 743, касательно прекращения сношений с Далай-Ламой. Из телеграфных инструкций моих Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что при том положении, в которое вступили переговоры между Россией и Англией по тибетским делам, непосредственные официальные сношения с Далай-Ламой или даже сношения через лиц, состоящих на русской государственной службе, так сказать под русским флагом, являлись очевидно несоответственными, особенно с прибытием Первосвященника в Гумбум, после чего сношения его с Лхассой, вероятно, значительно оживятся. Такой образ действий представлялся, конечно, единственно целесообразным и в отношении к китайцам, ввиду стремления богдоханского правительства ближе подчинить Далай-Ламу своему влиянию и ускорить его возвращение в Лхассу. Изложенные обстоятельства, безусловно, должны были повести к заявлению от имени Императорского правительства тем лицам, которые служили официальными или официозными посредниками между русскими представителями и тибетским Первосвященником, что в этой роли мы их не будем более признавать и не будем пользоваться их услугами в означенном направлении. Факт этот не может, однако, почитаться равносильным запрещению всяких сношений русскоподданных с Далай-Ламой, тем более что таковое едва ли и стало бы соблюдаться, а равно не исключает и права Первосвященника делать нам каким-либо случайным путем то или иное вызываемое необходимостью сообщение. Полное отречение от всяких сношений с Далай-Ламой, особливо пока он не вернулся еще в Лхассу и находится в таком месте, откуда не исключено прямое влияние его на ход событий в Монголии, казалось бы, не вызывается необходимостью. Отношения наши к Первосвященнику лишь фактически суживаются, и мы должны стремиться сосредоточить таковые в сфере монгольских

дел, дабы этим путем использовать означенные отношения для непосредственных наших интересов. Принимая во внимание, что общее руководство деятельностью нашей в этой сфере ближайшим образом возложено на Вас, считаю долгом покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить Ваши соображения по содержанию настоящего письма.

К сему считаю долгом присовокупить покорнейшую просьбу о том, чтобы Вы изыскали какой-либо способ сделать заявление в указанном в настоящем письме смысле непосредственно г.г. Бимбаеву, Галсанову и Дабданову³, так как участие в этом деле начальника Забайкальской области представлялось бы, на мой взгляд, неудобным.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Извольский

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 371–372 и об., 373. Подлинник.

¹ А.Д.Хитрово (1860–1921) – с 1906 г. Кяхтинский пограничный комиссар, подполковник Генерального штаба, непосредственный организатор царской разведки в Монголии. До 1906 г. служил в разведотделе штаба Заамурского военного округа, находившегося в Харбине. А.Д.Хитрово расстрелян в 1921 г. в Урге по приказу барона Унгерна, вторгшегося со своей Конно-Азиатской дивизией осенью 1920 г. во Внешнюю Монголию и проводившего оттуда в 1921 г. военные рейды в пограничные районы Советской России. Расстрелян за критику Унгерна.

² Удай – владетельный князь хошуна Чжасакут Чжеримского сейма Внутренней Монголии; установил довольно тесные контакты с командованием царских войск, когда те в 1900–1905 гг. находились в Маньчжурии, а после – с русскими военными чинами в Харбине, управлявшими и охранявшими КВЖД. В августе 1912 г. поднял антикитайское восстание во Внутренней Монголии, которое было подавлено китайскими войсками в сентябре того же года.

В 1902 г. Удай обратился к царскому наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е.И.Алексееву с просьбой выдать ему ссуду в сумме 200 тыс. рублей на выкуп у китайцев колонизируемых ими земель в его хошуне. Поскольку Удай в период русско-японской войны помогал русским войскам (не допускал в свой хошун японцев, на территории хошуна базировалась военная разведка во главе с А.Д.Хитрово), царское правительство в 1904 г. приказало Русско-китайскому банку выдать ему просимую сумму. В 1906 г. Удай снова обратился к управляющему КВЖД генерал-майору Д.Л.Хорвату выдать ему еще одну ссуду в размере 320 тыс. руб. 26 июня 1907 г. Особое совещание Совета министров под председательством П.А.Столыпина решило простить Удаю прежнюю задолженность в 200 тыс. рублей и выдать ему новую ссуду в 85 тыс. рублей.

³ Бимбаев, Галсанов, Дабданов – буряты, царские разведчики, находившиеся в Ван-курене во время пребывания там Далай-ламы.

1906 г. октября 16. – Секретное письмо министра иностранных дел А.П.Извольского¹ послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу о том, что царское правительство заинтересовано во влиянии Далай-ламы на монголов и не будет содействовать стремлениям китайского правительства вернуть его в Тибет

Развитие переговоров с Англией по тибетским делам побудило меня снабдить посланника в Пекине надлежащими инструкциями касательно отношений наших к Далай-Ламе. Исходя из накопившегося практического опыта, вопрос подлежал рассмотрению с двух различных точек зрения: помимо чисто тибетских интересов, стоявших, в сущности, для нас на заднем плане, долговременное пребывание Первосвященника в Монголии, где он сумел приобрести широкое влияние, выдвинуло вперед соображения о непосредственных русских интересах в этой области Китая.

Обстоятельства, предшествовавшие отъезду Далай-Ламы в Гумбум, подробно изложены в прилагаемом у сего в копии донесении тит[улярного] сов[етника] Кузьминскаго² и явились последним актом наших сношений с Первосвященником по чисто политической стороне тибетского вопроса; затем д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Покотилову было поручено принять меры к прекращению в будущем подобных сношений в официальной или официозной форме. Принимая, однако, во внимание как весь последний ход событий в Монголии, так и то обстоятельство, что пребывание в Гумбуме вовсе не исключает прямого влияния Далай-Ламы на монгольских князей, я признал нужным в письме от 28 сентября с.г. к посланнику в Пекине, которое также прилагается у сего в копии, подробнее остановиться на этой стороне дела.

Намеченная в означенном письме задача сводится к тому, чтобы на деле ограничить в будущем тибетские дела от монгольских и в сфере последних если не добиваться прямо, то, по крайней мере, не отказываться от тех услуг, которые может нам оказать Далай-Лама благодаря своему обаянию среди монголов и бурят. Такое направление дела представляется целесообразным уже в силу того, что весьма активная политика, коей китайское правительство начинает придерживаться в Монголии, и деятельность японцев, проникающих все глубже в сопредельные с Россией области застенного Китая, поневоле побуждают нас обратить самое серьезное внимание на такое положение вещей, скрывающее в себе непосредственную для нас опасность, и не упускать никаких средств к защите наших интересов.

Если китайцы в видах политических – с целью сделать из Далай-Ламы противовес английскому влиянию в Тибете – стараются всячески понудить его вернуться в Лхассу, то мы впредь можем лишь строго воздерживаться от всякого участия в этом деле. С другой стороны,

пока Первосвященник будет находиться в Гумбуме, деятельность его окажется в значительной мере направленной в сторону Монголии, откуда целиком извлекается необходимая ему материальная поддержка; учесть это обстоятельство Императорское правительство имеет тем большие основания, что, находясь за пределами Тибета, Далай-Лама фактически не пользуется никакими прерогативами власти чисто в тибетских делах, составляющих предмет близких к окончанию переговоров между Россией и Англией.

Передавая Вашему Сиятельству вышеизложенные соображения и материалы, я считал бы желательным, во избежание неправильных толкований и недоразумений, чтобы Вы, не вызывая специально великобританского министра иностранных дел на объяснения, воспользовались каким-либо удобным случаем в беседах с ним, чтобы дать понять С.Джемскому Кабинету, что, пока Первосвященник, находясь вне пределов Тибета, поддерживает ближайшие связи с монгольскими князьями, мы затрудняемся оставить без всякого контроля деятельность Далай-Ламы в Монголии, а равно его сношения с нашими подданными-буддистами на почве их духовных интересов. В частности, надлежит иметь в виду, что в области чисто монгольских дел мы едва ли будем в состоянии не принимать сообщений, исходящих от Далай-Ламы, который отлично сознает интерес, внушаемый нам Монголией и значением нашего соседства с ней. Вы могли бы, наконец, откровенно заверить, что ни о каком содействии с нашей стороны стремлениям китайцев вернуть Первосвященника в Лхассу и вообще ни о каком вмешательстве нашем прямом или косвенном в тибетские дела нет и не может быть речи.

Николай II на письме начертал: «Совершенно верно». Царское село, 5 декабря 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 166–167 и об. Подлинник.

¹ А.П.Извольский в это время находился с визитом в Берлине.

² Кузьминский (М.Н.Кузьминский) – в 1904–1905 гг. секретарь русского консульства в Урге, в 1906 г. – секретарь консульства в Улясутае.

№ 63

1906 г. ноября 17. – Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского о получении от Агвана Доржиева благодарственного письма Далай-ламы Николаю II и подарков от него

Прибывший в С.Петербург из Забайкалья посланец Далай-Ламы, хамбо Агван Доржиев, представил в Министерство иностранных дел

благодарственное письмо на Высочайшее Имя и подношения Перво-
священника Вашему Императорскому Величеству, Государыне Импе-
ратрице Александре Федоровне и Государю Наследнику Цесаревичу
Алексею Николаевичу, перечисленные в прилагаемом у сего списке.

Довода о вышеизложенном до Высочайшего сведения, приемлю
смелость представить у сего Вашему Императорскому Величеству
упомянутое письмо и вышесказанные предметы.

Извольский
С.-Петербург
17 ноября 1906 года

*На листе стоит знак, свидетельствующий, что документ читал
царь Николай II.*

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 163. Подлинник.

№ 64

*Список подарков от Далай-ламы царю Николаю II,
царице Александре Федоровне и наследнику Алексею*

Для Его Императорского Величества Государя Императора:

- 1) Благодарственное письмо, написанное на шелковом полотне.
- 2) Золоченое бронзовое изображение Будды, с ходаком.
- 3) 10 стенных изображений из жизни Богдо-Цзонхавы¹, создателя желтой религии.

4) 3 узелка тибетского золота, весом 15 лан.

5) 4 куска курительных тибетских свечей.

Для Ее Императорского Величества Государыни Императрицы
Александры Федоровны:

1) Ходак, 5 кусков шелковых материй и 3 дордуна.

Для Его Императорского Величества Государя Наследника Цеса-
ревича Алексея Николаевича:

Бурхан «Аюши», дарующий долголетие, ходак и серебряное кор-
ло – эмблема величия и могущественного царствования.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 164 и об. Подлинник.

¹ Богдо-Цзонхава – Цзонкаба (1357–1419), основатель буддийской секты Гэлугпа («желтошапочников») в Тибете, оформившей превращение ламаизма в особое направление в буддизме. В 1409 г. основал ламаистский монастырь Галдан, в котором установил сложную систему церковной иерархии. Цзонкаба канонизирован и входит в ламаистский пантеон.

1906 г. – Записка кяхтинского пограничного комиссара А.Д.Хитрово о пребывании в Монголии в 1904–1906 гг. Далай-ламы

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ХИТРОВО
О ДАЛАЙ-ЛАМЕ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 1906 ГОДА

Нижеизложенные сведения собраны преимущественно из монгольских источников, от приближенных к Далай-Ламе и самого Владыки ламайтов.

Как известно, Далай-Лама прибыл в Ургу в ноябре 1904 года. Побудительной причиной к выезду из Тибета в Монголию послужило самовольное вторжение в пределы английской экспедиции и вероломное ее поведение по отношению к тибетскому военному отряду, поголовно истребленному англичанами, при обстоятельствах, исключающих всякую возможность на оправдание этого варварского поступка. Отряды противников по предварительному соглашению сошлись для взаимных мирных переговоров. У тибетцев, вооруженных фитильными ружьями, были зажжены фитили. Начальник английской экспедиции указал, что боевая готовность тибетцев не согласуется с обычаями мирных совещаний и что фитили должны быть потушены. Пристыженные тибетцы отнеслись с полным доверием к сделанному заявлению и погасили фитили, но после этого тогда же были окружены англичанами, поголовно истреблены, причем начальник тибетского отряда первый пал под ударами и подвергся поруганию. (У него были вырваны вместе с частью ушей драгоценные большие серьги¹.)

Пекинское правительство, несмотря на протест Далай-Ламы, осталось к этим печальным событиям совершенно равнодушным.

Судя по началу и подозревая со стороны англичан и живущих на службе в Тибете китайцев возможность вероломного покушения на свою особу, Далай-Лама решил временно оставить Тибет и удалиться в пределы Монголии, приграничной к России, именно в Ургу, где, находясь в совершенной безопасности, предполагал через сношения с Богдыханом выяснить свое дальнейшее положение и восстановить свои погрязшие англичанами права, надеясь при этом встретить негласную или гласную поддержку русских в лице местного консула².

Дальнейший ход событий показал, что в расчеты пекинского правительства не входило оставление Далай-Ламой своей резиденции в Тибете, что на самых первых порах и было выражено предписанием из Пекина, данным ургинскому хутухте, чтобы он не оказывал прибывающему Далай-Ламе присвоенных ему высоких почестей.

Со стороны русского консульства Далай-Лама встретил любезное, но чрезвычайно сдержанное отношение, сложившее как у Далай-Ламы, так и его приближенных убеждение, что консул в Урге тяготеет сно-

шениями и под всякими предложениями отстраняется от них и избегает свидания с Первосвященником и его доверенными.

Отрадной страницей в сношениях с русскими был проезд через Ургу посланника Покотилова, посетившего Далай-Ламу, вручившего ему подарок Государя Императора (перстень с портретом Монарха, усыпанный бриллиантами) и давшего общие обещания о возможной поддержке³.

Опуская мелкие подробности, можно свидетельствовать, что за время пребывания Далай-Ламы в Урге между ним, его двором и хутухтой с двором последнего шли непрерывные недоразумения, с русским же консульством – натянутые скрытые отношения и окончательная потеря к нему всякого доверия. Обе эти причины равносильно вызвали решение Далай-Ламы перенести свою резиденцию в Ван-хурень (Ван-курень), отстоящий от Урги в 350 верстах на северо-запад и в таком же расстоянии от Кяхты на юго-восток.

Для непосредственных же сношений с русским правительством Далай-Лама отправил в Петербург своего поверенного Хамбо-Доржиева.

Перед тем русский консул г. Люба 13 августа отбыл в продолжительное путешествие, из которого возвратился только в 20 числа ноября.

Прервав сношения с консульством, Далай-Лама для своих сношений с Петербургом избрал путь через Кяхтинское пограничное комиссарство, точнее сказать через переводчика комиссарства, русского чиновника буряты г[-на] Бимбаева, роль которого определилась, как совершенно частного человека, любезностью и услужливостью получать и отправлять корреспонденцию Далай-Ламы по назначению.

Переезд Далай-Ламы в Ван-хурень был истолкован китайским амбаном в Урге как признак слабости Далай-Ламы противостоять желаниям пекинского правительства, стремившегося возвратить Владыку в Тибет; что особенно и подтвердилось последовавшею в конце сентября резолюцией Богдыхана на докладе амбана, вменяющей в обязанность китайским местным властям и монгольским князьям немедленно возвратить Далай-Ламу в Тибет, воспрепятствовав ему самовольно оставаться в Монголии и угрожая за неисполнение указа строго карю виновных и пр.

Далай-Лама, возмущенный такою дерзостью, тотчас же курьером отправил через Кяхту телеграмму в Петербург, ходатайствуя перед русским правительством поддержать его с приверженцами – монгольскими князьями и хутухтами-гегенами. Просьба имела успех. Русский посланник настоял на беспрепятственном зимовании Далай-Ламы в Ван-хурене, о вопросе же покровительства князьям и гегенам обещано сообщить дополнительно.

Ввиду категорического протеста Министерства иностранных дел на мою служебную поездку проводить до Далай-Ламы монгольскую

депутацию из Джеримского сейма⁴ я вынужден был оставаться в Кяхте, отправив с депутацией в виде ее охраны пять нижних чинов из своей экспедиции и одного из своих помощников, чиновника Кострицкого, как съемщика маршрутов и фотографа (все в бурятской одежде), вменив в обязанность не искать случая видеть Далай-Ламу, а, сохраняя инкогнито, выяснить способы, средства, силу и личный состав китайского надзора, учрежденного, как носились слухи, за Далай-Ламой, а равно разведывать, не имеются ли в районе Ван-хуреня японские агенты. (Кострицкий достаточно свободно владеет и понимает разговорный китайский язык.) Приезд Кострицкого не остался тайной для Далай-Ламы и он потребовал его к себе. Еще в мае месяце, зная от прибывавшей к нему из Джеримского сейма монгольской депутации о вверенной мне экспедиции и взаимных отношениях начальствующих в ней офицерских чинов, Далай-Лама, сожалея об остановке моей в Кяхте, в продолжительной аудиенции подробно сообщил Кострицкому, с просьбой передать мне для дальнейшего доклада, о его пребывании в Монголии, о затруднениях, какие ему приходится испытать и о намерениях и целях, какие он преследует.

Далай-Лама сообщил, что пекинское правительство попирает его права и права Монголии, что он консульству документально и исторически доказывал права своей светской власти над Тибетом, что Маньчжурский дом числится на бумаге, а его фактически нет и что китайская сильная партия под покровительством японцев намерена в ближайшем будущем свергнуть и эту существующую ныне номинальную маньчжурскую династию и восстановить вновь китайскую, выдвинув имеющихся потомков Минов⁵. Ввиду тех причин, что как Тибет, так и Монголия никогда не были под владычеством Китая, а Монголия сверх того сама владела Китаем⁶, то с упразднением маньчжурской династии, очевидно, [что] Монголия и Тибет должны быть столь же самостоятельными, как до Маньчжурского дома, коему они добровольно подчинялись (как оплот маньчжуров против ненавистного Китая) на правах, подобных более союзникам, чем подвластным народам, добавив, что монголы это сознают и еще более ненавидят китайцев, ослабивших Маньчжурский дом и попирающих их родовые права на свою землю и самоуправление.

Всё, что им, Далай-Ламой, пройдено от Тибета до Урги со включением на север и запад до пределов России, все на его стороне как один человек. Внутренняя Монголия в представительстве многолюдных Чжеримского и Ордосского сеймов горят желанием видеть его у себя и следовать за ним. Руководимый исключительно справедливостью и следуя навстречу нужд и естественных исторических желаний обширной паствы ламаитов, Далай-Лама с единомышленниками монгольскими князьями и влиятельными хутухтами-гегенами в принципе бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное

государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития.

Если же Россия откажется, то [Далай-Лама] не изменит решения отделения от Китая, совершит эту операцию под покровительством иной великой державы, в крайнем случае даже и Англии, предлагающей всякие свои услуги Далай-Ламе.

Далай-Лама с величайшей осторожностью и деликатностью высказал соболезнование по поводу отсутствия солидарности в действиях русских правительственных органов, консульства, посольства, военных властей и министерств в Петербурге, чем он ставится в страшно затруднительное и неопределенное положение, не зная куда обратиться за советом или кому передать свои особенно доверительно секретные соображения и прочее к достижению намеченной выше главной цели. Некоторые партии тибетцев высказывают, что ввиду уклонения России следует избрать другую, если возможно – дружественную России державу, но Далай-Лама упорно настоял держаться до поры до времени исключительно одной России, зная, что последняя раздражается ныне внутренними неурядицами и смутами⁷, которые, по его мнению, должны утихнуть с наступлением весны, после чего он надеется на разрешение проследовать через русские пределы по железной дороге в Маньчжурию и оттуда в Чжеримский сейм и определить на месте степень готовности монгол этого сейма и двух ближайших – Джоудасского и Чжасотоусского⁸ следовать его политическим идеям и целям, после чего тем же маршрутом возвратиться обратно, остановившись в Гусиноозерском дацане в Забайкалье или где-либо в ближайшей к России Монголии.

Поддержка и покровительство России, в мнении Далай-Ламы, должны выразиться в том, чтобы Россия, признав справедливость требований Монголии и Тибета, приняла бы от Далай-Ламы его представления по этому вопросу и внесла их на обсуждение и решение всех великих европейских держав, которые, как уверен Далай-Лама, не могут не согласиться с законностью сих требований.

Не зная ни правил, ни обычаев международных политических сношений, никому из других держав и народностей не доверяя, монголы и тибетцы, естественно, обращаются к своему историческому могущественному соседу России, в подданстве которой имеются родные монгольские племена, считая при этом, что всякие другие пути противны их национальной этике, и если эти иные пути и могут быть использованы, то не иначе как с разрешения той же России.

В заключение Далай-Лама поручил передать мне небольшой бурхан (Сакия Муни)⁹ и белый ходак для представления его Высокопревосходительству Главнокомандующему¹⁰ на предмет поднесения Его Величеству Государю Императору. При этом, по незнанию ли этикета, или вследствие отъезда на другой день монгольской депутации и при-

ключившейся тогда легкой простуде Далай-Ламы или даже просто по недоразумению, при названном подношении не было никакого письма. Не имея права не принять бурхана и ходак, а тем более возратить их, я сообщил приближенному Далай-Ламы, некоему Дылыкову, о необходимости письма, которое, вероятнее всего, и будет доставлено дополнительно состоявшим во вверенной мне экспедиции драгоманом Цыдыповым, отправившимся после моего отъезда из Кяхты на поклонение к Далай-Ламе и, вероятно, задержавшимся теперь в пути вследствие забастовки железной дороги по перевозке штатских пассажиров.

Считаю необходимым осветить несколько личность Далай-Ламы. По обширным располагаемым мною о нем сведениям, из самых различных источников, общее мнение, без всяких исключений, сводится к тому, что настоящий Далай-Лама представляет собой изумительно выдающуюся личность. Начиная с XIII столетия, т.е. со времени первого воплощения и перерождения Далай-Ламы, только один из всех первосвященников, царствовавший в начале XVII века (Нован Лобсан) отличался предприимчивостью и как выдающийся политический деятель, им перенесена резиденция Далай-Ламы в Лхассу и построены знаменитые существующие поныне дворцы с золотой крышей. Все же прочие владыки и до и после Нована отличались безволием, были слепым орудием окружающих их воспитателей, наставников и китайских резидентов; редкие из них доживали до 18 лет, в большинстве же случаев умирали ранее. (У монгол[ов] существуют убеждения, что перерожденцы Далай-Ламы умирают насильственной смертью по проискам китайцев, не доживая до зрелого возраста.) Настоящий Далай-Лама имеет 32 года, по своему считается высокообразованным, с прирожденным выдающимся умом, несокрушимой упорной энергией и закаленным здоровьем. Весь путь (четыре месяца) из Лхасы в Ургу он по своему желанию совершил верхом. Священные нссилки, бывшие при нем, остались без употребления. Монголы в лице Далай-Ламы видят проявляющегося гения – подобно бессмертному Чингисхану и знаменитому Хубилай-хану¹¹. Судя по повседневному образу его жизни, Далай-Лама поглощен исключительно упорной, настойчивой, чисто политической деятельностью. Пользуясь своею духовною силою в религии как средством для выполнения своих политических задач, он чрезвычайно интересуется европейской культурой, желая с ней ознакомиться, начав с железной дороги. Всякая мелочь, всякая безделушка, всякий европейский фабрикат приковывают его любознательное и серьезное внимание. Убедившись в превосходстве скорострельного оружия над фитильным, он, чуждый предрассудков, свойственных ревностным почитателям ламаизма, озабочивается приобрести для своего конвоя современное по системе оружие. Даже лично для себя Далай-Лама поручил Хамбо-Доржиеву приобрести в Петербурге самый лучший револьвер. Для своей зимовки Далай-Лама стро-

ит в Ван-хурене небольшой, русского типа деревянный домик, для чего в Кяхте наняты русские и буряты – плотники, – закуплен необходимый материал. Повседневные его занятия: утром, от одного до двух часов – беседы и поучения лам-мальчиков, затем вынос его на священных носилках для благословения паломников, ежедневно непрерывно прибывающих отовсюду целыми сотнями. Паломники предварительно выстраиваются шпалерами, коленопреклоненными; Далай-Лама, имея в руках длинный шелковый ходак с прикрепленными к его концам металлическими шарами обносится по шпалерам, причем шары касаются голов паломников, и тем самым благословение владыки снисходит на молящихся.

В отдельной аудиенции Далай-Лама принимает только князей, их посланцев, представителей различных депутаций и пр. Эти отдельные примеры имеют характер чисто политических совещаний. Этим путем Далай-Лама подробно ознакомливается во всех мелочах с обширными отдаленными уголками Монголии. Вечером, от полутора до двух часов ежедневно у Далай-Ламы происходят совещания с своими приближенными и, если так можно выразиться, подводятся итоги дня, даются поручения некоторых из знатных паломников временно задержать, других пригласить на особые совещания совместно с своими приближенными. В промежутках – скромный обед. К этому следует добавить, что в течение недели не менее одного-двух раз прибывает почта из Тибета, равно и донесения от своих агентов из Пекина; все это тщательно обсуждается, рассматривается, и постановляются известные решения. Так проходит время изо дня в день, со времени выезда из Тибета.

Далай-Лама особенно интересуется приграничными к Маньчжурii монголами, о которых среди халхасцев сложилось мнение, что названные монголы совершенно окитаены. С крайней осторожностью он отнесся к принятию их приглашения в Чжеримский сейм. В мае месяце он поставил в неперменное условие Чжеримской депутации доставить ему личное приглашение от каждого хошунного князя сейма за хошунною большою печатью. Хотя чжеримцы и выполнили требование владыки, но Далай-Лама, не ограничиваясь этим, поручил им (в последнюю со мной поездку) привлечь на свою сторону и соседние Чжоудасский и Чжасатусский сеймы, заручившись если не от всех, то хоть от некоторых князей письменными приглашениями за большою печатью. В действительности же Далай-Лама отложил свою поездку вследствие беспорядков в России и трудности получить разрешение на проезд железной дорогой, равно и вследствие бывших острых осложнений с пекинским правительством.

Насколько настойчив, последователен и самостоятелен Далай-Лама, можно судить по тому, как он относится к англичанам и китайскому правительству. Англичане неоднократно входили в переписку

с Далай-Ламой, но Владыка до сего времени возвращает английскую корреспонденцию нераспечатанную. После того как амбань препроводил к Далай-Ламе копию с резолюции Богдохана об отправлении его в Тибет, Владыка сделал распоряжение впредь никаких бумаг от китайских амбаней или цзян-цзюней не принимать, оповестив их, что он будет признавать только ту переписку, которая последует за печатью самого Богдохана. Насколько влиятелен и популярен Далай-Лама как выдающийся деятель среди монгольских правителей, можно судить по тому, что, несмотря на недоразумения, бывшие с ургинским хутухтой, природным духовным Владыкою всех монгол[ов], князья игнорируют хутухту и становятся на сторону Далай-Ламы.

Достаточно сказать, что за восемь веков исторической жизни монголов и тибетцев настоящий Далай-Лама является по счету третьим величайшим деятелем среди названной народности. В какой степени могут быть важны последующие в Монголии и Тибете события, при условии если Далай-Ламу не отравят и не убьют, очевидны для всякого. Может ли быть нам, русским, полезен этот Далай-Лама или нет, судить я не берусь, но знаю и твердо докладываю одно мне известное, что все монголы благодаря исключительно Далай-Ламе в период войны игнорировали распоряжения китайского правительства не продавать русским скота и лошадей, и странно, что только по окончании войны многие из князей из Чжоудасского сейма (Джарод¹²) стали воздерживаться от продажи скота, мотивируя это запрещением своего правительства.

В каком бы положении была наша армия, если бы Далай-Лама питал свои симпатии к единоверцам-буддистам – японцам, искавшим симпатий ламского духовенства, но не нашедшим сочувствия.

* Консул, провозжая жену в Россию, совместил это со служебною своею поездкою в Улясутай, Кобдо и по Бийскому тракту – в Сибирь до пересечения с железной дорогой (примеч. автора).

*АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 310–315а и об. Копия.
Опубл.: «Восток». 1996, № 4, с. 136–141.*

¹ Эту бойню англо-индийские войска устроили в узком месте долины Чумби у горячего ключа Гуру в апреле 1905 г. Около 500 тибетцев нашли здесь свою смерть.

² Российским консулом в Урге в это время был В.Ф.Люба.

³ Д.Д.Покотиллов, назначенный посланником в Пекине, проезжал Ургу в начале июня 1905 г.

⁴ Джеримский (Чжеримский) сейм – одна из областей Внутренней Монголии.

⁵ Династия Мин правила в Китае в 1368–1644 гг.

⁶ Монголы завоевали Китай в XIII в. Монгольская династия Юань правила в Китае в 1271–1368 гг.

⁷ Речь идет о революции 1905 г. в России.

⁸ Джоудасский (Чжоудасский) и Чжасотоуский (Чжосотский) сеймы – области Внутренней Монголии.

⁹ Сакья Муни (Шакья-Муни) – имя основателя буддизма.

¹⁰ Главнокомандующий – главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал Н.П.Линевич.

¹¹ Хубилай-хан – монгольский великий хан, завоеватель Китая, основатель династии Юань, правил в Китае в 1271–1294 гг.

¹² Джарод (Чжарод) – один из хошунов Чжоудасского сейма.

№ 66

1907 г. августа 18. – Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета¹

СОГЛАШЕНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ТИБЕТА

Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношений Тибета сохраненным полностью, условились о нижеследующем соглашении:

Статья I

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздержаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Статья II

Сообразуясь с признанным принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. Это обязательство не исключает, однако, непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями, предусмотренных ст. 5 Конвенции от 7 сентября 1904 года между Великобританией и Тибетом и подтвержденных Конвенцией 27 апреля 1906 года между Великобританией и Китаем; оно не изменяет также обязательств, принятых на себя Великобританией и Китаем в силу статьи 1 сказанной конвенции 1906 года.

Считается, конечно, условленным, что буддисты, как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете; правительства России и Великобритании обязуются, насколько от них будет зависеть, не допускать, чтобы эти сношения могли нарушить постановления настоящего соглашения.

Статья III

Российское и великобританское правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Статья IV

Обе высокие стороны обязуются не домогаться или приобретать, ни за свой собственный счет, ни в пользу своих подданных, никаких концессий железнодорожных, дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете.

Статья V

Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена или представлена как России и Великобритании, так и их подданным².

АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 3, д. 363, л. 6 и об – 8. Подлинник.

Опубл.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952, с. 391–392; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958, с. 120.

¹ Эта Конвенция фактически оформила создание Антанты – военного блока Великобритании, Франции и России, противопоставленного германовосточно-итальянскому Тройственному союзу.

² Соглашение о Тибете 1907 г. явилось серьезной преградой на пути осуществления замыслов и действий Великобритании подчинить Тибет своему единоличному контролю. По Соглашению Великобритания и Россия должны были все вопросы, касающиеся Тибета, решать совместно.

№ 67

1907 г. августа 18. – Соглашение между Россией и Великобританией, касающееся Тибета

Великобритания вновь подтверждает декларацию, подписанную Ею Превосходительством вице-королем и генерал-губернатором Индии и приложенную к ратификации Конвенции 7 сентября 1904 года, постановляющую, что занятие долины Чумби британскими силами прекратится по уплате трех ежегодных взносов вознаграждения в 2 500 000 рупий, под условием, что рынки, упомянутые во II статье сказанной Конвенции, были действительно открыты в течение уже трех лет и чтобы тибетские власти за этот период строго сообразовывались во всех отношениях с постановлениями означенной Конвенции 1904 года. Считается, конечно, условленным, что, если занятие долины Чумби британскими силами не прекратится по какой бы то ни было причине ко времени, предусмотренному вышеприведенной дек-

ларацией, правительства российское и британское войдут в дружеский обмен взглядов по сему предмету.

Настоящая Конвенция будет ратификована, и ратификации ее будут обменены в С.-Петербурге, как только это будет возможно.

В удостоверение чего соответственные уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в С.-Петербурге, в двойном экземпляре, 18 (31) августа 1907 года.

С[обственноручная] п[одпись] Извольский.
С[обственноручная] п[одпись] Никольсон.

АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 3, д. 363, л. 8 и об. Подлинник.

Опубл.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952, с. 392–393; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958, с. 121.

№ 68

1907 г. августа 18. – Нота российского Министерства иностранных дел Великобритании, врученная британскому послу в Петербурге А.Никольсону

Господин посол,

В ответ на ноту Вашего Превосходительства от сего числа имею честь, в свою очередь, заявить, что Императорское российское правительство считает полезным, поскольку от него будет зависеть, не допускать, кроме как по предварительному соглашению с британским правительством, в течение трех лет со дня настоящего сообщения доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции.

Так же как британское правительство, Императорское правительство предполагает обратиться к китайскому правительству с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок.

Остается условленным, что по истечении трехлетнего срока оба правительства обсудят, по взаимному согласию, вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении научных экспедиций в Тибет.

Примите и проч. (подп.): Извольский.

АВПРИ, ф. Справочники, Инв. оп., д. 13, л. 11–12 и об. Копия.

Опубл.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952, с. 394; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958, с. 122.

1907 г. августа 18. – *Нота Великобритании российскому Министерству иностранных дел*

Господин министр,

Ссылаясь на соглашение относительно Тибета, подписанное сегодня, имею честь сделать Вашему Превосходительству нижеследующее заявление.

Британское правительство считает полезным, поскольку от него будет зависеть не допускать, кроме как по предварительному соглашению с российским правительством, в течение трех лет со дня настоящего сообщения доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции под условием, однако, чтобы подобное же заверение было дано со стороны российского Императорского правительства.

Британское правительство предполагает, кроме того, обратиться к китайскому правительству с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок: само собой разумеется, что таковой же шаг будет предпринят российским правительством.

По истечении трехлетнего срока, приводимого выше, британское правительство обсудит, по взаимному согласию с российским правительством, вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении научных экспедиций в Тибет.

Примите, господин министр, уверения в моем отличном почтении.

А.Никольсон

АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 3, д. 363, л. 9 и об. Подлинник.

Опубл.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952, с. 393–394; Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958, с. 121–122.

1907 г. ноября 20. – *Секретная записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о более тесном сближении России с Монголией и Тибетом*

С.-Петербург

Мир на окраинах будет обеспечен лишь в том случае, когда пограничные соседи на этих окраинах будут связаны с нами прочными узами дружбы и живого общения, в особенности – на почве торгово-промышленной и культурно-просветительной деятельности. Мы имеем в виду китайскую границу и поднимаем вопрос потому, что война с Японией,

с одной стороны, реформационное движение в Китае¹ – с другой, и русско-английское соглашение относительно Тибета, Афганистана и Персии, с третьей стороны, создают новые и весьма серьезные условия для России. Дело идет о влиянии России на континенте Азии и теперь и в будущем. Над этим вопросом приходится думать тем более, что в данный момент по Монголии² повсюду разъезжают японцы, всячески роняя престиж России и возбуждая недоверие к России. Со своей стороны и Китай принимает ряд мер для колонизации окраин и окитаивания (Монголии)³. Не будет бездействовать, конечно, и Англия в Тибете, ибо она поставлена в лучшие условия, чем Россия. Все эти обстоятельства, взятые вместе, наводят меня на глубокие и тревожные мысли.

Необходимо, чтобы Россия устремила свое внимание на правильную постановку политики на континенте Азии, необходимо, чтобы сообразно с новыми соотношениями сил и требованиями жизни на местах были приняты соответствующие шаги для усиления влияния на Монголию и Тибет. Надо совершить культурно-экономическое мирное завоевание этих стран. Тогда только, когда эти обе страны будут чувствовать себя тесно спаянными общностью культурно-экономических интересов, будет достигнут мир на все время и Россия будет играть ту роль, которую давно должна была сыграть в жизни Монголии и Тибета. Такое культурно-экономическое завоевание Россия может совершить без особого труда, ибо у нее имеются этнографически-бытовые, материально-экономические и религиозно-культурные посредствующие звенья на всем протяжении китайской границы – начиная с туркестанских инородцев и кончая бурятами и тунгусами. Россия должна использовать эти звенья для своих политических целей. Меры, наиболее верные и спорые, какие Россия должна принять для мирного завоевания Монголии и Тибета, могут быть двух родов.

Одна – в смысле развития в Монголии и в Тибете русской и местной (национальной) торговли и промышленности.

Другая – в смысле насаждения здоровой культуры и просвещения среди монголов и тибетцев, не насилуя их национальных, религиозных и бытовых особенностей: Россия должна стать добрым и постоянным другом, учительницей, покровительницей монголов и тибетцев во всем и защитницей их от эксплуатации и угнетения со стороны Китая, Японии и Англии.

Практически деятельность России в Монголии и Тибете, по нашему мнению, должна приблизительно сводиться к следующему:

Правительство должно поощрять частную инициативу торговых и промышленных людей, образ деятельности которых согласуется с видами высшей политики. Поощрение может быть моральное и материальное.

Правительство должно содействовать образованию такого частного торгово-промышленного дома, деятельность которого охватила бы не-

разрывной сетью всю Монголию и Тибет. Центральным пунктом такого торгового дома может служить Кяхта или Урга, а филиалы должны находиться в разных местах Монголии, Тибета, Китая и России.

На территории Монголии и Тибета филиалы должны быть разбросаны так, чтобы составилась тесная сеть, неразрывно связанная между собою и объединенная по районам. В Халхе может быть открыто до 15 отделений, у суннитов, удземчинов, абаганаров, харчинов⁴ и пр. – до 10; в Алашане, Гумбуме, Лабране, Лхассе, Дашилхумбо, Накчу, а также в Цайдаме и Кукэ-норе – по одному отделению и т.д. В России отделы должны находиться в Москве, Варшаве и Иркутске. В Китае – в Пекине, Шанхае и Ханькоу.

В торговый дом пайщиками могут входить монголы, тибетцы, буряты, калмыки и их товарищества, монастыри, улусы, хошуны и пр[очие] юридические лица, как бы мал или велик ни был вложен пай. Причем каждый пайщик пользуется кредитом в размере вклада и прибылью пропорционально вкладу же.

Торговый дом должен объединить всех торговцев и промышленников, русских подданных, работающих в Монголии и Китае, если только они готовы идти по намеченному пути, а если же их поведение вредит интересам высшей политики, то вытеснять их путем конкуренции.

Не всякая торгово-промышленная деятельность может расположить тибетцев и монголов в сторону России. Чрезмерная эксплуатация населения, «выжимание соков» без внесения в страну чего-либо положительного только вооружают население. А потому надо принимать меры к поднятию хозяйственного быта и духовной культуры туземцев. Торговый дом (а через него – Россия) должен приносить материальную и духовную пользу монголо-тибетской массе, в противоположность китайской, английской и японской политике, которая основана на бессердечном «выжимании соков» из туземцев.

Презрительное отношение к туземцам недопустимо, тем паче самовольство и обиды, какие, к сожалению, делались иногда русскими скупщиками монгольского скота и сырья. Не должно допускаться, чтобы в погоне за барышами торговый и промышленный люд пускал плохой товар и, пользуясь доверчивым характером туземцев, обманывал их; недопустимо, чтобы в тяжелые годы голода, эпидемии и пр. ссужали бедняков за баснословные проценты товарами и деньгами, как делают теперь китайцы в Монголии.

Правительство должно особенно поддерживать развитие промышленности среди самих туземцев и способствовать накоплению богатства в народе, напр. помогать открытию кожевенных и шерстяных заводов, горной промышленности и т.д. Правительство должно оказывать постоянную, планомерную помощь против бедности, голода, болезней и т.д., для каковой цели может открывать мелкий кредит, запасные хлебные и сенные склады; улучшать форму хозяйства как ско-

товодческого, так и земледельческого и кустарного. Усовершенствовать обработку масла, молока и пр.; открывать врачебно-фельдшерские пункты, организовывать разъездных оспопрививателей, лекарей и ветеринаров.

Также правительство должно защищать местное население от разбоя, как, напр., в районе Кукэ-нора, для каковой цели в разбойничьих местах держать секреты из инородческих казаков.

Так торгово-промышленные предприятия должны идти рука об руку с культурно-просветительными заботами.

Прежде всего должны быть открыты общеобразовательные учебные заведения (или приспособлены существующие), где бы могли обучаться монгольские и тибетские дети вместе с русскими и бурятами. Такие учебные заведения удобнее всего открывать где-нибудь около границы, напр. в Троицкосавске. Преподавание должно вестись на монгольском языке до тех пор, пока учащиеся не овладеют русским языком в совершенстве. В программу преподавания должны входить русский, монгольский, тибетский, китайский и английский языки, по выбору учащихся, история и литература народов, к которым принадлежат учащиеся, а также учение Будды. Общеобразовательная программа должна быть достаточно широка. Наряду с общеобразовательными школами должны быть открываемые и специальные учебные заведения, напр. горное, промышленное, педагогическое и т.п. Особенно важно, чтобы своевременно подготавливался преподавательский персонал из русских подданных, которые могли бы вести школу в Монголии и Тибете. Для таковой цели можно будет приспособить учительские семинарии в Чите и Иркутске, расширив программу и облегчив доступ в семинарии иноверцам, т.е. бурятам, монголам и тибетцам. Могут быть открываемы и временные или постоянные курсы, как общеобразовательного так и педагогического характера, в Урге, Троицкосавске и пр.

Наряду с чисто школьным делом должно быть широко поставлено издательское дело на монгольском и тибетском языках. Издания должны быть доступны по цене и изложению и интересны по содержанию. В этом смысле японцы уже начали работу. Ими изданы арифметика, хрестоматия и пр. на монгольском языке.

Такими просветительно-культурными мерами можно со временем достигнуть того, что монголы и тибетцы будут смотреть на Россию как на источник здоровой культуры и просвещения, как на свое идейное отечество.

Но для проведения в жизнь задуманной политики необходима планомерная и сознательная работа. Правительственные виды могут проводиться в жизнь как путем поощрения частной предприимчивости, так и путем инициативы самого правительства.

Успех проведения намеченных мер в действительность зависит, между прочим, от того, насколько хорошо и верно будут изучены местные условия существования, культурный уровень, общественный строй и т.д. Поэтому правительство должно поощрять и заботиться об изучении во всех подробностях Монголии и Тибета, особенно обращая внимание на экономическую, правовую и культурную стороны быта туземцев. Чтобы создать связь с местами и быть всегда в курсе дела, правительство в разных местах должно держать толковых и безусловно честных и преданных России агентов, обязав их присягой. Эти агенты должны объединиться вокруг лиц, указанных правительством, и вообще руководствоваться как общими, так и особыми инструкциями правительства⁵.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 364, л. 254-256 и об. Копия.

¹ Реформационное движение в Китае – политическое движение либералов (конституционалистов), начавшееся в Китае после русско-японской войны 1904-1905 гг., за созыв парламента и введение в стране конституционной монархии.

² Речь идет о Внутренней Монголии, которая по секретному договору 1907 г. между Россией и Японией являлась сферой влияния последней. Северная Монголия (Халха) была сферой влияния царской России.

³ В 1902-1910 гг. шла интенсивная колонизация китайцами (ханьцами) земель Внутренней Монголии. За этот период туда переселились сотни тысяч китайцев.

⁴ Удземчины (уцземчины), абаганары, харчины (харачины) – монгольские племена Внутренней Монголии.

⁵ Записка А.Доржиева вызвала большой интерес у царского правительства. Оно реализовало часть предложений А.Доржиева в отношении Северной Монголии (Халхи). Однако в отношении Тибета ни одно из его предложений не могло быть реализовано, ибо по Англо-русскому соглашению 1907 г. какие-либо акции в Тибете могли осуществляться только по обоюдному согласию России и Великобритании.

№ 71

1908 г. октября 15. – Секретная телеграмма товарища (заместителя) министра иностранных дел Н.В.Чарькова посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу с указанием дать совет Далай-ламе не обращаться за помощью к США

(Шифром)

Вопрос о привлечении Америки к участию в китайских, а тем более в тибетских делах представляется нам очень сложным. Нельзя пору-

читься за то, что, даже выступив в роли защитника Д[алай-]Ламы, Америка не принесет его в жертву своим отношениям к Китаю в тот момент, когда это скажется выгодным. Поэтому было бы осторожнее воздержаться от совета Д[алай-]Ламе обращаться за помощью к Америке.

Напротив, у нас существует специальное соглашение касательно Тибета с Англией¹.

Общий характер наших отношений к Лондонскому Кабинету таков, что дает нам полное основание рассчитывать на возможность совместного и дружественного действия с ней при последующих фазах вопроса о положении Д[алай-]Ламы по отношению к Китаю. Мы уже вступили по этому вопросу в доверительные отношения с английским правительством и имеем в виду таковые продолжать. Поэтому необходимо избегать в Пекине обострения с нашей стороны у Д[алай-]Ламы чувств недоверия и нерасположения по отношению к Англии.

В ожидании дальнейших указаний было бы желательно, чтобы Вы ограничивались ролью покровителя Д[алай-]Ламы как духовного главы русских буддистов, поддерживая с ним отношения в указанных границах, оказывая ему, смотря по обстоятельствам, возможное содействие, как сказано в преподанной Вам общей инструкции².

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 410, л. 197 и об. Подлинник.

¹ Далай-лама, видимо, не знал об Англо-русском соглашении 1907 г. Англичане для него по-прежнему были врагами. Китаю он никогда не доверял. Россия после Соглашения 1907 г. проводила очень осторожную политику в отношении Тибета, не могла открыто выступить в его защиту. В этих условиях Далай-лама и его окружение искали и другого союзника, кроме России, который защищал бы Тибет и от англичан, и от китайцев. Выбор пал на США. МИД России, как видно из телеграммы Н.В.Чарыкова, был против того, чтобы Далай-лама искал помощи у США.

² Данная инструкция составителями не обнаружена.

№ 72

1908 г. декабря 2. – Особый журнал Совета министров России о предоставлении денежной ссуды Далай-ламе

Доверительно

На подлинном Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен», в Царском Селе, 22 декабря 1908 года.

Скрепил: Председатель Совета министров, Статс-Секретарь Столыпин.

Верно: Помощник Управляющего делами Совета министров.

Особый журнал Совета министров

О гарантии Императорского правительства по дополнительной ссуде Далай-Ламе из Русско-китайского банка.

Высочайше утвержденным 10 августа 1908 года положением Совета министров министру финансов предоставлено было гарантировать от имени русского правительства исправную уплату ссуды в 110 000 лан серебра, имевшей быть выданной Русско-китайским банком Далай-Ламе на расходы, связанные с поездкой его в Пекин. В настоящее время буддийский Первосвященник возбудил новое ходатайство о выдаче ему, под гарантию русского правительства, дополнительной ссуды из названного Банка в размере 140 000 лан или, в крайнем случае, хотя бы в количестве 40 000 лан. Признавая, со своей стороны, желательным удовлетворение этого последнего ходатайства Далай-Ламы, министр иностранных дел, по сношении с министром финансов, внес настоящее дело на рассмотрение Совета министров; при этом гофмейстер Извольский объяснил, что, получив ссуду в 110 000 лан, Далай-Лама прибыл в минувшем сентябре в Пекин и во время переговоров с китайским правительством постоянно следовал советам нашего посланника в Пекине, чем и доказал еще раз свои дружественные отношения к русскому правительству и упование на нравственную поддержку России в случае необходимости. Означенное обстоятельство, а равно и выраженное Далай-Ламой, согласно настояниям нашего представителя в Китае¹, намерение возвратиться в Тибет побуждают нас, по мнению министра иностранных дел, выдать ему просимую ссуду, необходимую для раздачи подарков перед отъездом из Пекина и на путешествие в Лхассу.

Обсудив изложенное представление и соглашаясь со своей стороны с вышеобъясненными соображениями министра иностранных дел по настоящему делу, Совет министров не встретил препятствий к предоставлению гарантий просимой Далай-Ламой ссуде из Русско-китайского банка, с тем чтобы размер этой ссуды не превысил, однако, 40 000 лан серебра.

Ввиду сего Совет полагает:

Предоставить министру финансов выдать от имени русского правительства гарантию в исправной уплате дополнительной ссуды в 40 000 лан серебра, имеющей быть выданной Русско-китайским банком Далай-Ламе, с тем чтобы условия отпуска таковой ссуды были установлены по ближайшим указаниям Министра финансов.

Такое заключение свое Совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение.

Подлинный журнал подписан г.г. Председателем и членами Совета министров и скреплен помощником управляющего делами Совета.

С подлинным верно: Начальник отделения Канцелярии Совета министров.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 410, л. 317–318. Копия.

¹ Российский представитель в Китае – посланник в Пекине И.Я.Коростовец.

№ 73

1908 г. декабря 10. – Секретное донесение посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому с сообщением об отъезде Далай-ламы из Пекина и просьбой оказать ему денежную помощь

Далай-Лама, заботясь о крайне для него важном сближении с новым пекинским правительством, предложил последнему совершить парадное заупокойное служение. Последнее состоялось в монастыре Юн-хэ-гун при участии всего ламаистского духовенства, проживающего в Пекине. В благодарность за это по указу Далай-Ламы были даны подарки, состоящие из ходаков, шелковой материи и кошельков; приближенным его тибетским хамбо-ламам и послушникам выдано две тысячи лан серебра, а ламам-монголам, постоянно проживающим в столице, пожаловано трехмесячное содержание каждому.

Отъезд свой из Пекина Далай-Лама, по-видимому, начинал замедлять, ибо, как он собственноручно писал мне, он не мог выехать из-за отсутствия денег. Очень значительные суммы, собранные им в Монголии и в Гумбуме¹, отправлены в Тибет и в настоящее время находятся уже в Накче на близком расстоянии от Лхассы. Не желая обращаться ни к кому другому, хотя Япония будто бы и готова оказать ему денежную помощь, и опасаясь присылкою своего серебра в Пекин возбудить алчность окружающих его китайцев, негодующих на Первосвященника за его скупость, он усиленно хлопотал о новом займе, по поводу которого я и позволил себе утруждать Ваше Высокопревосходительство телеграммами своими от 15, 22 и 27 ноября. Руководствуясь совершенно своеобразными расчетами, Далай-Лама ходатайствовал о ссуде ему 250 000 лан, из которых хотел уплатить с процентами августовский заем в размере 110 000 лан, до сих пор еще не выплаченный, перевести 50 000 в С.Петербург на постройку буддийской молельни и остальные 80–90 тыс. истратить на дорогу и прощальные подарки в Пекин. Заем этот, который я предложил произвести на чис-

то коммерческих основаниях в Русско-китайском банке, он хотел было гарантировать казенными доходами Тибета. Против этого я, однако, решительно воспротивился, усматривая в такой гарантии нарушение нашего соглашения с Англией 1907 года, а также принимая во внимание неоднократные просьбы Пекина не давать без ведома ссуд вассальным князьям Китая. Ввиду невозможности обеспечить заем поручительством забайкальских дацанов Далай-Лама представил мне собственноручное письменное обязательство, в котором он гарантировал настоящий заем своею личною собственностью и торжественно заявлял, что свое настоящее обещание исполнит неукоснительно.

Князь-регент², занятый жертвоприношениями и приготовлениями к перенесению праха Богдохана³ в особый для сего приспособленный храм, тем не менее под влиянием канцлеров Чжан-чжи-дуна⁴ и Шисюйя⁵, подкупленных тибетцами, отозвался на доклад Далай-Ламы, препровожденный мною к Вашему Высокопревосходительству при донесении от 13 минувшего ноября за № 108. Министерству колоний поручено было выяснить прецеденты, на которые Далай-Лама ссылался, ходатайствуя о праве входить с всеподданнейшим докладом по тибетским делам, согласно старому порядку. Между тем сухой пекинский зимний воздух стал вредно отзываться на здоровье самого Далай-Ламы и его приближенных, и Первосвященник решил не откладывать более свой отъезд. Он не преминул испросить прощальную аудиенцию у императора и князя-регента, но в таковой, по случаю придворного траура, ему было отказано. Равным образом правительство не признало удобным устроить и прощальный банкет в честь уезжающего. Было, однако, предписано выдать Первосвященнику полагающиеся по уложению подарки и путевые издержки в размере 60 000 лан.

В начале декабря состоялось высочайшее повеление о командировании флигель-адъютанта монгольского князя Бодису⁶ сопровождать Далай-Ламу до г. Бао-дин-фу и дано было предписание всем генерал-губернаторам и командирам маньчжурских гарнизонов в провинциях, по которым предстояло проезжать Далай-Ламе, посылать гражданских и военных чинов высоких рангов для сопровождения и оказания содействия.

Не добившись сколько-нибудь серьезного результата в деле самостоятельно докладывать Трону, Далай-Лама получил, однако, разрешение иметь в Пекине своего постоянного представителя в лице хамбо-ламы и подтверждение права считать своею собственностью монастырь Хуан-сы со всеми принадлежащими к нему постройками. Право это принадлежит далай-ламам еще со времени посещения Пекина Пятым Далай-Ламой⁷, но в течение времени совершенно было позабыто. При монастыре Далай-Лама намерен основать школу, в которую по возвращении своем в Лхассу придет 5 тибетских юношей для изуче-

ния китайского языка. В настоящее время оставлен 1 тибетец из числа чинов центрального правительства Тибета и при нем лама-монгол Лубосан-Бальчжур, тушету по происхождению⁸, пробывший долгое время в Тибете и основательно знающий китайский язык. Со временем из Лхассы будет прислан опытный и заслуженный хамбо-лама, который привезет с собою и упомянутых выше юношей. На представителя своего в Пекине Далай-Лама возлагает обязанность следить за всеми делами, касающимися Тибета, и старания установить некоторую связь с правительственным центром. Далай-Лама рассчитывал сначала отправить несколько тибетцев и в Россию, но в последнюю минуту оставил временно это намерение за неимением лишних денег.

В высокотожественный день 6 декабря Далай-Лама командировал в Миссию двух хамбо-лам, которые, поднося хадаки, передали мне поздравления на имя Государя Императора, как я уже имел честь донести по телеграфу.

8 декабря в 8 часов утра состоялся отъезд из Пекина Далай-Ламы при торжественной обстановке. Станция Пекин-Ханькоуской железной дороги была украшена так же, как при приезде, и здесь собрались для проводов Далай-Ламы вице-президент Министерства колоний Да-шоу и советник Министерства иностранных дел Чжан-инь-тан, а также князь Бодису, сопровождавший его до Бао-дин-фу. Далай-Лама отправляется ныне прямо в монастырь Гумбум, где останется ожидать присылки ему золотой печати, которая изготовляется для него в Пекине и будет иметь добавочные титулы, пожалованные ему в последнее время. Приезд в Лхассу состоится, вероятно, лишь в мае будущего года, ибо передвижение громадной свиты потребует много времени. Здесь Далай-Лама имел до 200 человек, и в Гумбуме им оставлено почти такое же число приближенных.

Почти одновременно с Далай-Ламой отправляются в Тибет и чины лейб-гвардии, командированные для обнародования манифеста о восшествии на престол, распределения вкладов на совершение заупокойных богослужений и обряда «варения чая» и угощения им лам в главнейших монастырях в окрестностях Лхассы.

Состоящий при Его Святейшестве старший цанит-хамбо Лхарамбо Агван Дорчжиев спешно выехал из Пекина в Россию в день выезда Далай-Ламы, ибо не без основания опасается преследования со стороны китайцев за свою преданность русским интересам и посредничество между нами и Далай-Ламой, которое, конечно, не ускользнуло от их внимания. Пребыванием Дорчжиева в Пекине были заинтересованы, между прочим, японцы, следившие за его каждым шагом и подробно описывавшие его посещения Российской миссии в токиоских газетах. Дорчжиев сообщил мне, что Далай-Лама в общем остался недоволен пребыванием своим в Пекине, ибо рассчитывал на совершенно другое отношение и другой прием. Дорчжиев повез с собой для

поднесения Государю Императору ценные подарки от Далай-Ламы. С Доржжиевым отправился в Россию молодой тибетский лама-врач, который намерен заняться изучением медицины в С.Петербурге.

Последняя ссуда в 40 000 лан, как я уже имел честь донести Вашему Высокопревосходительству, не была выдана Далай-Ламе за отсутствием до сих пор распоряжений Министерства финансов, и это произвело неприятное впечатление на Первосвященника, очень рассчитывавшего на нашу финансовую поддержку. Таким образом, за Далай-Ламой остался долг в 110 000 лан с процентами, каковую сумму он обещал уплатить в течение года частичными взносами, из числа поступающих подношений от монгольских князей и переводимыми через Калькутту.

Посещение Далай-Ламой Пекина и вообще все пребывание его в Монголии, естественно, привлекло серьезное внимание Китая к Тибету, что уже успело проявиться в нескольких принятых там мерах. Так, Министерство колоний и военное приступили к серьезной картографической съемке Монголии, Тибета и Кукунора. Вопрос о железнодорожной линии и почтовом сообщении с Тибетом подвергнут самому серьезному обсуждению. По высочайшему повелению приступили к сформированию в Сычуаньской провинции 2 дивизий с переводом сильных гарнизонов в Батан и Литан⁹. Вопрос о назначении Чжан-инь-тана советником Министерства иностранных дел снова поднят, поговаривают об организации специального дипломатического Бюро при тибетском резиденте. О наступлении для Тибета новой эры китайского завладения свидетельствует, наконец, и тот факт, что на пост младшего резидента назначен Вэнь-цаун-яо (Ван Цзуняо), воспитанник Кантонской... <далее неразборчиво. – *Ред.*>. Он проследовал в Тибет в половине ноября через Калькутту и Дарджилин и приступил к открытию для английской торговли Цзян-цзы, лежащего в северной части долины Чумби в значительном расстоянии от Шигагце, резиденции Баньчэнь Эрдэни¹⁰.

Далай-Лама, несмотря на приобретенный известный жизненный опыт во время его четырехлетнего скитания, сохраняет еще свой некультурный характер, и борьба его с надвигающимися китайским и английским влияниями, при его беспомощности, будет ему, кажется, не под силу, недалекое будущее решит, вероятно, судьбу Тибета.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 410, л. 299–301 и об. Копия.

¹ Из Гумбума в сентябре 1908 г. Далай-лама по указанию цинского правительства приехал в Пекин.

² Князь-регент – великий князь Чунь (Цзай Фэн). В ноябре 1908 г. почти одновременно умерли находившийся в опале Цзай Тянь (Гуансюй) и фактическая правительница Китая Цыси. На престол был возведен трехлетний сын Чуня – Пу И (девиз правления – Сюаньтун). Регентом при малолетнем императоре стал его отец, т.е. великий князь Чунь.

³ Прах богдохана – прах Цзай Тяня (Гуансюя).

⁴ Чжан-чжи-дун (Чжан Чжидун) (1837–1909) – государственный деятель Китая. В 1888–1889 гг. – наместник провинций Гуандун и Гуанси, в 1889–1907 гг. – наместник Хубэя и Хунани, с 1907 г. – член Цзюньцзичу (Военного совета – высшего правительственного органа в Пекине). Будучи наместником Хубэя и Хунани, проводил в этих провинциях умеренные буржуазные реформы.

⁵ Ши-суй (Ши Сюй) – член Военного совета (Цзюньцзичу).

⁶ Бодису – князь из Внутренней Монголии, постоянно проживавший в Пекине и занимавший там различные государственные должности.

⁷ V Далай-лама – Далай-лама Агьян Лубсан Чжанцо (1617–1682).

⁸ «Тушету по происхождению» – означает, что Лубсан(Лубсан)-Бальчжур происходил из Тушетуханского аймака Халхи.

⁹ Батан и Литан – города в восточной части Тибета.

¹⁰ Баньчэнь Эрдэни – Панчен-лама.

№ 74

1909 г. декабря 9. – Выдержка из секретного донесения царского консула в Бомбее С.В.Чиркина в Министерство иностранных дел России о том, что в правящих кругах Британской Индии считают, что Англо-русское соглашение 1907 г. сильно ослабило влияние Великобритании в Тибете и существенно укрепило там позиции Китая

(...) По отношению к Тибету здесь принято считать, что соглашение (1907) разрушило в конце результаты экспедиции полковника Янгхазбенда и укрепило за Китаем страну, бывшую фактически независимой и завоеванную британским оружием, создав к тому же, хуже всего, крайне опасного и родственного соседа полунезависимым Сиккиму, Непалу и Бутану и многим Шанским государствам, где возрождающийся Китай не замедлит вступить с пропагандой свободы.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 24. Копия.

№ 75

1910 г. января 13. – Доверительная грамота, данная Далай-ламой Агвану Доржиеву¹ с полномочиями вести переговоры с правительствами России и Англии о восстановлении нарушенных Китаем прав Тибета

Хотя Тибет и Китай с давних времен имели мирное соседское отношение, но с 1904 г. Лхасский резидент совместно с китайскими во-

енными властями Сычуаня² систематически производили в Восточном Тибете грабежи, массовые убийства монахов и мирян, разрушение монастырей и т[ому] п[одобные] бесчинства. Ныне эти несправедливости китайцев дошли до того, что бесчинствующие войска их подходят уже к нашей столице. Поэтому сей нашей грамотой мы уполномочиваем вести переговоры с правительствами России и Англии о том, чтобы Россия и Англия в силу своих прежних соглашений относительно нашей страны предприняли соответствующие шаги перед китайским правительством относительно восстановления нарушенных китайцами прав Тибета и в гарантировании неприкосновенности его на будущее время.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 27. Копия.

¹ Агван Доржиев в это время находился в России.

² Сычуань – провинция Сычуань, граничащая с Тибетом.

№ 76

1910 г. января 14. – Извлечение из письма Далай-ламы и трех тибетских министров Агвану Доржиеву о трудностях выехать им в Россию в связи с походом китайских войск на Лхасу

При приближении китайских войск к столице (Лхасе) мы обратились к местному амбаню и послали навстречу воинским начальникам китайского отряда с настоянием, чтобы войска не вступили в Лхассу, а вернулись с дороги вследствие недостаточности съестных припасов в Тибете, что накопление стольких войск в Тибете может вызвать голод и, наконец, во избежание возможных столкновений, смут, осложнений.

До сих пор наши настояния оставлены без внимания и за всякое будущее, что может быть последствием вступления войск в столицу, нам не придется ручаться. По всей вероятности, нам придется покинуть столицу, чтобы не отдать во власть китайцам самих себя.

По всем данным, китайцы в предупреждение возможности нашего выезда на север отправили отряд в несколько тысяч солдат по направлению в Нахчу (Накчу). Поэтому, очевидно, не будет возможности пробраться на север, остается одно – пробраться в Индию, полагаясь на нынешнее дружественное отношение России и Англии. В случае если судьба приведет нас на территорию Англии, то вы должны немедленно принести пред Его Величеством и правительством России

уверение в неизменной глубокой нашей верности к России, подробно изложить настоящее положение вещей в нашей стране и истинные обстоятельства, которые могли бы помешать нам пробраться на север – по направлению к Великой России.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 26. Подлинник.

№ 77

1910 г. января 30. – Депеша посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о намечаемых пекинским правительством реформах в Тибете с целью укрепления там китайской власти

После заключения в 1908 году¹ Англо-китайского соглашения о Тибете, пекинское правительство стало неуклонно стремиться к постепенному уничтожению существовавшей до того времени широкой самостоятельности Далай-Ламы и тибетского духовенства в вопросах внутреннего управления названной страной и изыскивать способы постепенного введения в ней общеимперского порядка администрации. Особенно энергично этим вопросом занялись китайцы после возвращения в миновшем году Далай-Ламы в Лхассу, когда от китайского резидента в Тибете и Сычуаньского генерал-губернатора был получен ряд тревожных телеграмм, извещавших о тайных сношениях буддийского Первосвященника с иностранными державами, перед коими он будто бы ходатайствовал о помощи в случае попытки со стороны тибетцев объявить свою страну независимой от Китая. Одновременно с донесениями о современном опасном положении Тибета представители местной высшей китайской власти убедительно ходатайствовали перед центральным правительством о выработке в самом непродолжительном времени подробного плана энергичных мероприятий, должствующих положить конец интригам тибетского духовенства и обеспечить сохранение китайского суверенитета над Тибетом.

Вследствие вышеизложенного в конце минувшего года состоялся ряд экстренных заседаний Государственного совета², посвященных тибетским делам, причем было окончательно принято решение распространить на Тибет по мере возможности общеимперский административный строй.

Понимая, однако, какими тяжелыми условиями будет обставлено осуществление этой задачи, китайское правительство нашло нужным действовать пока по отношению к Тибету с крайней осторожностью, по возможности скрывая свою окончательную цель до того момента, когда положение Китая в пограничных с Тибетом областях настолько

упрочится, что даст ему возможность открыто и энергично приступить к крупным политическим и экономическим реформам в этой стране. В ближайшем же времени китайцы решили принять по отношению к Тибету только ряд подготовительных мер, которые сводятся прежде всего к установлению тщательного тайного надзора за деятельностью Далай-Ламы и к поддержанию авторитета Китая в глазах Первосвященника путем командирования в Тибет новых отрядов китайских войск и организации там китайской полиции. В этих целях предполагалось вместо резидента учредить в Тибете должность главнокомандующего, снабженного генерал-губернаторскими полномочиями, прикомандировав к нему в звании советников, военного и дипломатического, комиссаров с возложением на первого из них непосредственного командования воинскими частями, предназначавшимися к отправке в Тибет, а на второго – надзор за сношениями Далай-Ламы с иностранцами, в исполнении каковой задачи должны были содействовать специально командированные Сычуаньским генерал-губернатором в Лхассу опытные агенты.

Прошлой осенью, под предлогом очень возбужденного среди тибетцев настроения, было решено немедленно же командировать в Тибет первый эшелон китайских войск в составе 5000 отряда под командой полковника Чжун-Ина, который и двинулся в поход в конце года. Вслед за ним в Тибет, вероятно, предполагалось двинуть и другие воинские части, а затем, опираясь на значительную военную силу, Пекинское правительство рассчитывало, по-видимому, уже без дальнейших проволочек лишить ламайское духовенство права какого-либо участия в деле администрации и в конце концов приняться за введение в Тибете школьной и финансовой реформ, устройство железных дорог, телеграфного и почтового сообщения и прочих усовершенствований, долженствующих содействовать быстрому развитию этой пока еще дикой страны и закреплению ее за Китаем.

Насколько, однако, можно судить по официальным докладам сановников, близко стоящих к тибетским делам, и по сообщениям, появляющимся в хорошо осведомленных органах здешней прессы, в проведении программы своей тибетской политики китайское правительство, несмотря на все свои старания, уже теперь встречает большие трудности. Самым серьезным препятствием в этом отношении для китайцев является крайняя удаленность Тибета от центра и полное отсутствие путей сообщения с названной страной. Это обстоятельство помешало, между прочим, отправленному в Тибет пятитысячному отряду войск достичь места своего назначения, так как в зимнее время поход оказался совершенно невозможным, и по ходатайству Сычуаньского генерал-губернатора посланная в Тибет воинская часть, под предлогом наступления там успокоения, была возвращена обратно.

Ввиду этого в самое последнее время в правительственных кругах решено, по-видимому, стремиться всеми силами к скорейшему осуществлению проекта железной дороги от Ханькоу на Сычуань и далее на Тибет, до окончания каковой линии для пекинского правительства будет весьма трудно держать в Тибете значительные воинские части, а без поддержки вооруженной силы оно едва ли может решиться на крупные политические преобразования, довольствуясь, вероятно, в ближайшем будущем более скромными задачами, направленными к усилению китайского влияния в Тибете. К числу подобных мероприятий, которые были выполнены в минувшем году китайским правительством по отношению к Тибету по инициативе представителей высшей китайской администрации на месте, следует отметить распространение в Тибете мелкой медной монеты китайской чеканки, вытесняющей с успехом бывшие до сих пор здесь в обращении индийские денежные знаки, и учреждение во вновь открытых для международной торговли городах, Ядуне, Гартоке и Цзянцзы, китайской таможенной администрации, которая должна противодействовать проявляемому английскими агентами в названных пунктах стремлению играть господствующую роль в делах городского управления.

С глубочайшим почтением и пр. Коростовец

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 28–29 и об. Подлинник.

¹ В 1908 г. в развитие англо-китайской конвенции 1906 г. Китай и Великобритания подписали соглашение о «Правилах торговли с Тибетом», которые предусматривали, что Китай обязуется организовать эффективную полицейскую службу на открытых для торговли рынках и на путях к ним.

² Государственный совет – Цзюньцзичу (Военный совет).

№ 78

1910 г. февраля 11. – Денеша посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о том, что китайский резидент в Лхасе Лянь Юй захватил в свои руки управление Тибетом, игнорируя ламское правительство коренного населения

На днях меня посетил прибывший из Лхассы через Даржилин и Калькутту посланец Далай-Ламы тибетец Дун-чжу-ван-цзя, который передал письмо от Первосвященника на мое имя и почетный хадак. Названный посланец сообщил, что в конце октября прошлого года он был вызван в монастырь Жа-чжэнь (в трех днях пути от Лхассы), где тогда находился Далай-Лама, и получил приказание отправиться в Пекин и передать мне пожелания Первосвященника.

Последний, по свидетельству посланца, очень озабочен положением дел в Тибете и мерами, принимаемыми китайским резидентом Лян Юйем, который захватил в свои руки все дела управления, совершенно игнорируя тибетский ламский совет.

Из дальнейших слов Дун-чжу-ван-цзя явствует, что китайцы начинают обращать самое серьезное внимание на Тибет, как я уже имел честь донести депешей от 30 минувшего января № 13. Так, в Лхассе открыты училища китайского и тибетского языков и увеличен китайский гарнизон, состоящий под личным начальством резидента. Последний требует перемены тибетского платья на китайское и заставляет лам выходить из духовного звания и выбирать какую-нибудь профессию. Тибетцы безуспешно протестуют против таких нововведений и в целях предотвратить вмешательство китайцев в их внутренний строй сами начинают предпринимать разные реформы во внутренней администрации, финансах и т.п., следуя, однако, китайским образцам. Довольно большое влияние оказал в этом отношении бывший комиссар Чжан Инь-тан, нынешний посланник Китая в Вашингтоне, который умел ладить с тибетцами, не прибегая к резким мерам.

Посланец Далай-Ламы подтвердил полученное здесь еще ранее известие о самоуправстве китайцев в Батане и Литане, проявившемся в сожжении и разграблении кумирен и убийстве нескольких перерожденцев¹. Местные инородческие старшины заменены китайскими чиновниками. Со времени отъезда Дун-чжу-ван-цзя положение дел, по видимому, еще ухудшилось, ибо здесь получены известия о вооруженных столкновениях китайских войск с тибетским духовенством, причем последнее до сих пор одерживало верх.

О деятельности англичан посланец не сообщил почти ничего.

По его словам, Далай-Лама вступил будто бы в сношения с английскими агентами и получил довольно значительную ссуду. При сем имею честь препроводить для сведения Вашего Высокопревосходительства перевод адресованного ко мне письма Далай-Ламы от 30 октября минувшего года, написанного в монастыре Жа-Чжэнь, недалеко от Лхассы.

С глубочайшим почтением и проч. (...) Коростовец

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 33–34. Подлинник.

¹ По ламаистской религии, высшие ламы считались бессмертными, т.е. якобы не умирали, а перерождались: после смерти особо почитаемого ламы его душа «переселялась» в младенца, который специально отыскивался для этой цели, воспитывался как «святой» и наследовал вместе с душой покойника его имя.

Письмо Далай-ламы, написанное в октябре 1909 г. посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу, с просьбой к России заступиться за Тибет, в котором китайские сановники Лянь Юй и Чжао Эрфын творят зло

Перевод письма Далай-Ламы на имя российского посланника в Китае д[ействительного] с[татского] с[оветника] Коростовца.

Шлем Вам искренний привет и возносим сердечные моления о благоденствии и процветании Великого Российского государства.

Расставшись с Вами в Пекине, мы после долгого, но спокойного пути вступили наконец в пределы Тибета.

У нас теперь китайские сановники Чжао-Эр-фын и Лян Юй начинают совместно вводить легкомысленно всякие новшества, почему вся страна объята страхом и трепетом.

Действия обоих сановников безрассудны; нет у нас защиты, и мы не знаем, как положить конец их злым замыслам.

Оба названных сановника облечены полным доверием великого китайского императора, но являются недостойными исполнителями его благих повелений. Как нам и стране нашей выйти из такого положения, просим вас дать добрые советы и преподать их нашим представителям, оставленным в Пекине, коим вы можете верить, как бы нам самим.

В свое время Тибет и Китай жили в добрых отношениях, и сие происходило благодаря Великому Российскому Государю и вам, которые в должное время поддерживали нас и замолвляли за нас веские слова.

Теперь мы снова просим заступиться за Тибетскую страну и отклонить Китай от безрассудного введения новшеств, указав на зло, чинимое нам теми китайскими сановниками, которые пользуются властью и значением.

Россия и Англия заключили в свое время соглашение о Тибете в видах его охранения, и желательно, чтобы этого соглашения придерживались и другие и границы страны охранялись хотя [бы] в течение двадцати лет, в какое время тибетская страна окрепнет и разовьется своими собственными средствами.

Мы крайне желаем, чтобы Вы постоянно снабжали нас вашими советами и не оставляли защитой и покровительством своим Агвана Доржиева и Тубдена Цучима¹.

Если узнаете о чем-либо грозящем Тибету, то дайте нам весть.

Желаем Вам здравия и благоденствия и шлем Вам ходак и два лана золотого песку.

Написано IX луны 30 дня (10 октября 1909 г.) в монастыре Жа-Чжэнь.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458 л. 34 и об. Перевод с тибетского, современный подлиннику.

¹ Тубден Цучиме – тибетец, доверенное лицо Далай-ламы в Пекине.

1910 г. февраля 12. – Телеграмма посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о том, что указом богдыхана Далай-лама лишен своего духовного сана

№ 1. Сегодняшним императорским указом Далай-Лама лишен сана и китайским резидентам в Лхассе приказано приступить к избранию преемника из числа тибетских детей. Причиной низложения выставляется противодействие Первосвященника китайским властям и игнорирование их распоряжений, возбуждение населения к восстанию против Китая, оставление Далай-Ламой своего поста в 1904 году, когда он был низложен и затем прощен, и, наконец, вторичное бегство тридцатого минувшего января из Лхассы тотчас после вступления в город китайских войск. Указ, составленный в резкой форме, объясняет, что войска введены в Тибет для водворения спокойствия и защиты (открытых) пунктов и что население не должно их опасаться.

Коростовец

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 42. Подлинник.

1910 г. февраля 12. – Указ цинского богдыхана о низложении Далай-ламы

Императорский указ от 12/25 февраля 1910 года

Тибетский Далай-Лама А-ван Ло-бу-цзан Ду-бу-дань Цзяо-цо Цзи-чжай-ван-цюй-цюэ-лэ-лань-цзэ пользовался со стороны покойного Императора чрезвычайными и богатыми милостями. Названный Далай-Лама, если только он обладал совестью, должен был бы благоговейно отдаваться изучению священных книг и почтительно исполнять прежде изданные законоположения, в целях возможно широкого распространения желтой веры. Между тем, приняв в свои руки заведование делами Тибетского казначейства, он стал вести себя крайне надменно и сурово и тратить много денег, чего никто из предшественников его не делал; кроме того, он нарушал распоряжения китайского правительства и побуждал население Тибета к восстанию. В мае 1904 года он, воспользовавшись возникшими беспорядками, бежал из Тибета. Так как означенный Далай-Лама запятнал таким поступком свою репутацию, то китайский резидент в Тибете представил против него обвинительный доклад, на который воспоследовала высочайшая резолюция о временном сложении с него почетного звания Далай-Ламы. Когда Далай-Лама прибыл в Ургу и оттуда вернулся в Синин¹,

правительство китайское, приняв во внимание дальность его поездки и надеясь на его раскаяние и исправление, отдало местным властям предписание о своевременном доставлении ему необходимого. Полтора года тому назад он прибыл в Пекин, причем был неоднократно принят на аудиенции и награжден пожалованием почетного титула; кроме того, при отъезде его из Пекина обратно в Тибет были командированы чиновники, которые должны были сопровождать его. Хотя во время пути Далай-Лама долгое время медлил и беспокоил различными просьбами, тем не менее во внимание к его прошлым заслугам и для поощрения в будущем все это ему великодушно прощалось. В настоящее время отряды из Сычуаньской провинции вступили в Тибет исключительно в целях водворения спокойствия и охраны открытых для торговли пунктов², так что население Тибета отнюдь не должно иметь каких-либо сомнений и беспокойства. Неожиданно Далай-Лама по возвращении в Тибет стал распускать разные слухи с целью побудить население к сопротивлению и обвинять ложно сановников в том, что они перестали выдавать ему содержание, причем на неоднократные увещания не обращал решительно никакого внимания. Несколько времени тому назад Лянь Юй и другие по телеграфу доложили, что, как только сычуаньские войска вступили в Лхассу, Далай-Лама без всякого предупреждения 30 января ночью тайно бежал из города неизвестно куда. Тотчас же было предписано означенным сановникам принять меры к его возвращению и водворению в крае спокойствия, но до сих пор никаких положительных результатов в этом отношении не достигнуто. Как можно допустить, чтобы лицо, заведующее делами религии, позволяло себе неоднократно оставлять свой пост. Кроме того, Далай-Лама своим коварным образом действий показал себя неблагодарным по отношению к Императору за милости последнего и неспособным оправдать возлагаемые на него населением надежды, а потому и является не заслуживающим занимать высшее, по сравнению с прочими святителями, положение. Повелеваю в наказание лишить А-ван Ло-бу-цзан Ду-бу-дань Цзяо-цзо Цзи-чжай-ван-цюй-цюэ-лэ-лан-цзэ звания Далай-Ламы. Впоследствии, независимо от того, куда он бежал и вернется ли он в Тибет, он будет считаться обыкновенным простолюдином. Вместе с сим повелеваю резидентам в Тибете как можно скорее отыскать несколько обладающих чудодейственными признаками мальчиков, написать их имена, опустить их по обычаю в золотую урну и, вынув из нее имя того, кто явится затем истинным хубилганом (перерожденцем) далай-лам прежних поколений, представить затем доклад с ходатайством о милостивом разрешении ему распространять учение по всему миру. Правительство, различая доброе и болея за злое, поступает в высшей степени справедливо и беспристрастно; для него все население Тибета – духовное, равно как и светское, – является детьми. Со времени издания настоящего указа все должны неукосни-

тельно соблюдать законы и постановления и содействовать охране общего спокойствия, дабы не нарушать моих высоких стремлений успокоить окраину и поддержать желтую веру. Быть по сему.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 52-53. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ Синин – в данном случае имеется в виду область Синин, которая в исторической литературе имела и другое название – Кукунон.

² Пункты Тибета, открытые для иностранной торговли, главным образом с Британской Индией.

№ 82

1910 г. февраля 13. – Секретная телеграмма посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому с запросом, следует ли ему обратиться к китайскому правительству за разъяснениями по поводу разжалования Далай-ламы

Английский посланник обратился к здешнему правительству за разъяснением событий в Тибете, указав, что таковые могут отразиться на спокойствии приграничных областей Индии и повлиять на тамошних буддистов. Китайцы ответили, что разжалование Далай-Ламы, вызванное кознями последнего, не изменит политики китайского правительства, которое не намерено нарушать внутреннего строя Тибета. Не надлежит ли мне обратиться с таким же запросом, мотивировав таковой заботой о наших буддистах и паломниках?

На подл. царской рукой [начертано]: «Следует». Царское Село. 14 февраля 1910 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 41. Копия.

№ 83

1910 г. февраля 15. – Выдержка из секретной телеграммы министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу с указанием предостеречь китайское правительство по поводу низложения Далай-ламы

<...> Нисколько не желая вмешиваться во внутренние дела Китая, мы не можем быть равнодушны к судьбе Далай-Ламы, духовного главы многочисленных русских подданных-буддистов.

Благоволите указать на это китайскому правительству и запросить его о тех обстоятельствах, которые повели к бегству Далай-Ламы из Тибета и к принятию такой чрезвычайной меры, как издание указа о его смещении и выборе ему преемника, что может вызвать религиозное брожение среди наших буддистов. Мы считаем поэтому необходимым предостеречь китайское правительство от принятия поспешных решений по настоящему делу.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 44. Копия.

№ 84

1910 г. февраль 18. – Секретная телеграмма посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о беседе с сановником Вайубу Лян Фаном по поводу низложения Далай-ламы

За отсутствием министра виделся с Лянфаном, которого ознакомил с взглядом Императорского правительства на смещение Далай-Ламы, указав на неблагоприятное впечатление, которое такая мера может произвести среди наших буддистов. Лянфан ответил, что низложение Далай-Ламы вызвано его интригами и постоянным противодействием реформам, которые должны быть введены согласно принятым по договору обязательствам. Поступив таким образом, китайское правительство лишь осуществило свое право покарать непокорного подданного, нарушившего свои вассальные отношения, не признававшего китайской власти и вмешивавшегося в дело управления, вместо того чтобы преследовать духовные цели. Покинув самовольно и тайно Тибет, Далай-Лама показал свое пренебрежение к Китаю, который оказал ему уже снисхождение при первом его удалении из Лхассы, и тем дал повод к настоящей решительной мере. Сведения о вводе в Тибет большого отряда неверны, в Лхассу вступило не более 2000 солдат для поддержания порядка. По частным сведениям, обнаружено существование какого-то соглашения между китайским резидентом в Тибете и английскими властями, встревожившее будто бы китайское правительство. Получив более точные сведения о действительных причинах происшедшего, обращаюсь вновь к китайцам по этому вопросу.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 48. Подлинник.

1910 г. февраля 18. – Депеша посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о политике цинского правительства в Тибете в связи с низложением Далай-ламы

В дополнение к секретной телеграмме моей от 12 февраля (№ 112) имею честь препроводить у сего к Вашему Высокопревосходительству перевод Императорского указа о смещении центральным правительством Далай-Ламы и об избрании ему преемника.

Указ этот носит характер обвинительного акта против поведения Первосвященника за все время, начиная с бегства его из Лхассы при занятии ее английскими войсками, его отношения к центральному правительству во время пребывания в Пекине и кончая противодействием с его стороны всем последним мероприятиям китайского правительства в Тибете и вторичным бегством из Лхассы при приближении китайских войск.

Этот шаг китайского правительства является, по-видимому, заранее обдуманном, причем справедливость требует отметить, что Далай-Лама своим вызывающим образом действия поддерживал постоянное раздражение китайских властей и дал много поводов к принятию столь решительных мер. В общем же смещение Далай-Ламы является последствием политики Китая к Тибету в смысле самого широкого использования того положения, которое создалось в результате как Англо-русского соглашения о Тибете, установившего невмешательство России и Англии во внутренние дела страны, так и англо-китайского торгового договора¹, подтвердившего сюзеренные права Китая в Тибете.

В донесении от 11 февраля за № 18 я имел честь докладывать о предпринимаемых Китаем мероприятиях в Тибете, в смысле усиления власти китайских резидентов, ввода китайского отряда и об отношении ко всем этим мероприятиям самого Далай-Ламы, выразившемся, в частности, в препровожденном, в переводе, письме Первосвященника и другим здешним посланникам. Кроме перечисленных мер, по частным сведениям, в планы центрального правительства входила также колонизация монастырских земель китайскими элементами, что, по слухам, послужило одной из главных причин недоразумений между Далай-Ламой и китайскими властями, так как часть этих земель составляет удел самого Далай-Ламы. Настояния китайцев, подкрепленные вводом войск, побудили Первосвященника покинуть Лхассу. Весьма возможно, что к этому крайнему решению его побудило опасение подвергнуться судьбе предшественников, которые все погибали насильственной смертью ранее достижения ими тридцатилетнего возраста. На обстоятельство это в разговоре со мной намекнул сановник Лян-фан, заметивший, что Далай-Лама – сумасбродный и легкомысленный.

ленный человек, не умеющий использовать знаков расположения к нему китайского правительства и бесцельно скомпрометировавший свое положение. Что касается вступления в тибетские пределы китайских войск, то таковые введены не для посягательства на Тибет, а для несения полицейской службы в открытых для торговли пунктах. Судя по тому, что китайские войска преследовали Далай-Ламу, очевидно, в планы китайцев входило захватить Первосвященника, так как несомненно пребывание его на свободе в связи с заявлением Англии об оказании Далай-Ламе гостеприимства и почета² не может не тревожить китайское правительство.

Вообще же китайским правительством в отношении его к смещению Далай-Ламы проводится та мысль, что светская власть в Тибете издавна находилась в руках китайского резидента, на Далай-Ламе же лежит обязанность проповедовать буддизм, не касаясь дел гражданского управления. То же отношение проявляется и в китайской прессе, причем одна газета старается даже провести параллель между мероприятиями Китая и отделением светской власти от духовной в католицизме. При этом пекинские газеты всячески оправдывают принятую меру, указывая, что за последние годы Далай-Лама служил источником всяких смут, в подтверждение чего газетами делаются намеки на интриги России против Китая, орудием коих служил Далай-Лама. Газета, между прочим, передает, что китайский резидент в Лхассе заключил с англичанами соглашение о Тибете, не предупредив здешнее правительство и не имея надлежащих полномочий. По другим сведениям, соглашение заключено Далай-Ламой и китайским резидентом, но не признано в Пекине.

Обращаясь к историческим справкам, следует отметить, что принятая Китаем мера имеет свои прецеденты; так, например, Шестой Далай-Лама (1683-1706) был низложен за предосудительный образ жизни монгольским ханом Билингиром³; седьмой Далай-Лама Галсан (Лобсан) был временно низложен (1728 г.) китайским правительством за участие в убийстве Билингир-Хана, и, наконец, настоящий Далай-Лама был уже раз низложен 13 сентября 1904 года за бегство из Лхассы. Таким образом, китайское правительство и раньше старалось проявлять свою власть над Далай-Ламой, но до настоящего времени эти меры носили случайный характер и не были частью определенного плана подчинения управления Тибетом центральному правительству, что, несомненно, имеет место теперь.

Что же касается до отношения иностранных держав к данному шагу китайского правительства, то в секретной телеграмме моей от 13 февраля (№ 116) я имел честь доносить Вашему Высокопревосходительству о том, что здешняя английская миссия затребовала объяснений Вай-у-бу по поводу низложения Далай-Ламы. В ответ на этот запрос китайское правительство дало заверение, что оно отнюдь не

имеет намерения изменять внутренний строй Тибета. Во всяком случае, судя по некоторым намекам, Англия, по-видимому, не намерена относиться пассивно к совершающимся в Тибете событиям. Остальные мои коллеги⁴ отнеслись к случившемуся довольно индифферентно, высказав лишь мнение, что сделанный Китаем шаг свидетельствует о намерении правительства усилить свои сюзеренные права над Тибетом. С глубочайшим почтением и проч. (...)

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 50–51 и об. Подлинник.

¹ Англо-китайский торговый договор – «Правила торговли в Тибете», подписанные представителями Китая и Великобритании в Калькутте 20 апреля 1908 г.

² Гостеприимство со стороны англичан по отношению к бежавшему в Индию Далай-ламе было чисто внешним. На самом деле они его там держали в условиях, близких к домашнему аресту.

³ Хан Билингир – монгольский хан, правивший в Кукуноре. Помогал Цинской династии укрепиться в Тибете. Он временно находился в Лхасе со своим войском.

⁴ Коллеги – иностранные посланники в Пекине.

№ 86

1910 г. февраля 18. – Секретная телеграмма министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу с запросом, следует ли царскому правительству добиваться отмены указа цинского богдыхана от 12/25 февраля 1910 г. о низложении Далай-ламы

Английское правительство, ссылаясь на существование у нас и Англии общих интересов в Тибете, сообщило нам о тех представлениях, которые оно поручило своему посланнику в Пекине сделать китайскому правительству по поводу его образа действий в этой стране, а ныне ознакомило нас и с ответом китайских министров на эти представления.

По этому поводу мы поручили нашему послу в Лондоне, сообщая английскому министру иностранных дел содержание Ваших инструкций, изложенных в телеграмме № 259, прибавить, что мы также признаем наличность общих русских и английских интересов в Тибете и готовы поддержать шаги, которые Англия сочтет нужным сделать перед китайским правительством для ограждения этих интересов; мы выразили также готовность обменяться с английским правительством взглядами на то положение, которое следовало бы занять для этой последней цели.

При этом мы имели в виду, что англо-китайские недоразумения на тибетской почве были бы выгодны для нас, так как отвлекали бы до некоторой степени внимание Китая от Маньчжурии и что, с другой стороны, поддерживая англичан в тибетском вопросе, мы могли бы надеяться на их поддержку в наших маньчжурских делах¹.

Нельзя, однако, упускать из виду, что последние события в Тибете могут иметь последствия, не исчерпывающиеся вышеизложенными соображениями. Было бы желательно знать Ваш взгляд на то, каким образом эти события могут отразиться среди русских и китайских буддистов, как они могут повлиять на отношения монголов к китайскому правительству и, в связи с этими вопросами, следует ли нам добиваться отмены указа о низложении Далай-Ламы и его возвращения в Лхассу.

Благоволите телеграфировать Ваши подробные соображения по этим вопросам и, если признаете нужным, предписать Шишмареву и Хитрово представить таковые же по почте.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 54. Подлинник.

¹ В 1910 г. царское правительство решило активизировать свою политику в Маньчжурии, предлагая Японии оккупировать Южную Маньчжурию, а Северную Маньчжурию присоединить к России. Подробнее см.: Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997, с. 56–60.

№ 87

1910 г. февраля 21. – Секретная телеграмма министра иностранных дел А.П.Извольского послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу о содержании беседы русского посланника в Пекине И.Я.Коростовца с сановником Вайубу Лян Фаном по вопросу низложения Далай-ламы цинским правительством

Ввиду сообщенного нам Никольсоном ответа Китая на английский меморандум касательно Далай-Ламы, благоволите уведомить великобританское правительство, что Коростовец сделал предписанные ему этой телеграммой шаги. За отсутствием министра Лян-Фань ответил, что низложение Далай-Ламы вызвано его интригами и постоянным противодействием реформам, подлежащим введению по договору. Таким образом, Китай лишь осуществил свое право покарать непокорного подданного, нарушившего свои вассальные отношения, не признававшего китайских властей и вмешивавшегося в дела управления, вместо того чтобы преследовать свои духовные цели. Самовольное и тайное бегство из Тибета показало его пренебрежение к Китаю,

оказавшему ему уже раз снисхождение при первом его удалении из Лхассы, и тем самым дало повод к настоящей решительной мере.

Для Вашего сведения сообщаю, что до Коростовца дошли частные слухи об обнаружении существования какого-то соглашения между китайским резидентом в Тибете и английскими властями, встревожившие будто бы китайское правительство.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 57. Подлинник.

№ 88

1910 г. февраля 26. – Письменное сообщение в Вайубу российского посланника в Пекине И.Я.Коростовца о том, чтобы цинское правительство воздержалось от поспешных шагов по отношению к Далай-ламе

Согласно инструкциям от Императорского российского правительства я посетил 16 сего февраля почтенное Министерство и устно сообщил, что, нисколько не желая вмешиваться во внутренние дела Китая, Россия не может быть равнодушна к судьбе Далай-Ламы, духовного главы многочисленных русских буддистов, и к таким нарушениям основ ламайской религии, которые могли бы вызвать брожение среди наших буддистов. Уведомив меня в ответе на это сообщение о причинах, вызвавших смещение Далай-Ламы, почтенные сановники заявили мне, что Китай не намерен вносить изменений во внутренний строй Тибета и принимать какие-либо стеснительные меры по отношению к ламаизму.

Это заявление я не преминул передать российскому правительству, которое, приняв его к сведению, поручило мне заявить почтенному правительству, что оно надеется, что Китай воздержится от слишком поспешных мер по отношению к Далай-Ламе и к буддизму, предупредив таким образом какие-либо неблагоприятные толкования среди наших многочисленных последователей желтой религии.

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 72 и об. Копия.

№ 89

1910 г. марта 1. – Письменное сообщение управляющего Вайубу князя Цина российскому посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу на его сообщение от 26 февраля 1910 г.

В сообщении своем от 26 февраля с.г. Ваше превосходительство изволили писать нам, что ввиду того, что Далай-Лама является духов-

ным главой многочисленных русских подданных буддистов, российское правительство надеется, что Китай воздержится от слишком поспешных мер по отношению к Далай-Ламе и к буддизму, предупредив таким образом какие-либо неблагоприятные толкования среди русских последователей желтой религии.

По поводу вышеизложенного мы считаем своим долгом заявить, что китайское правительство, принимая во внимание неоднократное нарушение Далай-Ламой религиозных заветов, его повторное удаление из пределов Тибета и несостоятельность его исполнить возложенные на него обязанности по управлению желтой верой, было вынуждено, по примеру прошлых царствований, разжаловать его и избрать нового перерожденца, усмотрев в этом способ охранения и поддержания желтой веры. По низложении названного Далай-Ламы во всех пунктах Китая, где исповедуется желтая религия, по-прежнему господствует мир и спокойствие, и лишение сана Далай-Ламы, как факт, касающийся лишь его лично, не имеет никакого отношения к буддизму и русским подданным буддистам; нет никаких оснований предаваться неблагоприятным толкованиям.

Имеем честь просить Ваше превосходительство о вышеприведенном довести до сведения российского правительства.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 73. Копия. Перевод сообщения князя Цина, современный подлиннику, на имя российского посланника в Пекине от 1 марта 1910 года.

№ 90

1910 г. марта 18. – Выдержка из депеши генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о прибытии Далай-ламы в Британскую Индию

<...> 16 минувшего февраля Далай-Лама в сопровождении свиты из 23 приближенных к нему лиц и 60 слуг, восторженно приветствуемый толпою собравшихся из соседних селений буддистов, въехал верхом в лежащее у самой границы Сиккима дачное место Даржилинг, где он остановился в заранее приготовленном для него местными властями помещении. На другой же день он принял политического агента индийского правительства в Сиккиме г-на Белля. Пожаловавшись ему на образ действия китайского резидента в Лхассе Лиена (Лянь Юй'я), Далай-Лама выразил надежду, что английское правительство, вняв его просьбе, потребует от правительства Богдохана, чтобы оно заменило

Лиена другим чиновником, а также вывело свои войска из Лхассы, восстановило похищенные священные предметы и дозволило ему, Далай-Ламе, вернуться в Тибет со всеми почестями, подобающими духовному главе буддизма, Первосвященнику Азии. Мне в точности не известно, что ответил Его Святейшеству английский резидент. По всем вероятностям, он, руководствуясь инструкциями из Калькутты, поспешил с самого начала предупредить Далай-Ламу, что индийское правительство, будучи готово принять его соответственно с высоким и священным его саном, при всем своем сочувствии к нему не может, однако, ввиду существующих трактатов, вмешиваться во внутренние дела Китая, верховные права коего относительно Тибета несомненны.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 80 и об. Копия.

№ 91

1910 г. апреля 11. – Депеша генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о мерах, предпринимаемых правительством Британской Индии в связи с вводом китайских войск в Тибет

Когда в конце минувшего года, по возвращении Далай-Ламы в Лхассу, до индийского правительства впервые стали доходить слухи о готовящемся нашествии китайцев на Тибет, грозящем этому вассальному государству превращением его в обыкновенную имперскую провинцию, оно поспешило заблаговременно принять меры к предупреждению дальнейшей агрессивной политики Китая в направлении к граничащим с Тибетом независимым гималайским странам, по отношению к которым правительство Богдохана неоднократно уже пыталось предъявлять суверенные права.

Обратив прежде всего внимание на Бутан как на то из двух самостоятельных гималайских государств, которое посему скоро могло бы стать предметом китайских вождедений, здешнее правительство вступило в переговоры с бутанским владетельным князем – магараджею сэром Угиеном Вангчук, результатом коих явилось подписание 26 декабря 1909 г. правительствами Индии и Бутана договора (обнародованного здесь 19 минувшего марта), в главных своих чертах сводящегося к нижеследующему:

во-первых, ежегодное пособие в 50 000 рупий, выдаваемое, на основании англо-бутанского трактата 1865 г., названному магарадже Англией, увеличивается до 100 000 рупий;

во-вторых, великобританское правительство обязуется не вмешиваться во внутреннее управление Бутана;

в-третьих, бутанское правительство, в свою очередь, соглашается следовать советам Англии в сношениях своих с иностранными державами.

Таким образом, ценою очень незначительной денежной жертвы индийское правительство выговорило себе весьма при нынешних обстоятельствах важный для него контроль над внешней политикой Бутанского княжества, которое отныне не может сноситься с Китаем иначе как через посредство Англии. Захочет ли к такому посредничеству прибегать также и Китай, откажется ли он от своих притязаний на верховное обладание Бутаном – это покажет ближайшее будущее. Во всяком случае, нельзя не признать, что вышеприведенный договор является несомненным успехом выказавшей большую предусмотрительность английской политики, которой удалось хотя бы на время предотвратить возможность появления Китая в роли непосредственного соседа Индийской империи.

Судя по всем данным, такое соседство для здешнего правительства нежелательно. Одним из признаков его тревоги, вызванной распространением китайского не фиктивного только, а реального владычества по направлению от центра Небесной империи к рубежу Индии, служат некоторые меры военного характера, которые индийское правительство решило принять в связи с последними событиями в Тибете. Так, например, в видах обороны тибетского фронта Индии предположено безотлагательно усилить состоявший доселе из одного только полка гарнизон расположенного на севере Бенгальской провинции, на прямом пути из Лхассы в Калькутту, города Даржилина. Одновременно главнокомандующим индийской армией разрабатывается план оборудования в этом городе или в ближайших его окрестностях укрепленного пункта. Для изучения сего вопроса на месте сэр О'Мур Криг недавно выезжал в Даржилин, где под его руководством произведены были необходимые изыскания.

Забота здешнего военного ведомства об укреплении северо-восточной индийской границы порождена, по слухам, отчасти тем обстоятельством, что путь между Лхассою и Даржилином, до сих пор считавшийся очень труднопроходимым и требующим весьма продолжительного времени, был вопреки всем ожиданиям совершен Далай-Ламой и сопровождавшим его отрядом легко и с чрезвычайною быстротою – всего в 12 дней.

Принимая меры к обороне индо-тибетских путей сообщения здешнее правительство вместе с тем старается обеспечить себе, несмотря на китайское водворение в Тибете, сохранение известной доли влияния в этой стране. В сих видах оно – вероятно, взамен согласия своего признать низложение Далай-Ламы совершившимся фактом – в минувшем месяце добилось, как удалось узнать из секретного источника здешнему французскому генеральному консулу, заключения с Китаем

соглашения, на основании коего Англии на развитие последних англо-китайских соглашений по тибетским делам предоставляется право установить правильное почтовое сообщение: во-первых, от расположенного на границе Сиккима м[естечка] Ренок до Гиантсе (Гьянцзе) и Лхассы (521 км) и, во-вторых, от пограничного места Поо (Пенджабской провинции) до тибетского города Гартока (223 км). По словам г. Ронссона¹, ручающегося за достоверность своих сведений, в упомянутом соглашении перечислен целый ряд находящихся на тибетской территории вдоль означенных двух путей пунктов, в коих Англии разрешается содержать почтовые станции.

Если выяснится, что сообщение моего французского сотоварища действительно вполне соответствует истине, будет несомненно, что англо-индийское правительство отступило в данном случае от точного выполнения статьи 4 англо-русского соглашения по делам Тибета², в коей обе договаривающиеся стороны обязались не искать и не приобретать ни для себя, ни для своих подданных никаких железнодорожных, телеграфных и иных концессий в Тибете.

Резюмируя все вышеизложенное, считаю долгом подчеркнуть одно благоприятное для нас последствие недавних событий в Тибете, могущее только способствовать дальнейшему развитию англо-русского сближения: напряженное внимание здешнего военного ведомства, досель устремлявшееся главным образом в сторону северо-западной индийской границы, отныне отчасти отклонилось на восток, к тибетским пределам, откуда Англии стала угрожать на этот раз уже не воображаемая, а действительная – хотя, быть может, очень еще отдаленная – опасность.

На первый взгляд, может показаться странным, каким образом успешные действия в Тибете небольшого, далеко не первостепенного отряда китайской армии, еще находящейся в первоначальной стадии своего развития, могли вызвать тревогу в индийском правительстве, располагающем, не считая туземных частей, отличным семидесятитысячным чисто английским войском. Однако, присматриваясь ближе к условиям английского владычества в Индии, нельзя не прийти к заключению, что для такой тревоги есть довольно причин. В самом деле, как бы ни была совершенна здешняя английская армия, несомненно, что для обеспечения порядка и спокойствия внутри громадной 300-миллионной империи, где повсеместно зреет глухое, порою, однако, ярко вспыхивающее недовольство, она является силою далеко недостаточною, тем более что на нее же выпадает и охрана всей огромной сухопутной границы Индии. Значение этого факта еще усугубляется тем обстоятельством, что, судя по историческим примерам и по нынешнему настроению индийского населения, не может быть никакой уверенности в непоколебимой лояльности туземных войск, хотя бы и обученных английскими офицерами. Все это вполне созна-

ется и даже изредка прямо высказывается представителями здешних военных и политических кругов, отдающих себе ясный отчет в том, что всякое серьезное осложнение на том или другом конце северной границы Индии, сопряженное с необходимостью двинуть туда крупные вооруженные силы и тем ослабить охрану внутренних провинций, немедленно вызвало бы взрыв горючих элементов, покамест таящихся под спудом. А что первое же серьезное народное восстание, которое, конечно, не замедлит использовать мечтающий о троне Великих моголов³ афганский эмир⁴, будет означать собою если не конец, то во всяком случае начало конца английского владычества в Индии, в этом здесь мало кто сомневается. Торжество Китая в Тибете, укрепление его власти близ рубежа Индии для Англии сами по себе, конечно, не страшны. Ей страшна возможность таких действий Китая, на которые она вынуждена будет ответить передвижением воинских частей из центральных революционно настроенных областей Индийской империи на пустынные северные ее окраины. С глубоким почтением и проч. <...>

Б.Арсеньев

На листе 36 стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

На документе имеется помета С.Д.Сазонова: «При письме допросить М.С.Щекина и гр. Бенкендорфа, действительно ли есть соглашения о почте?»

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, д. 960, л. 36–42. Подлинник.

¹ Ронссон – генеральный консул Франции в Калькутте.

² Англо-русское соглашение 1907 г.

³ Великие Моголы – династия правителей Могольской империи в Индии в 1526–1858 гг.

⁴ Афганский эмир – Хабибулла, правил в 1901–1919 гг.

№ 92

1910 г. мая 8. – Депеша генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о повышенном интересе в Британской Индии к китайской политике в Тибете в связи с бегством оттуда Далай-ламы

Проезд через Индию в Тибет бывшего начальника китайской императорской гвардии Тсиен-Ши-Пао, только что назначенного на вновь учрежденный пост советника китайского резидента в Лхассе, опять пробудил здесь интерес к тибетским делам, заглохнувший было

после возвращения Далай-Ламы к мирной жизни в Даржилинге. Особое внимание обращается на тот факт, что при замещении в Лхассе новой видной административной должности китайское правительство остановило свой выбор на лице, занимавшем выдающееся положение в военной иерархии Срединной империи и принимавшем деятельное участие в реорганизации китайской армии¹. Отсюда выводится заключение, что китайцы, по-видимому, намерены самым серьезным образом приняться отныне за преобразование вассального Тибета в имперскую провинцию с твердым китайским управлением, в один из аванпостов китайского владычества и китайской военной силы.

Предметом оживленных толков послужило здесь также заявление, сделанное Тсиен-Ши-Пао в Калькутте представителю одной из местных газет, в беседе с коим названный китайский сановник категорически высказал, что тибетский Первосвященник, после бегства своего и низложения, является в глазах правительства Богдохана не более как простым ламою, навсегда безвозвратно утратившим свой характер не только светского правителя Тибета, но и духовного главы ламаистов.

Не подвергая сомнению суверенного права Китая распоряжаться в Тибете, в области внутреннего его управления, по своему усмотрению, англо-индийская печать задается академическим вопросом, не переступило ли китайское правительство границ своей компетенции, лишив Далай-Ламу его духовных прерогатив, и как к такому шагу китайской власти отнесутся миллионы буддистов, видящих в Его Святейшестве живое воплощение Будды на земле. Попутно здешнюю прессу занимает также и более животрепещущий вопрос о том, является ли пребывание Далай-Ламы в индийских пределах, где он находится в полнейшей зависимости от Англии, козырем в ее руках, который она могла бы так или иначе при тех или иных условиях использовать или же оказываемое ныне Его Святейшеству индийским правительством гостеприимство есть не более как долг элементарной вежливости по отношению к низложенному государю, безнадежно лишившемуся всякой власти и влияния.

Последние вопросы, на которые пока трудно дать определенный ответ, представляют, мне кажется, некоторый интерес и для России. В самом деле, каково значение для нас совершившегося факта низложения Далай-Ламы, этого верного, нелицемерно преданного друга России, столь явно и упорно, несмотря на все превратности нашей судьбы², тяготевшего в нашу сторону? Навсегда ли в его лице сошел с политической сцены светский и духовный правитель, к голосу которого благоговейно прислушивалась вся сопредельная с нами Монголия.

Здесь в этом не уверены. Здесь допускают возможность если не возвращения Далай-Ламы к светской власти, то, по крайней мере, сохранения им в прежней полноте влияния на духовную его многомиллионную паству. Пока отношение этой паствы к его низложению еще

не выяснилось, индийское правительство, по-видимому, решило прижиться в данном случае выжидательного образа действия.

Как я уже имел честь донести Вашему Превосходительству, оно приняло Его Святейшество со всеми подобающими его сану почестями; оно предоставило ему помещение в Даржилинге, где он проживает на счет английской казны в полном спокойствии, пользуясь вниманием местных властей и всеми возможными удобствами; но до поры до времени оно уклоняется от всяких переговоров с ним по политическим вопросам, приберегая его как орудие, которое в настоящий момент пустить в дело нельзя, но которое со временем, быть может, еще пригодится.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 105–106. Подлинник.

¹ Речь идет о формировании в Китае после русско-японской войны 1904–1905 гг. новых войск, вооруженных и обученных по образцу Германии и Японии.

² «Превратности нашей судьбы» – видимо, имеется в виду поражение России в войне с Японией и революция 1905 г.

№ 93

1910 г. июля 5. – Депеша поверенного в делах в Китае М.С.Щекина министру иностранных дел А.П.Извольскому о том, что посланец Далай-ламы привез представляющим Первосвященника в Пекине ламам письмо с просьбой передать содержание письма в Российскую миссию. Посланец устно сообщил М.С.Щекину, что Далай-лама, находясь в Британской Индии, питает недоверие к англичанам и просит царское правительство прислать к нему доверенное лицо

Несколько дней тому назад в Пекин прибыл посланный из Даржилина от Далай-Ламы с письмом к проживающим здесь его представителям хамбо-ламам Цзян-цаню и Лосану, которым было поручено передать содержание письма в Российскую миссию. Кроме того, посланному было приказано сообщить устно, что Далай-Лама проживает в помещении, предоставленном ему англичанами, и подчинен очень строгому с их стороны надзору, исключающему почти всякое сношение с внешним миром. В то же время англичане относятся к нему крайне предупредительно и предлагают свое содействие в сношениях с Китаем, если бы он захотел вступить в таковые. К предложениям англичан Далай-Лама питает недоверие и желал бы получить совет от России, причем на случай каких-либо указаний от Императорского правительства он просит прислать доверенное лицо в Даржилин.

От какого-либо ответа я воздержался, тем более что таковой не вызывался с моей стороны ни формой, ни по существу приведенного сообщения.

Перевод полученного миссией изложения письма Далай-Ламы на китайском языке считаю долгом представить при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства. Документ этот содержит в себе перечень событий, предшествовавших бегству Первосвященника, и в настоящее время представляет лишь ретроспективный интерес. Трудно, конечно, проверить, насколько обвинения, возводимые на китайских должностных лиц и войска, оперировавшие в Тибете, соответствуют действительности. Во всяком случае, события свидетельствуют, что начатая на этой окраине по инициативе даровитого сычуаньского вице-короля Чжао-эр-сюня энергичная политика проводится более или менее последовательно в зависимости от денежных средств, коими располагают китайцы, причем наибольшего внимания заслуживает все то, что делается на месте непосредственным распоряжением названного сановника.

За последнее время в Пекине распространились сведения о разных реформах в Тибете, проектируемых будто бы правительством, по проверке, однако, оказывалось, что никаких решений не принято или что мера откладывается за отсутствием источника на покрытие вызываемых ею расходов. Гораздо серьезнее звучит появившееся на днях известие о распоряжении военного министерства преобразовать 33-ю сводную бригаду в Чэн-ду-фу¹ в дивизию реформированных войск (лу-цзюнь)², так как из другого источника можно было установить, что Чжао-эр-сюнь из остатков сборов с соли и чая собрал необходимые на этот предмет средства.

Что касается расположения китайских войск в самом Тибете, то, по последним сведениям, ни в численности их (около 3000 человек), ни в расположении (линия Чиамдо-Лхасса) изменений не произошло.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 109 и об. Подлинник.

¹ Чэн-ду-фу – г. Чэнду, в то время административный центр провинции Сычуань.

² Лу-цзюнь – букв. «сухопутная армия». Так назывались вновь сформированные войска Китая по иностранному образцу.

№ 94

Изложение письма Далай-ламы, приложенное к депеше М.С.Щекина от 5 июля 1910 г.

1. Лянь Юй и другие вошли в минувшем году с докладом по вопросу о проведении новых реформ в Тибете, причем им было ассигновано

свыше миллиона лань серебра на устройство китайско-тибетской школы, учреждение газетной редакции, оборудование госпиталя и типографии; из этой суммы ими по настоящее время израсходовано не более 200 тысяч лань. Что касается сооружения солдатских казарм, то все необходимые материалы, рабочих и проч. предписано было доставить населению, которому по казенной оценке уплачено было всего 10 тыс. лань. Кроме того, на население налагаемы были в крупном размере штрафы, взысканы были акцизные сборы с вина, соли и проч., все эти суммы сановник Лянь полностью положил в свой карман.

2. Из провинции Сычуань посланы были войска, в количестве 2000 человек, для несения полицейской службы в открытых для иностранной торговли пунктах Тибета. Чиновники и прочее население, опасаясь вздорожания риса и прочих зерновых продуктов и связанных с этим затруднений для беднейшей части населения, предвидя возможность столкновений из-за взаимного непонимания языка и считая поэтому более целесообразным иметь полицию из тибетцев, неоднократно обращались к сановнику Ляню с просьбой о замене китайской полиции туземной, но названный сановник, не ограничившись неудовлетворением возбужденного ходатайства, силой отобрал из казначейства хранившееся там оружие и стал решать все касающиеся местных нужд дела самолично, без участия китайских и тибетских чиновников. Кроме того, им были в несколько раз увеличены натуральные подорожные повинности в виде поставки лошадей, конюхов и т.п. Благодаря таким мерам положение населения сделалось столь безвыходным, что, по имеющимся слухам, оно начало разбегаться.

3. Войска Сычуаньской провинции, при вступлении своем в Тибет, в м[естечке] Кан-ба убивали встречавшееся по пути население и сжигали жилища частных лиц и кумирни. По прибытии в Тибет они без всякой причины убили несколько человек из числа тибетских полицейских. Конвойные сановники Ляня также без всякой причины схватили князя Пын кан тай-цзы и подвергли его ужасным истязаниям, а также убили его слуг; они же убили казначея Чу-ань-гуань-цзя-му-ян, его слуг и лошадей, также силою заняли дом Ка-луна (члена верховного совета) и уничтожили всю находившуюся в нем обстановку. В это время население было столь раздражено всем происходящим, что положение сделалось прямо-таки невыносимым, причем, если бы Далай-Лама не принял со своей стороны меры к подавлению народного гнева, возникновение беспорядков представлялось бы неизбежным. Далай-Лама же обратился к тибетскому населению с такого рода увещанием: «Тибет издавна считался буддийским государством, в котором во всех делах выше всего ставились милосердие и сострадание, поэтому воздержитесь от беспорядков». Население неоднократно по-

давало Лянь Юю коллективные петиции, но на них он не обращал ни малейшего внимания.

4. Подобный насильственный образ действия Лянь Юя и связанное с этим опасение возникновения беспорядков побудили Далай-Ламу передать заведование делами казначейства Га-лэ-дань-чи-ба, сам же он решил морским путем выехать в Пекин и на аудиенции у Императора представить доклад о положении дела в Тибете. 10-го числа первой луны (т.е. 6 февраля 1910 года) он прибыл в м[естечко] Па-кэ-ли. Командир отряда в Цзин-си и комиссар уговаривали его остаться временно в Цзин-си, пока тибетцы и китайцы не придут к какому-либо соглашению, а затем вернуться в Тибет; кроме того, они прибавили, что дальность расстояния делает поездку в Пекин излишней. Далай-Лама на это согласился и временно остался на жительство в Цзин-си. Между тем сановник Лянь Юй послал вдогонку за ним солдат, которые по пути убивали народ и сжигали кумирни. Услышав об этом, Далай-Лама вернулся к своему прежнему намерению отправиться в Пекин, но, доехав до английской границы, узнал, что Лянь Юй представил против него лживый обвинительный доклад, в силу которого он был лишен сана и сравнен с обыкновенными смертными. Тогда он отправил в Вай-у-бу подряд семь телеграмм, на которые, однако, не получил никакого ответа, и, не считая более удобным ехать в Пекин, поселился в Дарчжилине.

5. После отъезда Далай-Ламы сановник Лянь Юй с войсками явился в Лош-бу-лин-ган¹ и казначейство и, произведя проверку всего в них находившегося, опечатали их. Кроме того, он послал солдат в количестве 50 человек в Накчу, где они пересчитали и опечатали хранимые Далай-Ламой предметы, при этом конфисковали 10 ружей и 8 сабель.

6. Сановник Чжао-эр-фын и начальник отряда Чжун [Ин] в м[естечке] Кан-ба грабили имущество, убивали население, жгли кумирни, подвергали смерти духовных лиц; они же перелили медные изображения будд в медную монету и боевые снаряды, а также бросили в грязь и навоз священные книги буддистов. От Да-цзянь-лу до Тибета они сожгли свыше тысячи кумирень и частных зданий, убили духовных и светских лиц свыше 1100 человек, ограбили наличными деньгами на сумму 142 200 лань серебра, унесли с собою 3500 даней ячменя. Пострадавшее население вопиет к небу повсюду, и положение его представляется во всех отношениях печальным и заслуживающим сострадания.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 110–111 и об. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ Лош-бу-лин-ган – склад оружия и боеприпасов.

1910 г. декабря 22. – Секретная телеграмма генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о желании Далай-ламы посетить Лондон и Петербург

Далай-Лама через доверенное лицо секретно просил меня сообщить ему возможно скорее, может ли он рассчитывать на поддержку Императорского правительства и как оно отнеслось бы к его прибытию в Россию из Лондона, куда он хочет вскоре ехать, или к командированию им в С.-Петербург своего министра. Он также интересуется положением вещей в Тибете и ходом англо-русско-китайских переговоров по тибетским делам¹, о коих ему ничего не известно. Прошу ответа по телеграфу.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 153. Подлинник.

¹ В это время тройственные англо-русско-китайские переговоры не велись.

1910 г. декабря 23. – Депеша генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел о трудном положении Далай-ламы в Британской Индии и его желании жить в России

Третьего дня ко мне по поручению Далай-Ламы явился с соблюдением всей вызываемой необходимостью осторожности известный Императорскому министерству тибетец Намхай¹, сообщивший мне от имени Его Святейшества нижеследующее.

Проживающий в Даржилинге тибетской Первосвященник не может пожаловаться на дурное обращение с ним англичан. Они с ним предупредительны и вежливы, заботятся о его удобствах, оказывают ему должные знаки почтения. Тем не менее его удручает та почти тюремная обстановка, которой они его окружили. Без особого разрешения наблюдающего за ним политического агента в Сиккиме г. Белля к нему не допускается ни один иностранец. Сноситься с Тибетом ему не позволяют. Письма, ему адресованные или им отправленные, проходят через руки английских властей. Отрезанный ото всего мира, он пребывает в полном неведении относительно того, что делается в родной его стране и в каком фазисе находятся англо-китайские переговоры о его будущей судьбе. Такое почетное заключение начинает делаться для него невыносимым. Он пытался было испросить разрешение на поездку в Калькутту для свидания с вице-королем, от которого

он рассчитывал узнать что-нибудь о своей дальнейшей участи. Ему ответили, что в течение этой зимы лорд Хардинг², обремененный занятиями, не будет иметь возможности принять его. Тогда он задумал отправиться в Лондон в надежде хоть там добиться каких-нибудь результатов. Но и тут ему пришлось встретиться с препятствиями. Не отказывая ему прямо в позволении выехать в Европу, г. Белль, ссылаясь на трудности и опасности, сопряженные с морским путешествием, настойчиво советует ему не предпринимать столь дальнего плавания. Его Святейшество недоумевает, следует ли ему видеть в таковых советах приставленного к нему английского чиновника предубаждение на то, что индийское правительство не выпустит его из Индии, или же он может рассчитывать, что англичане, как бы это ни было им неприятно, не осмелятся насильственно, в нарушение законов, задерживать на своей территории не узника и не преступника, а почетного своего гостя. В ближайшем будущем он предполагает посетить некоторые ламаитские монастыри в Бутане, а также одно из священнейших для всех буддистов место в Индии – древний и знаменитый буддийский храм в Бенгальской провинции. Оттуда, если только это представится возможным, он желал бы отправиться в Англию. Дальнейшая его мечта – побывать в Петербурге. Не надеясь особенно на то, чтобы в Лондоне к горькой судьбе его отнеслись более сочувственно, чем в Калькутте, он все упования свои возлагает на заступничество неизменно до сих пор покровительствовавшего ему Императорского правительства. В ожидании того момента, когда справедливость наконец восторжествует и ему возвращены будут законные духовные и светские права во всей их полноте, он желал бы жить не на английской территории, где ему все чуждо, а в России, к коей он всегда испытывал не раз на деле доказанные им чувства искренней дружбы и глубокой привязанности и которая – твердо верит он – не откажет ему в своем гостеприимстве и помощи в настоящее трудное для него время.

В крайнем случае, если бы приезд его в Россию был признан по тем или другим соображениям неудобным, он предполагал бы командировать в С.Петербург одного из своих приближенных сановников.

Что касается пребывания в Дарджилинге даотая³ То Чангчи, о коем я имел честь докладывать гофмейстеру Сазонову в донесении моем от 27 сентября сего года за № 24, то переговоры Далай-Ламы с сим китайским чиновником не привели, по словам упомянутого Намхая, ни к каким положительным результатам. Его Святейшество, опираясь на неизменную и своевременно не учтенную китайцами преданность ему проживающих в китайских пределах монголов и других ламаитов, категорически обусловил свое возвращение в Лхассу восстановлением его во всех тех правах, коими он пользовался до своего бегства из этого города весной истекшего года, на что китайцы пока не считают возможным согласиться. Однако уже из самого того факта, что Дай-

динское правительство, недавно еще всячески его поносившее, сочло нужным прислать к нему нарочито для примирительных переговоров особого чиновника, Далай-Лама выводит заключение, что в отношении к нему китайцев произошла какая-то серьезная перемена – вызванная, по его предположению, энергической защитой его интересов Россией. Он был бы крайне признателен Императорскому правительству за поставление его в известность, справедливы ли его догадки. Равным образом он желал бы знать, насколько соответствуют истине доходящие до него слухи о неудачах китайской политики в Тибете – родной и близкой его сердцу страны, из которой он, несмотря на то что Дарджилинг находится в двух шагах от нее, лишен возможности получать какие бы то ни было достоверные известия.

Сделав все вышеприведенные сообщения, посланец Далай-Ламы по приказанию своего владыки обратился ко мне с просьбой о наипоспешнейшем доведении планов, пожеланий и надежд Его Святейшества до сведения Императорского правительства – вследствие чего мною сего числа была отправлена на имя Вашего Превосходительства секретная телеграмма соответственного содержания.

В ожидании указаний и проч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 155 и об., 156. Подлинник.

¹ Намхай – доверенное лицо Далай-ламы, бежавший вместе с ним в Индию.

² Лорд Хардинг – вице-король Британской Индии.

³ Даотай – крупный чиновник в Китае, начальник округа или начальник одного из управлений в администрации губернатора провинции.

№ 97

1910 г. – Письмо Далай-ламы Николаю II, привезенное в марте 1911 г. из Дарджилинга в Петербург профессором Ф.И.Щербатским¹, об отказе Лондона принять Первосвященника и просьбой к русскому царю взять на себя заботу по решению тибетского вопроса

Ваше Императорское Величество

великой, обширной страны мира и счастье дающий Великий Государь.

Из глубины души имею доложить: с момента установления дружественных сношений между Россией и Тибетом мы, точно помня Ваше наставление, до последнего времени держались самого мирного и лояльного поведения по отношению к китайцам – с покорностью и уважением. Однако – несмотря на это – китайцы отняли все права Тибете

та и довели до того, что мы, глава страны, вместе со своими приближенными лишены возможности оставаться в своей стране. О всех этих чрезвычайных обстоятельствах мне надлежало в то же время довести до сведения правительства Вашего Величества. Но в силу создавшихся условий я вынужден был вступить в пределы английских владений. О всех бесчинствах, произведенных китайцами в моей стране, нами было подробно передано английскому правительству. Результатом этого было: Англия заявила протест Китаю о нарушении им договорных обязательств по отношению к ней, напомнив, что, согласно договору, Китай не должен держать свои войска вблизи Непала и Бутана. Затем последовал совместный протест России и Англии.

Вслед за этим, казалось, дела улучшились, китайский резидент в Лхассе вдруг стал предупредительным; приглашал нас вернуться в столицу нашу, обещая восстановление прежних порядков. Но это был с его стороны лишь обман. К этому времени английское правительство решило отправить в Тибет отряд войска в 2000 человек для охраны интересов английских подданных – купцов в Гянцзы (Гьянцзе). Очевидно, это была демонстрация со стороны англичан с целью заставить китайцев вступить в выгодные для англичан переговоры. Возможно, что состоялись какие-либо переговоры, ибо англичане приостановили свое решение отправить отряд, а китайский амбань в Лхассе стал проявлять еще большую свободу действий.

При таком новом повороте дела мы обратились к Англии через индийское правительство с вопросом, как она отнеслась бы, если бы мы официально посетили Лондон в нынешнюю зиму и обратились бы за содействием Англии для улажения дела между Тибетом и Китаем. На это наше обращение последовал ответ английского правительства, что оно не может принять нас в нынешнюю зиму в Лондоне, а на последнее ответило категорически, что оно не может быть посредником между Китаем и Тибетом. Это подтверждено и индийским правительством. Не удовлетворившись этим, мы повторили свое обращение. Тогда нам ответили, что в силу существующих договоров между Англией и Россией, с одной стороны, Англией и Китаем – с другой, английское правительство затрудняется вмешиваться в тибетские дела.

Возможно, что китайцам удалось убедить англичан, что искреннее желание тибетцев всегда будет тяготеть к России.

Из всего этого можно заключить, что Англия не может взять на себя разрешение тибетского вопроса. Ввиду этого мы предполагали бы в сопровождении немногих лиц отправиться в Петербург через Лондон. Но неизвестно, во-первых, как отнесутся к этому англичане; во-вторых, каковы будут результаты поездки для дела; в-третьих, здесь пребывают депутации от тибетского правительства – в составе хамбы, князей и настоятелей трех главных монастырей (Сера, Брайбун и Гандан) – и от народа, настойчиво приглашающие вернуться в Тибет. Де-

путации единодушно умоляют не уезжать за море, не покидать народа без защиты и надежды и не подвергать свое здоровье и жизнь риску, они говорят, что тогда весь край погрузится во мрак – вера и отечество будут обречены на гибель. И в четвертых, наконец, мы не знаем взглядов правительства Вашего Величества в данный момент на предполагаемую нами поездку через Лондон в Петербург.

Вот ввиду указанных обстоятельств мы находимся в положении совершенной неопределенности: с одной стороны, по указанным причинам не решаемся ехать в Петербург, а с другой – невозможно оставаться пассивными зрителями того, что изо дня в день делается китайцами в Тибете, как то: возведение построек, проведение путей и телеграфа и проч. Если то, о чем подробно было изложено цанид хамбе, а потом – о последних событиях – сообщено г. Щербатскому, будет продолжаться и далее, то неминуемо будет сведено на нет как вера, так и отечество наше.

А посему просим Ваше Величество, разобравшись внимательно в обстоятельствах, соизволить: или, согласно договору между Россией и Англией, снести с английским правительством и войти с соответствующим представлением к китайскому правительству от имени обоих правительств, или от одного Вашего правительства единолично; или же найдете возможным передать вопрос на международное рассмотрение. Если из указанных путей ни один не выполним, то, быть может, найдете нужным указать на другое правительство, дружественное Вам, – и тогда мы, согласно Вашему указанию, обратились бы к нему. Вообще, какие имеются возможные пути к благоприятному разрешению вопроса – об этом да соблаговолит Ваше Величество указывать свое отеческое наставление нам. Каковы бы ни были способы благоприятного разрешения нашего дела, пусть Ваше Величество соблаговолит дать свое истинное слово и ответ как можно скорее. Ваше Величество с самого начала является источником надежды, ожидания и опорой; благоволите поэтому непременно принять на Себя великую заботу дать мир и счастье всему нашему народу и защиту религии нашей.

Ваше Величество, соблаговолите точно указать, что именно мы должны сделать со своей стороны, чтобы отблагодарить и вечно помнить Ваше заступничество. Какова бы ни была воля Вашего Величества, мы все готовы исполнить в точности.

За благоденствие Вашего Величества на многие лета и за процветание государства Вашего в постоянной молитве пребываем. Письмо Ваше преподносим с хадаком.

22 дня 10 лишней луны /15 цикла года «железной собаки» (т.е. 1910).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПРИ ПИСЬМЕ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
ОТ ДАЛАЙ-ЛАМЫ.

Тибет с самого начала был самостоятельным, независимым государством. Сношение Тибета с Китаем начинается с того момента, когда тибетский царь Сронцзан Гампбо (VII в.) взял себе в супруги китайскую царевну Танской династии. Позднее, при царе Ти Ралпбачжане (XI в.), были войны между Тибетом и Китаем. При заключении мира государи обеих стран дали друг другу клятвенное обещание никогда не враждовать между собой. В ознаменование этого они, каждый в своей столице, поставили по одному каменному памятнику с соответствующими надписями.

При V нашем перерождении (XVII в.) мы были приглашены в Пекин маньчжурским императором Шунь-чжи, который сделал нас государственным духовником, и в то время между императором, с одной стороны, и нами – с другой, были установлены на будущее время неизменная дружба и взаимная солидарность в действиях.

С этого времени отношение Тибета к Китаю стало отличаться особенной дружественностью и преданностью. Такое взаимоотношение в последующие времена постепенно переходит в вассальную зависимость Тибета от Китая.

При нынешнем нашем перерождении, когда наша страна подверглась нападению иноземцев², мы обратились за помощью к Китаю как к покровительствующей стране. На это Китай отказался помочь нам, тем не менее мы посетили Пекин, чтобы засвидетельствовать нашу лояльность перед Китаем. Мы были официально приняты вдовствующей Императрицей и Императором и изложили пред троном о создавшемся ненормальном положении между Китаем и Тибетом. Изложили о том, как были произведены китайскими войсками бесчинства в Каме – уничтожение множества монастырей, избиение монахов и мирян, поругание святынь и о том, как захватили Чамдо, Брагяб и другие уезды. В ответ на это мы получили от трона уверение в восстановлении прежних добрых отношений между обеими странами.

Несмотря на такое уверение, Китай отправил в Тибет войска якобы для защиты страны, а на самом деле по вступлении в нашу страну китайские войска на пути своем в Лхассу производили бесчинства, а в Лхассе застрелили нашего донира Жамьяна, ранили князя Пункана и открыли ружейную пальбу по нашему дворцу Бодала (Потала). Эти обстоятельства и заставили нас покинуть столицу и вступить в пределы соседней Индии. Такой наш вынужденный шаг вызвал со стороны Китая опубликование указа, несправедливо обвинявшего нас в разных неправдах и лишившего нас далай-ламского достоинства, что никогда не имело и не будет иметь никакой силы [в] действительности. В Индии мы обратились через индийского вице-короля, оказавшего нам

искреннее гостеприимство и почет, к английскому правительству, чтобы последнее приняло на себя роль посредника между нами и Китаем. Ныне английское правительство дало нам свой ответ в том смысле, что оно не может быть посредником между Тибетом и Китаем.

Кроме того, китайский амбань сделал объявление в Лхассе, что светская наша власть в Тибете отнята и что будет она передана в руки китайского чиновника.

Китайцы ныне строят уже казармы для своих солдат, проводят телеграф и беспощадно обирают население на предмет продовольствия для войск, допуская при этом произвол и насилие. Подвергают жестоким преследованиям всех приверженцев отечества. Таким путем китайцы всячески разрушают священные устои нашей церкви. Однако мы видим, что как в Англии, так в особенности в России религия Будды пользуется свободой и покровительством. Зная, как Ваше Величество благосклонно относится к нашей религии, мы обращаемся к заступничеству Вашему, дабы наша страна избавилась от китайцев и стала свободной.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 222–224 и об., 225. Перевод с тибетского, современный подлиннику.

¹ Ф.И.Щербатской (1866–1942) – российский (советский) индолог, тибетолог и буддолог. С 1900 г. – профессор Петербургского университета, с 1918 г. – академик РАН (АН СССР). В 1897 г. вместе с С.Ф.Ольденбургом основал серию «Bibliotheca Buddhica», в которой многие крупнейшие востоковеды мира публиковали тексты, переводы и исследования письменных памятников Индии, Тибета, Монголии. В 1900 г. в Монголии изучал рукописи (на тибетском языке) в библиотеках буддийских монастырей. В 1910 г. он привез публикуемое письмо Далай-ламы. Письмо и приложение к нему перевел А.Доржиев и передал его в марте 1911 г. в Министерство иностранных дел России.

² Нападение иноземцев – т.е. англичан в 1904 г.

№ 98

1910 г. – Письмо Далай-ламы Агвану Доржиеву, привезенное из Дарджилинга в Петербург профессором Ф.И.Щербатским¹, о нежелании Англии помочь Тибету в борьбе с Китаем и надеждой на помощь России

Нашему Старшему Цанид Хамбе милостивое послание.

О поступках со стороны китайцев, вызванных злыми намерениями и питаемых ложными мотивами, о поступках, которые не согласуются ни с законами, ни с обычаями, ни с началами справедливости.

Вы уже знаете из наших прежних посланий о том, как после случившихся несчастий мы имели намерение выехать в Россию, но ввиду громадности расстояния и наличности войска (китайского) в пути мы принуждены были отправиться в соседнюю Индию и как изложили о делах наших английскому правительству. Как было подробно изложено в письмах, отправленных с г[осподином] Щербатским и по почте, мы, руководясь указаниями, вытекающими из условий соглашения между Россией и Англией, поддерживаем дружественные отношения. [В] 9 месяце Англия, действительно, оказала нам большой почет, а к нашему делу правительство отнеслось со вниманием и даже запросило, какое количество войска нужно на помощь Тибету. Но потом под предлогом, что, по газетным сведениям, Россия не желает, чтобы Англия отправила войска в Тибет, английское правительство отказалось от своего предложения; быть может, и китайцы с своей стороны сделали что-нибудь, побудившее Англию на такой поворот. Китайцам удалось убедить англичан в том, что – какую бы помощь Англия ни оказала Тибету – все же истинное желание тибетцев будет направлено к России. Поэтому-то мы получили через бель-сагиба² ответ английского правительства, что вмешиваться в дела между Тибетом и Китаем, согласно договору с Россией, оно не может, а что касается нашего пребывания здесь (в Индии), то со стороны Англии будет оказан нам соответствующий почет и внимание. Затем этот ответ был подтвержден еще телеграммой и письменно. Так как в это время происходили переговоры между Англией и Китаем по поводу недоразумений, возникших по делам Сиккима и Бутана³, то мы предположили, что, может быть, Англия отказала нам в помощи по дипломатическим соображениям, и вновь обратились к английскому правительству и получили такое же отрицательное письмо, какое было и раньше. Из этого мы заключили, что Англия нам помочь не может. Амбань объявил нашему Великому Собранию и китайским чиновникам, что в случае нашего возвращения в Тибет нам дана будет возможность жить на прежних правах. Такому заверению мы, конечно, верить не можем. К тому же калун Царун и некоторые другие чиновники, также оба настоятеля (старый и новый) дацана Лосойлин и сторонники Демухуты и проч. перешли на сторону китайцев; а приверженцев нашего тибетского правительства схватывают по доносам и подвергают жестоким карам. В случае возвращения в Тибет мы лично, быть может, не будем подвергаться опасностям; но, нет сомнения, нам пришлось бы лишиться приближенных – их жизни и свободе грозила бы верная опасность, имущества их конфисковали бы и т.д. При таких обстоятельствах мы не можем вернуться в Тибет. Но в то же время в момент такого крайне тяжелого положения дел Церкви и Государства невозможно оставаться в покое (...). Если в такой исключительный момент для нашей Церкви и Государства не придет спасение и мир со

стороны России, на которую столько времени смотрели и от которой столько ожидали и надеялись, то, во-первых, создается худое сказание, как наказываются те, которые прибегают к России и Англии; а во-вторых, и нам никому нельзя будет показаться и некуда идти.

Поэтому было поднесено Его Императорскому Величеству два письма (копии с которых Вам прилагаются при сем), согласно содержанию коих, существование нашей религии и страны находится на грани между гибелью и спасением, «словно птичка на пороге».

Если даже при всем желании русского правительства помочь нам, дела наши стали настолько труднопоправимы, как трудно остановить плотиной потоки вод, Вы во имя правды и добра должны положить в глубину сердца своего, что Вам надо приложить, как и раньше, все свое усердие и ум направить на изыскание мудрых способов для разрешения нашего дела.

Новому министру⁴ передайте от нас Бурхан и приветственный хадак.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 228-229 и об. Перевод с тибетского, современный подлиннику.

¹ Письмо Далай-ламы Агвану Доржиеву поступило в Министерство иностранных дел в середине марта 1911 г.

² Бель-сагиб – британский представитель в Сиккиме Ч.Белль.

³ В 1910г. Великобритания усилила свое давление на Бутан и Сикким с целью подчинения их своему контролю. Так, в 1910 г. руководство внешней политикой Бутана перешло к англичанам. В Пекине же считали Сикким и Бутан вассальными территориями Китая.

⁴ Новый министр – 6 сентября 1910 г. вместо А.П.Извольского министром иностранных дел России был назначен С.Д.Сазонов.

№ 99

1911 г. март. – Записка профессора Ф.И.Щербатского в Министерство иностранных дел о необходимости установления непосредственных сношений между русским правительством и Далай-ламой

Далай-Лама в настоящее время находится на английской территории в Дарджилинге, и трудно предвидеть, чтобы такое положение изменилось в скором времени, если со стороны заинтересованных держав не будет сделано никаких усилий для водворения его обратно в Тибет. Китайское правительство потерпело неудачу в попытке отделиться от него совсем, а также в попытке заменить его другим лицом. Вследствие этого оно теперь через своего представителя приглашает его вернуться обратно, обещая, что его положение ни в чем не будет изменено, т.е. что автономия Тибета будет уважаться. Далай-Лама

ставит условием своего возвращения присутствие при нем представителей России и Англии, будут ли они называться консулами, агентами по религиозным делам, путешественниками, учеными или иначе. Он справедливо полагает, что одного присутствия при нем представителей России и Англии будет достаточно, чтобы китайцы отказались по отношению к нему от своих типических приемов управления, так что личная его безопасность будет более или менее обеспечена.

Не получая в течение долгого времени никакого положительного ответа от правительства Индии, Далай-Лама выразил желание проехать в Лондон, с намерением оттуда приехать и в С.Петербург, чтобы лично просить о помощи. К сожалению, никаких прямых сношений с Далай-Ламой у нас нет, почтовая и телеграфная его корреспонденция находится под строгим контролем и никаких сношений с ним этим путем установить нельзя. Российский генеральный консул в Калькутте Б.К.Арсеньев, не имея никаких инструкций, опасается вступить в какие-либо сношения с Далай-Ламой, он не желает даже принять посланных к нему чиновников для переговоров впредь до получения инструкции. Между тем мне лично удалось в течение месяца, который я провел в Дарджилинге, сноситься с ним совершенно свободно; мой пример доказывает, что при настоящем положении англо-русских отношений никаких непреодолимых препятствий установлению правильных сношений между русским правительством и Далай-Ламой англичане не стали бы устраивать.

Действительно, такой авторитетный политик, как генерал Юнгхэзбанд, прямо требует совместной поддержки Далай-Ламы Англией и Россией, это мнение имеет много сторонников и среди правительства Британской Индии. Полная бездеятельность России в этом отношении нежелательна по многим причинам. Во-первых, англичане ссылаются на это обстоятельство в своих переговорах с Далай-Ламой и заявляют, что они не могут ничего сделать для него, так как этому будто бы противится Россия. При этом англичане ссылаются на тот пункт последнего англо-русского договора, в силу коего обе стороны взаимно обязались не посылать в Тибет никаких экспедиций. На это Далай-Лама отвечал, что ему этот пункт известен, но срок его действия истек в минувшем августе¹.

Во-вторых, события последних лет доказали, что Далай-Лама является очень важным фактором не только в Тибете, но и в Монголии, особенно в сопредельной с Забайкальем Халхе, и совершенное игнорирование его с нашей стороны или получение только случайных сведений от путешественников вряд ли допустимо.

В-третьих, события несомненно доказали, что Далай-Лама является нашим сторонником, равно и Восточная Монголия, т.е. та часть ее, где престиж Далай-Ламы стоит особенно высоко, до сих пор тяготеет к России, и тяготение это ничуть не ослаблено последними события-

ми, чего нельзя сказать про Западную и Юго-Западную Монголию. Ввиду возможного и вероятного нашего столкновения с Китайской империей в будущем² чувства эти надлежало бы оберегать и лелеять как зеницу ока. Если бы действительно Далай-Лама приехал в С.Петербург, то возвращение его в Тибет из России при нашей нравственной поддержке не преминуло бы укрепить наш престиж в этой местности.

Ввиду всего изложенного ясно, что как можно скорее должен быть положен конец той полной неизвестности, в которой мы пребываем относительно судьбы и стремлений Далай-Ламы.

В настоящее время с разных сторон организуются в Тибет научные экспедиции.

Организация русской научной экспедиции через Дарджилинг в полном согласии и при содействии английского правительства была бы также желательна; она могла бы положить начало установлению правильных сношений.

Щербатской

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 230 и об., 231. Подлинник.

¹ В данном случае Далай-лама ошибается, ибо ни для одного пункта Англо-русского соглашения 1907 г. о Тибете никаких временных рамок не устанавливалось. Изменить тот или иной пункт Соглашения или дополнить его новым пунктом можно было только по согласию обеих сторон – Великобритании и России.

² Накануне Синьхайской революции (1911–1913 гг.) в российских общественных и правительственных кругах имело место мнение, что Китай в результате проводимых в нем реформ (создание новых войск, интенсивное железнодорожное строительство и т.д.) усиливался и что со временем от него может исходить военная угроза России.

№ 100

1911 г. апреля 21. – Весьма секретное письмо временно управляющего Министерством иностранных дел А.А.Нератова¹ бывшему министру иностранных дел, российскому послу в Париже А.П.Извольскому с просьбой прозондировать истинное отношение английского правительства к Далай-ламе, с тем чтобы подготовить почву к совместным действиям России и Великобритании в тибетском вопросе

Милостивый Государь Александр Петрович,

Вследствие письма от 12/25 апреля с.г., при коем Ваше Превосходительство изволили препроводить полученное Вами от Далай-Ламы послание, заключающее обращенную к Вам просьбу о содействии к восстановлению его в правах, имею честь уведомить Вас, что Его

Святейшество в последнее время усиленно ходатайствует о помощи Императорского правительства. В письме на имя Государя Императора и в разных сообщениях, пересланных через одного из русских путешественников в Индии, Далай-Лама выступает с различными предложениями, видимо не выработав себе определенного плана действий. Главные надежды он возлагает на путешествие в Европу – в Лондон и С.Петербург, рассчитывая добиться посредничества России и Англии перед Китаем; однако великобританское правительство в мягкой форме, но вполне категорически отказывает в своем согласии на его отбытие в Европу. Большое значение буддийский Первосвященник придает созданию в Тибете русского и английского представительств, а также посылке русской научной экспедиции и, наконец, в случае неуспеха всех этих мер, предвидит необходимость передачи своего дела на обсуждение держав.

Само собою разумеется, что Императорское правительство лишено возможности единолично оказать какую бы ни было поддержку бежавшему из Лхассы и фактически состоящему под надзором англо-индийского правительства Далай-Ламе. Однако известное значение Тибета в цепи наших политических отношений и принадлежащая в нем до сих пор Далай-Ламе роль побуждают нас не относиться безразлично к судьбе последнего, в особенности имея в виду связи с Тибетом наших буддийских подданных, а также наши отношения к Первосвященнику в прежний период.

Полагая, что официальное объяснение с английским правительством по настоящему делу явилось бы несвоевременным, я пришел к мысли, что можно было бы воспользоваться обращением к Вам Далай-Ламы, чтобы зондировать отношение Лондонского кабинета к тибетским делам. Хотя в послании к Вам имеется ссылка на необходимость держать взаимные сношения в строгой тайне от Англии, однако трудно допустить, что самый факт переписки Далай-Ламы, если не содержание ее, оставался неизвестным индийским властям, и сохранить ее в тайне от английского правительства едва ли возможно и необходимо. Вы могли бы, мне кажется, поэтому* сообщить Вашему английскому коллеге об обращении к Вам Далай-Ламы и, не придавая своим объяснениям официального характера, все же постараться узнать не личное мнение сэра Ф.Берти², а взгляд руководителей английской политики на положение Далай-Ламы, на деятельность китайского правительства, направленную к поглощению Тибета и на возможность оказать какое-либо содействие Далай-Ламе к возвращению его в свою страну. Нет сомнения, что в Лондоне надлежащим образом оценят значение подобного шага со стороны инициатора русско-английского соглашения по тибетским делам и, может быть, воспользуются этим случаем, чтобы подготовить почву к большей общности деятельности двух держав в тибетском вопросе.

Для Вашего личного сведения считаю долгом присовокупить, что действительный с[татский] с[оветник] Коростовец в последнее время развивал соображения о возможности для нас найти в предоставлении Англии известных компенсаций в Тибете большую свободу для действий в тяготеющих к нашей сфере влияния областях Китая, в первую очередь в Монголии. Я был бы весьма благодарен Вашему Превосходительству за сообщение Ваших мыслей и по этому предмету.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

* Если Вы можете это сделать, не компрометируя того источника, [от] коего нам доставлено сказанное послание.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 180 и об., 181. Подлинник.

¹ Товарищ (заместитель) министра иностранных дел становился Управляющим на время отпуска, длительных командировок или болезни министра. Управляющим МИДом он назначался специальным распоряжением царя, которое публиковалось в газетах. В данном случае А.А.Нератов был назначен временно управляющим МИДом, поскольку А.П.Извольский уже был освобожден от поста министра иностранных дел. Эту обязанность он исполнял до сентября 1911 г., когда новым министром был назначен С.Д.Сазонов.

² Ф.Берти – английский посол в Париже.

№ 101

1911 г. ноября 10. – Письмо Николая II Далай-ламе с выражением сочувствия к трудному положению тибетского Первосвященника и советом ему проводить политику доброго согласия с английским правительством по тибетским делам

Ливадия

Ваше Святейшество,

Получив послание Вашего Святейшества, помеченное 22[-м] днем вставной луны, уведомляю Вас, что заключающиеся в нем выражения добрых чувств ко Мне глубоко меня тронули, и я не могу не высказать Вам за них Моей искренней признательности, равно как за присланный в дар хадак.

С Своей стороны заверяю Ваше Святейшество в неизменности Моего к Вам благожелательства. С искренним участием следил Я за теми испытаниями, которые в последнее время выпали на Вашу долю и о которых Вы сообщаете в Вашем послании, и твердо надеюсь, что они имеют временный характер и что судьба Ваша переменится к лучшему.

Прошу Вас верить, что я весьма озабочен теми затруднительными обстоятельствами, которые переживает Ваше Святейшество. Мое правительство с особым вниманием следит за развитием тибетского вопроса и вполне благожелательно относится к стремлению Тибета отстоять в пределах существующих договоров свои законные права. Одним из важных условий для сего Я признаю следование политике доброго согласия с великобританским правительством по тибетским делам и полагаю, что если Ваше Святейшество в Ваших действиях не будете упускать из виду этого соображения, то тем самым будете способствовать скорейшему благоприятному разрешению нынешнего затруднительного положения.

Желая Вашему Святейшеству доброго здравия и успеха в Ваших начинаниях, остаюсь доброжелательный к Вам

<подп.> НИКОЛАЙ

| АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 258 и об. Подлинник.

№ 102

1911 г. декабря 10. – Донесение вице-консула в Калькутте Л.Ревелиоти товарищу (заместителю) министра¹ иностранных дел А.А.Нератову с сообщением о беспорядках в Тибете, связанных с началом Синьхайской революции в Китае

В дополнение к секретной моей телеграмме, от 18 ноября с.г. за № 38, честь имею донести Вашему Превосходительству о том, что, по дошедшим сюда слухам, подтвержденным пока лишь прилагаемой у сего корреспонденцией калькуттской газеты «Statesman», в Тибете произошли серьезные беспорядки, вызванные возмущением китайского гарнизона в Лхассе.

Неаккуратная уплата жалованья, с одной стороны, и последние революционные события в Китае² – с другой, послужили причиною возникшего среди китайских войск в Лхассе открытого бунта, приведшего к свержению местного амбана и к ряду грабежей и бесчинств.

Из Лхассы восстание быстро распространилось в Чумби, Гиантзе и Ятунг. Население Лхассы, желая умиротворить бунтовщиков, предложило им выкуп в 110 000 таэлей, чем последние, однако, по-видимому, не удовлетворились и продолжали буйствовать, призывая тибетцев к походу в Китай и грабя правительственные учреждения.

В Чумби и Ятунге также был произведен ряд грабежей и насилий, после чего чиновники-китайцы и солдаты пытались скрыться за пределами Тибета в Индии, чтобы оттуда направиться в Китай. По словам органа англо-индийской печати, некоторые тибетские власти бе-

жали в Даржилинг и Сикким, а таможенный комиссар в Ятунге поспешил выехать в Калькутту, откуда и уплыл с первым пароходом в Гонконг.

Однако тибетцы собрались вскоре с силами и оказали энергичное сопротивление повстанцам. Главарь последних, некий Колао-Чжуй, был схвачен и казнен, мобилизованные тибетские войска взяли на себя восстановление порядка, и страна была объявлена на военном положении. Бунтовщикам не оставалось ничего более как смириться и пойти на уступки, причем обеим сторонам удалось выработать примирительный компромисс под условием обоюдного разоружения. При заключении перемирия, заканчивает свою корреспонденцию автор, англо-индийские и непальские власти выступили в качестве поручителей, чем нарушили, если это известие не является вымыслом, обязательство Англии не вмешиваться в тибетские дела. Я не премину при случае выяснить частным образом, насколько последнее сообщение достоверно, и буду иметь честь доложить об этом Вашему Превосходительству дополнительно.

Что касается отношения Далай-Ламы к происшедшей, по-видимому, в Тибете распри, то Его Святейшество, по имеющимся у меня сведениям, следил за ней, поскольку ему это позволяла его затворническая жизнь, с нескрываемым интересом и выражал намерение возвратиться в Лхассу при первой возможности. Насколько я могу судить на основании предположений, англичане вряд ли оказали бы препятствие осуществлению планов Его Святейшества при условии, конечно, благоприятной для него конъюнктуры.

С водворением спокойствия в Тибете слухи о желании Далай-Ламы покинуть Даржилинг замолкли, и дальнейшие намерения тибетского Первосвященника пока остаются неизвестными.

С глубочайшим и пр.

Ревелиоти

P.S. В момент отправления настоящего донесения с очередной вализой во вверенное моему управлению генеральное консульство явились двое просителей-бурят, направляющихся в Сибирь из Тибета. Я попытался расспросить их о происшедшем в Лхассе, но из едва понятных объяснений их на ломаном русском языке я мог вывести заключение лишь о том, что сообщение «Statesman» безусловно заслуживает доверия и что в Тибете действительно имели место серьезные беспорядки.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 286 и об., 287. Копия.

¹ Товарищ (заместитель) министра – далее заместитель министра.

² Революционные события в Китае – Синьхайская революция, начавшаяся Учанским восстанием 10 октября 1911 г.

1911 г. декабря 10. – Записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о его желании поехать в Тибет, положение которого, по его мнению, может серьезно измениться в связи с Синьхайской революцией

Настоящие события в Китае, несомненно, должны сильно отразиться на положении Тибета как автономной политической единицы вообще и в частности на его отношениях к России и Англии.

Англия, имея непосредственное соприкосновение с Тибетом, хотя бы потому, что в ее владениях теперь проживает Далай-Лама, безусловно, находится в более выгодном положении, чем Россия. Поэтому нет основания допускать, что она не использует всех выгод такого положения для упрочения в той или иной форме своего влияния в Тибете.

В какой мере подобный результат может быть признан отвечающим интересам России? Не мне, конечно, решать этот вопрос, но я все же не могу не заметить, что, заключая в 1907 году соглашение относительно Тибета с Англией, Россия отнюдь не имела в виду признать за ней право на преобладающее положение в Тибете, помимо тех узкоспециальных льгот, которые обуславливаются чисто географическим положением этой страны.

Но, с другой стороны, я считаю себя обязанным обратить внимание на то, что тибетский народ с Далай-Ламой во главе будет стараться дать отпор возможным агрессивным или иным домогательствам англичан в отношении Тибета. По твердому убеждению тибетцев, дальнейшая судьба их родины будет зависеть от заступничества России, всегда выказывавшей к тибетскому народу и его главе справедливое и беспристрастное отношение. Многолетние сношения России с Тибетом с полной убедительностью свидетельствуют о том, что последний все свои упования возлагает на содействие Белого Царя.

К сожалению, последнее соглашение 1907 г. создало условия, исключающие возможность свободных сношений с Тибетом. Поэтому тибетский народ не знает о действительных намерениях России и терпеливо ожидает ответа на свои просьбы о заступничестве.

Между тем ввиду назревающих крупных перемен во внутреннем строе Китайской империи Далай-Лама решил ныне, по полученным мною сведениям, вернуться к своему трону. В последних письмах он просит, чтобы я немедленно ехал в Тибет. Смее питать уверенность, что поездка моя была бы ныне вполне своевременна и небезрезультатна, и поэтому я решил ехать теперь же.

Если правительство разделяет мнение о желательности поддерживать чувства доверия и дружбы, которые питает тибетский народ к России, я просил бы указать мне, какого образа действий мне надлежало бы придерживаться в Тибете.

Для своей поездки я предполагаю избрать путь через Монголию, которым обыкновенно следуют на поклонение тибетским святыням буддийские пилигримы. Имея, однако, в виду, что этот путь, пролегающий по местам с разбойничьим населением, является при нынешних условиях особенно опасным, я позволяю себе ходатайствовать о предоставлении мне, по примеру других путешественников в Среднюю Азию, конвоя в количестве до 10 человек из казаков-буддистов, донских калмыков и бурят.

| *АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 277 и об. Копия.*

№ 104

1911 г. декабря 20. – Докладная записка Агвана Доржиева министру иностранных дел С.Д.Сазонову с предложением установить совместное покровительство России и Англии над Тибетом

Его Высокопревосходительству
господину Министру иностранных дел

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Я уже имел честь докладывать Вашему Высокопревосходительству о предстоящей моей поездке в Тибет по вызову Его Святейшества Далай-Ламы. Ввиду чего я испрашивал от Императорского правительства указаний, касательно внешней политики Тибета и также осведомлялся о взглядах Императорского правительства вообще на тибетский вопрос в целом.

Вашему Высокопревосходительству было угодно изложить точку зрения Императорского правительства в том и другом отношении.

Императорское правительство ввиду отдаленности Тибета не признает наличности там сколько-нибудь крупных политических и экономических интересов России. Существующие интересы чисто религиозного характера касаются лишь русских подданных буддистов. Интересы же Англии в Тибете по преимуществу политические и экономические. Исходя из этих положений, внешняя политика Тибета должна покоиться на началах дружелюбия и мира к Англии. Тибет может входить с Англией в различные соглашения политического и экономического характера.

Прежнее благожелательное отношение России к Тибету сохраняется. В религиозных делах Тибет найдет в России живейшую поддержку.

Соответствие точки зрения Императорского правительства реальным условиям современного политического быта Тибета ясно. И я, умудренный опытом долгого соприкосновения с тибетцами, знакомый

с их взглядами и политическими стремлениями, смею лишь довести до внимания Вашего Высокопревосходительства некоторые дополнительные данные и соображения.

В тибетском народе с патриархальным бытом весьма сильны формы традиционного мышления. Раз укоренившиеся идейные традиции и симпатии, а равно и антипатии и отчуждение, весьма трудно поддаются постороннему влиянию. Давнее, продолжительное доброжелательное отношение России к Тибету, не раз доказанное на деле и подтвержденное Высочайшими грамотами, вызвало у тибетцев без различия сословий веру в то, что охрана Тибета от алчных соседей придет со стороны России; эта вера глубоко вкоренилась во всем тибетском народе и окружена мистическим ореолом.

С другой стороны, бурская кампания¹, экспедиция полковника Ионгхезбенда (Янгхасбенда) и волнения в соседней Индии производили и производят сильное впечатление на умы образованных тибетцев и народных низов. Предубеждение к англичанам приняло историческую окраску, затвердело в сознании масс.

Моя задача в Тибете, по-видимому, сведется к совместному с Его Святейшеством Далай-Ламой аннулированию прямо противоположных стремлений и чувств тибетцев, в убеждении в необходимости относиться к англичанам лояльно, разрушать то, что было создано в предыдущем. Это весьма трудная задача. Весь колоссальный авторитет Его Святейшества не может совершенно нейтрализовать народные массы. Возможны отдельные конфликты, инциденты. Щепетильность англичан к их национальным достоинствам известна.

А между тем взоры Тибета всегда и всегда будут обращаться к северу. Но из предыдущего видно, что роль России в жизни Тибета будет второстепенная, пассивная.

Это может повести среди тибетцев к тому опасному предположению, что Россия будто бы предоставила Тибет на полный произвол Англии за те или иные уступки. Отсюда до постоянной резкой оппозиции к Англии или чего-либо более худшего один только шаг. Этим может воспользоваться возрожденный Китай, что, конечно, как и всякие осложнения в Тибете, вовсе не входит в расчеты прочих заинтересованных сторон.

По моему глубокому убеждению, указанные и весьма вероятные осложнения с успехом можно было бы парализовать установлением совместного покровительства Россией и Англией над Тибетом, основанного на том или ином договорном акте, с тем чтобы всякие более или менее крупные недоразумения разрешались совместно представителями заинтересованных сторон. Такая мера может вполне успокоить общественное мнение Тибета и дать желательные результаты.

Присутствие в Лхасе представителей России и Англии вселило бы в тибетцев убеждение, что им нечего бояться никаких насильственных

мер и что под покровительством двух великих держав тибетцы могут наконец предаться мирному устройству своих внутренних дел и использованию естественных богатств страны.

Хамбо Агван Доржиев
20 декабря 1911 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 290 и об., 291. Подлинник.

¹ Бурская кампания – Англо-бурская война 1899-1902 гг., война Великобритании против бурских республик Южной Африки – Оранжевого Свободного государства и Трансвааля.

№ 105

1912 г. февраля 14. – Донесение вице-консула в Калькутте Л.Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о посещениях в Дарджилинге Далай-ламы и вручении ему письма Николая II от 10 ноября 1911 г.

Милостивый Государь Анатолий Анатольевич,

Получив секретное предписание Императорского Министерства, от 23 января с.г., за № 142, отправиться в Даржилинг и лично вручить Далай-Ламе Высочайшее письмо, я немедленно уведомил секретаря индийского правительства по иностранным делам сэра Генри МакМагона о моем намерении посетить Далай-Ламу и сообщить ему содержание присланного мне при письме Государя Императора на имя Его Святейшества aide memoire'a (памятной записки).

Сэр Генри пообещал мне тотчас же осведомить о моем приезде в Даржилинг политического агента Сиккима г-на Белля и, по-видимому, никакого возражения против свидания моего с Далай-Ламой не имел.

Однако за полчаса до моего отъезда в Даржилинг я получил спешное письмо от Товарища секретаря по иностранным делам Г.Вуда, просившего меня отложить мою поездку на несколько дней ввиду неизвестности, где находится Далай-Лама, а также вследствие отсутствия г-на Белля, уехавшего в Гангток, отстоящий от Даржилинга на расстоянии трехдневного переезда на мулах.

Прекрасно зная, что Далай-Лама не покидал своей резиденции, я ответил Г.Вуду, что предпочитаю ожидать возвращения г. Белля в Даржилинге, воспользоваться таким образом этим прохладным горным местом для отдыха от зноя Калькутты.

Мои сведения о месте нахождения Далай-Ламы оказались верными. Прибыв в Даржилинг, я узнал, что Далай-Лама оттуда еще не

уехал, но что через три дня Его Святейшество намерено предпринять путешествие в Калимпонг¹, на границу Сиккима, о чем я уже имел честь донести Вашему Превосходительству секретной телеграммой, от минувшего 30 января, за № 8.

Таким образом, если бы я исполнил просьбу г. Вуда и отложил свой отъезд на несколько дней, мне навряд ли удалось бы выполнить данную мне инструкцию и передать Далай-Ламе собственноручно письмо Государя Императора, на что, по-видимому, местное правительство и рассчитывало.

Не считаю себя вправе не упомянуть также и о том, что за мною был учрежден самый бдительный надзор. Когда, желая проверить свое предположение об этом, я предпринял прогулку в 12 часов дня в сопровождении проводника гостиницы по направлению к дому Далай-Ламы, за мной неотступно следовал полицейский, а по пути я, как бы случайно, встретил ехавшего от Далай-Ламы помощника даржилингского комиссара. За полверсты до ворот резиденции Его Святейшества я был остановлен полицейским инспектором-буддистом, любезно представившимся мне и сообщившим, что политический агент Сиккима г. Белль, спешно выехавший из Гангтока, телеграфировал ему о своем прибытии в Даржилинг на следующее утро в 10 часов.

В тот же день я получил от заместителя политического агента Г.Леденла уведомление о том, что свидание мое с Далай-Ламой назначено на субботу утром, то есть на следующий день, и что встреча моя с г-ном Беллем, который будет присутствовать при означенном свидании, произойдет у ворот резиденции Его Святейшества.

Не считая для себя удобным ожидать едущего на мулах и потому легко могущего запоздать к назначенному часу политического агента «на перепутье» у изгороди жилища Далай-Ламы, я отклонил в самой вежливой форме предложение г. Леденла и просил известить меня о времени прибытия г-на Белля к условленному месту, чтобы, в свою очередь, немедленно выехать туда же.

Как и всегда в подобных случаях в Индии, предложение «встречи у ворот» не замедлило оказаться недоразумением. В субботу рано утром г. Белль в сопровождении эскорта прибыл в гостиницу, где я остановился, и, извинившись в самых любезных выражениях, что не мог приехать в Даржилинг раньше, находясь в объезде своего округа, поставил себя в полное мое распоряжение. После такого приветливого вступления вопрос о встрече «у ворот», разумеется, отпал сам собою, и дальнейший наш разговор благодаря предупредительности моего собеседника совершенно рассеял мое первоначальное неприятное впечатление.

Мы тотчас же поехали верхами к Далай-Ламе. Встреченные министрами Его Святейшества, г. Белль и я, после обычных приветствий и обмена хадаков, были введены в покой Далай-Ламы. Я был поражен

крайней убогостью отведенного индийским правительством тибетскому Первосвященнику помещения. Небольшой домик, скромная и даже бедная обстановка, полное отсутствие той роскоши, которая является необходимым условием внутреннего убранства восточных жилищ, указывали на незавидное существование привыкшего к величю Поталаского дворца Духовного Владыки тибетского народа.

Я полагал, что такая невзрачная картина окружающей Далай-Ламу обстановки объяснялась близким Его отъездом, но, по наведенным мною справкам, оказалось, что такое же убожество окружало тибетского Первосвященника с первого дня его жизни в Даржилинге.

Далай-Лама принял меня в высшей степени любезно и не мог скрыть овладевшего им волнения при известии о цели моего посещения. После обычного требуемого этикетом обмена нескончаемых приветствий и вопросов я сообщил Его Святейшеству о том, что Государю Императору благоугодно было прислать ему собственноручное письмо и хадак.

Далай-Лама и все присутствовавшие тотчас же встали, и я вручил Его Святейшеству Высочайшее письмо. Так как тибетский Первосвященник не владеет никакими другими языками, кроме тибетского и китайского, разговор наш происходил при посредстве британского политического агента Сиккима, говорящего по-тибетски.

Далай-Лама обратился ко мне с просьбой перевести текст Высочайшего письма на английский язык, что я и исполнил. В самом начале чтения письма оказалось, что к нему приложен тибетский перевод. Несмотря на это обстоятельство, Далай-Лама пожелал, чтобы я продолжал переводить послание Государя Императора на английский язык, а г. Белль – на тибетский. Сам же он с напряженным вниманием следил за тибетским текстом. В конце чтения письма мой перевод разошелся с редакцией на тибетском языке, согласно которой между Россией и Англией ведутся будто бы в настоящее время переговоры по тибетским делам.

Я поспешил вторично и самым тщательным образом перевести дословно текст Высочайшего письма и объяснил причину неточности тибетского перевода Его Святейшеству и г. Беллю тем, что знающих тибетский язык в С.Петербурге почти нет и что, очевидно перевод этот, проверить который в Императорском Министерстве иностранных дел не представлялось возможным, был составлен кем-нибудь из священников буддийского храма, недостаточно знакомых с русским языком. Не знаю, убедил ли я Далай-Ламу в случайности этого недоразумения, но политический агент, по-видимому, поверил моему объяснению, и, таким образом, инцидент был исчерпан.

По окончании чтения письма Далай-Лама обратился с длинной речью к г. Беллю, который перевел ее так: «Его Святейшество выражает почтительнейшие чувства благодарности и глубокой преданно-

сти своей и всего тибетского народа Государю Императору, каковые чувства он просит вас повергнуть к стопам Его Императорского Величества, бесконечно тронутый Высочайшим вниманием. Среди превратностей судьбы мысль о том, что русский царь сочувственно относится к его печальной доле, ему крайне отрадна, и он неизменно будет руководствоваться во всех своих действиях Высочайшей волей».

На мой вопрос о том, какие планы у Его Святейшества на ближайшее будущее, Далай-Лама ответил мне, что он решил покинуть Даржилинг и переселиться в Калимпонг, так как сырой даржилингский климат вредно отзывается как на его здоровье, так и на здоровье его министров. Двое из них не вынесли продолжительного пребывания в этой сырой части Гималаев и умерли. Климат Калимпонга значительно суше и отчасти напоминает климат Лхассы. «К тому же, – добавил Далай-Лама, – Калимпонг, находясь у входа в долину Чумби на пути в Тибет, приблизит меня к Лхассе».

Спросив у г. Белля, не имеет ли он каких-либо возражений против моих расспросов, и получив от него ответ, что, напротив, он рад услышать о планах Далай-Ламы, вообще редко о них говорящего, я обратился к тибетскому Первосвященнику с вопросом о том, как скоро может состояться возвращение Его Святейшества в Лхассу.

«Если бы это зависело от меня, – сказал Далай-Лама, – то, конечно, я не замедлил бы тотчас же выехать в мой город. Но к чему говорить об этом, если у моего народа пока нет возможности обеспечить мне неприкосновенность в Лхассе. Хотя в Тибете в настоящее время едва ли наберется и тысяча китайских солдат и владычество Китая над моей страной является лишь номинальным, тем не менее без посторонней помощи мне трудно будет возвратиться в Лхассу. Будь у моего народа оружие, ему не стоило бы больших усилий отстоять свою независимость при поддержке России и Англии».

Видя, что беседа моя с Далай-Ламой вступает в область вопросов политического характера, обсуждать которые я не был уполномочен Вашим Превосходительством, я попросил г. Белля передать Его Святейшеству, что посещение мое отнюдь не носит на себе характера политической миссии и состоит лишь в передаче ему Высочайшего письма и что поэтому мне было бы трудно сказать что-либо определенное относительно нашей совместной с Англией политики в Тибете. Г[н] Белль, по-видимому, был очень рад тому, что я подчеркнул отсутствие всякого политического характера данного мне поручения, так как хроническая боязнь индийского правительства, как бы иностранный консульский представитель не выступил в роли политического агента своего правительства, и была, смею думать, главной причиной первоначального нежелания местных властей устроить мое свидание с Далай-Ламой. В заключение нашей беседы Его Святейшество сказал мне, что он выразит Его Императорскому Величеству свою глубокую

благодарность за участие к его судьбе в собственноручном письме и будет ходатайствовать перед русским правительством об оказании им, совместно с великобританским, давления на пекинское правительство, дабы последнее отказалось от своих притязаний на Тибет и разрешило Его Святейшеству возвратиться в Лхассу.

Откланявшись Далай-Ламе, я вступил, согласно обычаю и по предложению г-на Белля, выказывавшего мне все большее доверие, в беседу с министрами Его Святейшества князьями Шарак и Шаган, с большим интересом осведомившимися о России. Не владея тибетским языком и не будучи поэтому в состоянии изменить тему разговора, если бы он принял нежелательное для меня направление, я поневоле выслушал длинное повествование моих собеседников о китайских несправедливостях и жестокостях в Тибете. По-видимому, г. Белль получил инструкцию дать министрам возможность высказаться, но я, во избежание противоречия между вышеприведенным моим заявлением Далай-Ламе об отсутствии у меня всякой политической миссии и моей дальнейшей тактикой, предоставил г-ну Беллю вести разговор и ограничился лишь обычными фразами, требуемыми вежливостью. При прощании в ответ на расспросы министров о ходе англо-русских переговоров о Тибете я опять сказал, что мне об этом ничего не известно и что все переговоры ведутся обыкновенно непосредственно между Императорским и Королевским правительствами в С. Петербурге и Лондоне.

Резюмируя вышесказанное, я не могу не прийти к выводу, что свидание мое с Далай-Ламой произвело как на Его Святейшество, так и на индийское правительство самое благоприятное впечатление. Если англо-индийские власти сначала отнеслись к моей поездке в Даржилинг с некоторым недоверием и даже были не прочь помешать ей под благовидным предлогом, то совершенно открытая прямая тактика, предписанная мне Императорским министерством, и то обстоятельство, что я подчеркнул отсутствие политического характера возложенного на меня поручения, окончательно рассеяли сомнения местного правительства относительно неуклонного соблюдения нами англо-русского соглашения касательно Тибета. Присутствие при моем свидании с Далай-Ламой британского политического агента в Сиккиме не только в качестве переводчика, но и равноправного участника в беседе моей с тибетским Первосвященником как нельзя более соответствовало идее политической задачи нашего Генерального консульства в Индии.

Как это ни странно, г. Белль, подобно многим англо-индийским чиновникам, не представлял себе, что в состав населения Российской империи входит несколько миллионов ламаистов и что поэтому религиозная связь окраинных племен России с Далай-Ламой является вполне естественной и понятной. Обедая у него накануне моего отъез-

да из Даржилинга, я подробно объяснил ему сущность наших отношений с тибетским Первосвященником и, смею думать, г. Белль, как и не более его осведомленный об этом вопросе Иностраннный департамент Индии, отныне будут с меньшим недоверием относиться к нашим сношениям с Далай-Ламой.

Если посещение мое Даржилинга послужило, как я уже имел честь упомянуть, к упрочению наших добрых отношений с местным правительством, то впечатление, произведенное на Далай-Ламу фактом передачи Его Святейшеству письма Государя Императора через русского консульского представителя в Индии, а не через английского политического агента, было самое выгодное для нас.

За последнее время связь наша с Далай-Ламой, по-видимому, начинала ослабевать. Хотя никогда не симпатизировавший англичанам тибетский Первосвященник принужден был поневоле считаться с ними, будучи, с одной стороны, их субсидируемым гостем, чтобы не сказать пленником, с другой же – под влиянием обещаний оказать Ему поддержку, обещаний однако весьма неопределенных.

Письмо Государя Императора, явившееся для Его Святейшества лучом надежды, несомненно, ободрило его и придало ему мужества для дальнейшей борьбы с превратностями судьбы. Искренность нашей политики в Тибете хорошо известна тибетскому народу, тогда как намерение англичан рано или поздно присоединить Тибет к системе государств-буферов не составляет для него тайны. Сравнительно недавняя экспедиция полковника Юнгэбенгда в Лхассу, вызвавшая бегство Далай-Ламы оттуда, в достаточной степени открыла глаза тибетскому народу на тактику англичан по отношению к Тибету.

Если Его Святейшеству удастся в ближайшем будущем водвориться в Лхассе, опираясь на единодушную поддержку тибетцев, которым не так уж трудно будет скупить у деморализованных китайских войск оружие и изгнать китайцев из своей страны, то вопрос о дальнейшем международном положении Тибета может быть разрешен только лишь путем воздействия на китайское правительство.

Для нас, смею думать, было бы крайне полезным в предвидении будущего поддерживать надежду далеко не чуждого нам народа на попечение о нем. Престиж наш в Тибете велик, тогда как близость Индии и возможность наглядно убедиться, какими ничтожными средствами располагает Англия для поддержания своего владычества в трехсотмиллионной империи, населенной робкими и беззащитными индийцами, конечно, не могут способствовать представлению об ее величии среди тибетцев.

Сознание того, что русский царь не забывает о судьбе тибетского народа, для народа этого является гораздо большей нравственной поддержкой, чем тысяча рупий в месяц, даваемая индийским правительством низверженному Духовному Владыке Тибета.

В заключение позволю себе упомянуть, что во время моего пребывания в Даржилинге около гостиницы, где я остановился, толпились проживающие в этом городе тибетцы, желавшие увидеть русского консула и поднести ему традиционный хадак.

Не находя причины отказывать им в этой просьбе, я принимал всех их без исключения и в свою очередь вручал им ответные хадаки, что, по тибетским понятиям, считается большой честью.

Далай-Лама выехал в Калимпонг 29/11 января/февраля на рассвете, провожаемый ламами, эскортом и толпой народа, оказывавшего ему царские почести. Англо-индийская печать, ежедневно помещающая на своих столбцах самые мелкие подробности, относящиеся к жизни Далай-Ламы, обошла полным молчанием мое свидание с ним.

О пребывании Его Святейшества в Калимпонге и о дальнейших событиях в Тибете я буду иметь честь донести Вашему Превосходительству дополнительно.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Л.Ревелиоти

Сбоку у начала текста стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 299–306 и об. Подлинник.

¹ Калимпонг – индийский город на границе с Сиккимом.

№ 106

1912 г. апреля 8. – Декрет временного президента Китайской Республики Юань Шикая¹ о том, что Тибет, Монголия и Восточный Туркестан являются территориями Китая и будут управляться так же, как и провинции Внутреннего Китая

В настоящее время, когда пять народностей составляют единую республику, Монголия, Тибет и Туркестан должны составлять на общих основаниях территорию Китайской Республики, а населяющие их народности: монголы, тибетцы и мусульмане – считаться гражданами Китайской Республики, вследствие чего не должны более быть применимы к ним такие наименования, употреблявшиеся при монархическом строе, как колониальные, вассальные и т[ому] под[обные] владения. Отныне впредь в отношении управления Монголией, Тибетом и Туркестаном должен быть выработан такой порядок, который содействовал бы объединению как внутреннего управления государством, так

и всех населяющих его народностей. Республиканское правительство, не создавая особого министерства для заведования делами, касающимися управления колониями, имело этим в виду рассматривать Монголию, Тибет и Туркестан наравне с провинциями Собственно Китая, а потому в будущем управление всеми названными местностями имеет входить в область внутреннего управления. Ныне коалиционное правительство² уже организовано, поэтому дела Министерства колоний имеют теперь отойти в ведение Министерства внутренних дел; что же касается вопросов, входящих в компетенцию других министерств, то таковые по-прежнему должны находиться в ведении подлежащего ведомства. Пока же общего положения касательно внутреннего управления еще не выработано, дела, касающиеся Монголии, Тибета и Туркестана, должны быть разрешаемы на основании прежних законоположений³.

Перевод верен. Н. Колесов (драгоман Российской миссии в Пекине).

АВПРИ, ф. Миссия в Китае, оп. 491, д. 341, л. 280–281. Перевод с китайского, современнй подлиннику.

¹ Юань Шикай (1859–1916) – китайский военный и политический деятель, создатель бэйянской (северной) армии. В 1899–1901 гг. – губернатор пров. Шаньдун, в 1901–1908 гг. – наместник столичной провинции Чжили (Хэбэй). В 1909 г. уволен в отставку. После начала Синьхайской революции назначен цинским двором премьер-министром (2 ноября 1911 г.). Опираясь на бэйянскую армию и поддержку западных держав, после отречения Цинской династии от власти (12 февраля 1912 г.) добился отказа Сунь Ятсена от поста временного президента в свою пользу. В 1913 г. установил в Китае военную диктатуру. В декабре 1915 г. объявил о своем решении стать императором, чем вызвал в стране антимонархическое движение. В разгар этого движения Юань Шикай внезапно умер (есть сведения, что он принял яд).

² Коалиционное правительство – правительство Китайской Республики, сформированное в марте–апреле 1912 г. из представителей Юань Шикая и ряда сторонников Сунь Ятсена.

³ Прежние законоположения – законы периода правления Цинской династии (1644–1912 гг.), согласно которым Монголия, Тибет и Восточный Туркестан являлись вассальными владениями Китая.

№ 107

1912 г. июня 1. – Донесение вице-консула в Калькутте Л.Х.Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о провозглашении независимости Тибета и решении Далай-ламы вернуться из Британской Индии в Лхасу

Милостивый государь, Анатолий Анатольевич,
Доходящие сюда из Тибета известия продолжают быть противоречивыми и скудными, и трудно составить себе ясное понятие о том, как

долго может еще продлиться борьба между тибетцами и китайскими войсками в Лхассе и ее окрестностях. Последние сообщения местных корреспондентов дают, однако, основание полагать, что в непродолжительном времени наступит новый фазис в борьбе тибетцев за уже провозглашенную ими независимость. В Калимпонге делаются приготовления к выступлению Далай-Ламы, предположенному на 24 и 25 июня. По всей вероятности, путь из Калимпонга в Лхассу будет совершаться весьма медленно, с остановками в Гьянтце, Донгтце и Галазу (Halavoosoo) – месте рождения Далай-Ламы; продолжительность пребывания на различных этапах этого пути будет зависеть от хода событий в Лхассе. Надо думать, что, когда известие о решении Первосвященника положить конец добровольному своему изгнанию дойдет до Лхассы и до тех пунктов, где теперь вооруженная борьба между тибетцами и китайцами как будто затихла, она возгорится с новой силой. Если верить источникам тибетским, представляется маловероятным, чтобы китайцам удалось одержать верх в борьбе, совпадающей с кризисом в самом Китае.

Настоящее «пробуждение» Тибета создало, однако, для Далай-Ламы необходимость незамедлительных и решительных действий. Он вынужден даже, рискуя своей жизнью, принять руководство движением как духовный глава и признанный вождь. Быть может, только успех еще рискованного предприятия, на которое он теперь, по-видимому, решается, поднимет в глазах тибетцев его авторитет, несколько поколебленный бегством сначала в Китай, а потом в Индию, и объединить вокруг него не только полусознательных фанатиков, но и людей, могущих составить оплот и опору восстановленному его престижу.

Если Далай-Лама действительно двинется из Калимпонга 24-го то и тогда невозможно будет сколько-нибудь определенно предсказать время его прибытия в Лхассу. Помимо переменчивых шансов в вооруженной борьбе в теперешнее время года самое путешествие связано с большими трудностями вследствие дождей, переходящих на тамошних высотах в снежные метели; переправа через Брампутру, которую Далай-Ламе придется совершить, представляет настоящую опасность.

Хотя я не имею на то прямых указаний, но мне представляется очевидным, что агенты здешнего правительства будут зорко следить за тем, что предпримет Далай-Лама, и не слишком поощрять его движение из Гьянтце в те запретные монастыри Лхассы, где им значительно труднее будет осуществлять надзор за ним.

Одна из здешних газет, комментируя известие о выступлении Далай-Ламы из Калимпонга, указывает на то, что Лхасская Конвенция 1904 года в настоящее время потеряла всякое значение, как подписан-

ная не Далай-Ламой, а китайским чиновником; единственный тибетец, ее подписавший, тогдашний председатель Совета поплатился жизнью за свою подпись¹. Тибет ныне провозгласил свою независимость; Китай, очевидно, не в силах ее побороть. Цель Конвенции была – положить конец русскому влиянию в Тибете и открыть его для торговли. В Конвенции выговорено право пребывания двух британских агентов – в Гартоке и в Гьянтце. «Мы признаем необходимость, – продолжает газета, – чтобы Далай-Лама от имени тибетского народа теперь подписал новую Конвенцию в том же смысле. Со стороны индийского правительства было бы большой ошибкой допустить повторение тех обстоятельств, которыми вызвана была последняя экспедиция в Тибет. Интриган (the mischief maker) Доржиев все еще орудует. По последним слухам, он продолжает в Петербурге выдавать себя за агента Далай-Ламы, и русские дипломаты достаточно умны для того, чтобы воспользоваться ошибками тибетцев и вынудить у Великобритании уступки в другой области, даже если они не имеют прямых видов на Тибет».

Приведенная мною длинная цитата взята из газеты, отнюдь не выражающей, как видно из ее содержания и тона, точки зрения здешнего правительства. Газета вполне, по-видимому, игнорирует наше соглашение 1907 года. Я указываю, однако, на ее оценку настоящего положения вещей потому, что с этою оценкой правительству придется, быть может, серьезно считаться.

Мне представляется маловероятным, чтобы англичане предоставили событиям идти своей чередой и не использовали в своих интересах в Пекине явной слабости Китая в Тибете и восстановления светского и духовного авторитета Далай-Ламы в Лхассе, если такое случится. В настоящее время грозит быть поднятым в очень резкой форме спор между Индией и Китаем по поводу неисполнения последним обязательств, вытекающих из соглашения 8 мая 1911 года о торговле опиумом. Вашему превосходительству известно, что действия китайцев на северо-восточной границе Индии служат поводом к постоянному раздражению против Китая. Ввиду этого мне думается, что англичане имеют все основания, если возникнет вопрос о признании независимости Тибета, принять сторону последнего. Признание же Великобританией независимости Тибета от Китая, в свою очередь, должно изменить взаимные отношения между Россией и Англией в этом вопросе, поскольку эти отношения определяются соглашением 1907 года, не предусматривавшим того оборота, который приняли события в Тибете за последние несколько месяцев в связи с успехом китайской революции, тоже вряд ли кем-нибудь предугаданным.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Л.Ревелиоти

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 332–334. Подлинник.

¹ Речь идет о Ти Римпоче, подписавшем Лхасскую конвенцию 1904 г.

№ 108

1912 г. июня 4. – Донесение вице-консула в Калькутте Л.Х.Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову об успешной борьбе тибетцев с китайскими войсками

Милостивый государь, Анатолий Анатольевич,

В дополнение к моему донесению от 1/14 июня с.г. за № 20 имею честь представить Вашему Превосходительству не лишенный интереса рассказ о событиях в Тибете, появившийся в здешней печати со слов постороннего наблюдателя (impartial observer), надо полагать англичанина, прошедшего в Лхассе и ее окрестностях несколько месяцев с осени 1911 года до середины минувшего мая по новому стилю и которого нет основания заподозрить в умышленном искажении фактов.

Гражданское управление в Лхассе находилось в руках Амбаня Лень (Лянь Юй'я) и его помощника Вень (Ван-Цзуняо), относившегося к тибетцам благосклонно и весьма среди них популярного. В октябре 1911 года Лень, манчжур старого закала, отослал Вена в Китай и остался один. В первое время все шло благополучно. Но когда в ноябре до Лхассы дошло известие о революции в Китае, гарнизон в Лхассе, числом около 800, взбунтовался. Поводом к бунту послужила задержка в уплате жалованья, но несомненно способствовал тот факт, что амбань-манчжур Лень был свергнут и в декабре амбанем был избран только что вернувшийся из неудачной экспедиции против кочевников [Побо] генерал Тунг-Танглинг¹, приобретший популярность своим сочувствием революционному движению.

Уже тогда ясна была слабость китайской власти. Из 800 солдат 60 человек не приняли участия в бунте и составили охрану Леня. Тунг-Танглинг оставил при себе сто человек стражи; остальные же солдаты находились в новых казармах, в двух верстах от города. Казармы эти рассчитаны были на полторы тысячи человек, а между тем в них осталось очень немного войск, ибо небольшие отряды вскоре размещены были по разным постам. Из тибетских сановников регент управлял делами под контролем амбаня; в качестве главы монастыря

Тсомолинг он имел большое влияние на монахов и в Лхассе; президент Совета был верен китайцам, один же из членов Совета относился к ним враждебно; тибетский главнокомандующий не имел организованной армии. Среди тысяч монахов больших монастырских общин царил первоначально раскол; так, один из крупнейших монастырей – Дупунг, а с ним и небольшой – Тенгалинг были на стороне Китая.

В декабре среди китайских войск начались беспорядки. Солдаты рассчитывали, что избранный ими амбань² немедленно заплатит им жалованье; двести человек подошли к его дому с требованием уплаты. Получив отказ, вероятно потому, что денег не было, они ограбили арсенал, находившийся в доме одного из тибетских министров, забрав оружие, деньги и провиант. Насилий в городе совершенно не было, ибо солдаты в то время вполне ладили с населением. Успех этого первого мятежа, понятно, вызвал дальнейшее неповиновение. Отправившись к регенту, войска потребовали от него уплаты, и он выдал им 28 000 рупий, собранных с непальских купцов в Лхассе. Несколько дней спустя они, однако, стали грозить всеобщим погромом и даже разорением священного монастыря Потала в случае неуплаты 250 000 рупий. Мотивировали они это требование тем, что республиканское правительство отзывает их в Пекин и что им нужны средства для передвижения в Сечуан (Сычуань). Совершено было несколько грабежей, и вскоре среди местных воинствующих тибетских монахов началось брожение; народу стали раздавать оружие. Китайский гарнизон был усилен 900 человек, возвратившимися из похода в Помед. Вновь прибывшие войска, узнав о том, что их товарищам удалось урвать плату, потребовали свою долю. Будучи совершенно недисциплинированными, они сразу стали грабить дома и лавки; тибетцы оказали им сопротивление, и в городе начались уличные схватки. Тибетские монахи вооружились, окружили китайские войска, отрезав их от провианта. Тогда они, оставив лишь небольшой отряд в казармах, укрепились в отдельных домах. Один из их отрядов атаковал монастырь Сера, но неудачно – монахи преградили им путь к отступлению, и весь отряд был перерезан. К 1 апреля в Лхассе оставалось примерно 1500 человек китайских солдат, вооруженных современными ружьями, при одной батарее в шесть орудий, из коих пять были приведены в негодность бунтовщиками еще в январе. Патронов сначала было вдоволь, но китайцы тратили их попусту, и вскоре стал ощущаться недостаток. В мае китайский гарнизон сократился до 800 человек, которые держатся в восточной и юго-восточной части Лхассы. Тибетцы между тем имеют около 1000 дальнобойных ружей, и в их среде обнаруживаются бодрость и предприимчивость, внушающие уверенность в успехе. В Лхассе имеются две фабрики патронов, и число вооруженных монахов все возрастает. В приближение китайских подкреплений никто не верит. Лхасса сильно пострадала, поплатились также непальские и ладакские

купцы. Китайская власть вполне дискредитирована и фактически перестала существовать.

Вышеприведенный картинный рассказ «беспристрастного очевидца» заканчивается замечанием, что вскоре должна наступить развязка и что Далай-Лама, по всей вероятности, будет вновь призван в Лхассу. Будущность Тибета станет тогда в зависимость от успеха переговоров между Далай-Ламой и китайским правительством. Возможно, что первому, благодаря царящей в Китае смуте, удастся добиться уступок, которые обеспечат стране временное удовлетворение. «Но рано еще решать, что Китай согласится признать независимость Тибета».

Все здешние газеты печатают на первой странице известие о том, что китайская почта в Тибете совершенно дезорганизована и что Далай-Лама собирается вводить тибетские марки. Это, конечно, мелочь, но она, в связи с общим тоном комментариев по поводу последних событий в Тибете, указывает, мне кажется, на тенденцию, имеющую целью подготовить общественное мнение к активному выступлению в пользу тибетцев в Пекине. Если эта тенденция мною правильно понята, то можно думать, что аргумент, которым воспользуются англичане, будет заключаться в следующем. «Ясно, что Китай не в силах „водворить порядок“. Задача эта, стало быть, должна быть предоставлена самим тибетцам. «Ну, а затем... доля благотворного участия индийского правительства в осуществлении этого порядка будет зависеть от сговорчивости Пекина и его способности оказать противодействие „силе вещей“».

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Л.Ревелиоти

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 338–340. Подлинник.

¹ Тунг Танглинг – видимо, это генерал Чжун Ин.

² Восставший китайский гарнизон Лхасы избрал не амбаня, а дуду (командующий войсками, военный губернатор). Им стал генерал Чжун Ин.

№ 109

1912 г. август. – Запрос группы депутатов временного парламента Китайской Республики пекинскому правительству о том, какие меры им принимаются для сохранения суверенитета Китая над Тибетом и Внешней Монголией

«Бэй-цзин жи-бао», 30 августа 1912 года.

По слухам, группу депутатов во главе с Цзинь Дин-сюнем внесен на рассмотрение Палаты представителей следующий запрос правительству: «С тех пор как начались беспорядки в Монголии и Тибете, государству стала грозить серьезная внешняя опасность со стороны

нескольких иностранных держав, и положение его вследствие этого сделалось критическим. Правительство, на котором лежит перед народом ответственность за безопасность государства, должно было бы, по нашему мнению, своевременно выработать и приводить теперь в исполнение определенный план действий в столь важных вопросах, как монгольский и тибетский, – вопросах, от того или иного решения коих зависит спасение или же гибель Китая, – дабы водворить порядок внутри страны, освободить ее от внешних осложнений и вывести государство на путь процветания и благоденствия. Между тем внутри страны все еще продолжают беспорядки, так как провозглашенная уже несколько месяцев тому назад в Монголии¹ и Тибете независимость все еще не уничтожена, распоряжения центрального правительства не доходят в эти страны, благодаря чему мятеж с каждым днем распространяется и захватывает все новые и новые обширные области. Нужно иметь в виду, что если в каком-либо одном отношении допустить нарушение временной конституции, то весь государственный строй должен рухнуть и что если государство потеряет свои окраинные владения, то его коренные земли очутятся в критическом положении. Хотя нам и известно, что из Манчжурии и Сы-чуани, а также ближайших к ним областей посылаются военные экспедиции для усмирения восставшего населения окраин, однако мы до сих пор не знаем, какого образа действий в конце концов решило держаться центральное правительство по отношению к мятежным окраинам и какие реальные меры приняты им для водворения там законного порядка, так как никаких приготовлений в этом направлении со стороны правительства мы не видели, а с другой стороны, не слышали от него изложения программы действий в монгольском и тибетском вопросах. Ввиду сего мы в данном случае и требуем от правительства соответствующих разъяснений. С другой стороны, мы находим нужным указать на то обстоятельство, что Англия и Россия тайно снабжают оружием население наших мятежных областей, в нарушение существующих договоров увеличивают число своих войск на территории Китая и, не считаясь с постановлениями международного права и принципом поддержания дружественных отношений, предъявляют Китаю ряд такого рода требований, которые ясно обнаруживают их стремление поступить с Китаем так, как поступила Япония с Кореей². Кроме того, с целью захвата Манчжурии и Монголии между Россией и Японией заключено особое соглашение, уничтожившее принцип охраны целостности китайской территории всеми иностранными державами³. При таких условиях нам трудно будет отстоять Манчжурию, а если последняя будет захвачена иностранцами, то нелегко будет предотвратить и гибель всего Китая.

Что касается волнений в Монголии и Тибете, то они должны быть отнесены к области внутренней государственной политики Китая. Если в эту область мы будем допускать вмешательство со стороны иностранных держав, то мы не будем в состоянии сохранить наших суве-

ренных прав. Затем, Монголия и Тибет составляют часть территории Китая, поэтому если мы будем допускать требования иностранцев об уступке им этой части нашей территории, то мы не будем в состоянии сохранить за собою государственную территорию вообще. Имеет ли правительство какой-либо определенный план противодействия подобным стремлениям иностранных держав, нам неизвестно, но, судя по тому, что правительство ничего не предпринимает в целях противодействия незаконным домогательствам иностранцев, следует думать, что оно не имеет никакого определенного плана. Во всяком случае, об этом должно быть известно народу, так как долее нельзя терпеть пассивного и безучастного отношения правительства к требованиям иностранцев, приведшего к возникновению в народе сильной тревоги и к повсеместным беспорядкам. Вот вторая причина, заставляющая нас обратиться к правительству с настоящим запросом.

К вышеизложенному мы считаем долгом присовокупить, что так как настоящий запрос касается мер военного характера и вопросов внешней политики, то разъяснения по нему в письменной форме не могут быть исчерпывающими, то мы просим Министра иностранных дел и военного Министра⁴ явиться в назначенный ими срок на секретное заседание Палаты для представления надлежащих личных объяснений и совместного с депутатами обсуждения создавшегося положения вещей».

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 341, л. 103–106. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ 1 декабря 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Монголии от Китая. До 1915 г. Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) являлась фактически независимым государством.

² В 1910 г. Япония захватила Корею и превратила ее в свою колонию.

³ Китайские парламентарии могли лишь догадываться, что Петербург и Токио поделили Маньчжурию и Монголию на свои сферы влияния, ибо договоры 1907 и 1910 гг. об этом между Россией и Японией носили секретный характер. Они впервые были опубликованы в СССР после 1917 г.

⁴ Министром иностранных дел Китайской Республики в то время был Лу Чжэнсян, а военным министром – генерал Дуань Цижуй.

№ 110

1912 г. сентябрь. – Телеграмма группы китайцев, проживавших за границей, пекинскому правительству с рекомендацией направить войска в Тибет и Внешнюю Монголию для защиты этих окраинных районов Китая от агрессивных действий великих держав

«Минь-ши-бао», 10 сентября 1912 года.

На днях от китайских резидентов за границей получена весьма длинная телеграмма по монгольскому и тибетскому вопросам сле-

дующего содержания: «Упрочение в Китае республиканского строя встречает, конечно, серьезные затруднения, причем особую тревогу должно внушать не внутреннее состояние страны, так как водворение здесь прочного административного порядка является делом сравнительно легким, а то обстоятельство, что иностранные державы, воспользовавшись благоприятным для них случаем, стремятся захватить окраинные владения Китая и нанести ущерб нашим суверенным правам. В настоящее время Япония, Россия и Англия вызывают беспорядки в Монголии и Тибете с целью захватить эти страны. Если китайское правительство не проявит в данном случае своего авторитета и силы, то нам будет грозить сперва потеря наших окраин, а затем и внутренних провинций. В настоящее время за границей внимательно следят за решением, которое примет китайское правительство по вопросу об организации похода в Монголию. В эту опасную минуту нельзя показывать своего бессилия и спокойно готовиться к уступкам. Мы слышали, что со стороны Японии и России предъявлено требование об удалении из Монголии представителей китайской администрации и китайских войск. Мы слышали также о предъявленном Англией требовании об отозвании направленной в Тибет военной экспедиции, об отказе Китая в будущем иметь китайские гарнизоны в Тибете, а также об отказе китайского правительства ввести в Тибет общую провинциальную систему администрации. Согласится ли правительство на эти требования и допустит ли оно, чтобы Хутукта и Далай-Лама заключали внешние займы под обеспечение монгольских и тибетских земель, – вот вопросы, которые нас крайне интересуют. О возможности потери важных для нас областей Монголии и Тибета при республиканском строе, тогда как они не были потеряны в период правления Да-цинской династии, не только не могли думать мы, китайские резиденты за границей, но столь благоприятного для себя случая не ожидали даже Япония, Россия и Англия. Нельзя допускать, чтобы Лу Чжэн-сян, коему поручено руководство внешней политикой, ссылаясь на болезнь, не обращал бы внимание на монгольский и тибетский вопросы, и необходимо, чтобы правительство немедленно же начало с Японией, Россией и Англией самые серьезные переговоры по монгольскому и тибетскому вопросам и, опираясь на силу, не допустило бы их вмешательства в монгольские и тибетские дела. С другой стороны, необходимо приступить к формированию отборного отряда войск, который под начальством одного из храбрых и опытных военачальников, как, например, Хуан Син¹ или Ху Ин², мог бы отправиться в Монголию и Тибет. При таких условиях не трудно было бы обессилить тибетцев и монголов и умерить агрессивные замыслы Японии, России и Англии.

Вопросом о снабжении войск правительство не должно быть обеспокоено, так как мы, проживающие за границей китайцы, готовы свои последние средства пожертвовать на это дело. Ввиду сего если прави-

тельством выработан определенный план действий против Монголии и Тибета, то мы просим его нам сообщить, после чего мы немедленно переведем в распоряжение правительства необходимые ему средства».

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 341, л. 125–127. Перевод с китайского, современный подлинник.

¹ Хуан Син – один из руководителей Синьхайской революции 1911–1913 гг.

² Ху Ин – участник Учанского восстания 10 октября 1911 г.; был первым министром иностранных дел Учанского революционного правительства.

№ 111

1912 г. августа 9. – Секретная телеграмма Управляющего Министерством иностранных дел А.А.Нератова посланнику в Пекине В.Н.Крупенскому о том, что правительство Англии отрицает право китайского правительства единолично вмешиваться в управление Тибетом и не признает приравнение Тибета к обычной китайской провинции

Эттер¹ телеграфирует (шифром): Грей² сообщил нотой о принятом решении формальным актом определить отношение английского правительства к Тибету: посланнику в Пекине поручено уведомить китайское правительство, что, признавая суверенные права Китая, Англия отрицает его право единолично и активно вмешиваться в управление Тибетом, что противоречит статье 1 Конвенции 1906 года³. Англия поэтому не может допустить замещения китайцами административных должностей в Тибете, ни доктрины, обнародованной Юань Шикаем, о приравнивании Тибета к собственно китайской провинции. Формально возражая против подобного определения статута Тибета, Англия противится усилению настоящего состава китайских войск в Лхассе и Тибете. Настаивая на необходимости письменного соглашения на означенной базе с Китаем, Лондонский Кабинет предупреждает о прекращении отныне же сообщений между Китаем и Тибетом через Индию, за исключением случаев вывода войск обратно в Китай.

Подлинник ноты первым случаем.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 412, л. 54. Подлинник.

¹ Эттер – сотрудник российского посольства в Великобритании.

² Э.Грей – министр иностранных дел Великобритании.

³ Англо-китайская конвенция от 27 апреля 1906 г.

1912 г. декабря 27. – Секретное письмо
генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова
заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову
о реакции прессы Британской Индии на заявление Агвана Доржиева
о возможности установления протектората России и Англии
над Тибетом

Как я имел честь донести Вашему Превосходительству телеграммой от 22 декабря, здешняя английская пресса не замедлила откликнуться на сообщение «Нового времени» о том, что Доржиев находится в Урге, что он заявил о независимости Тибета и о своих полномочиях для заключения договора между Тибетом и Монголией, а также о своем намерении вступить в переговоры с нами о совместном протекторате России и Англии над Тибетом, с предоставлением обоим государствам эксплуатации естественных богатств Тибета, постройки железных дорог и проведения телеграфа¹. Здесь перепечатана также телеграмма «Daily Telegraph» из Пекина касательно полной осведомленности и уверенности китайского правительства в том, что всякое действие Далай-Ламы за последние месяцы было предпринято по соглашению с русскими агентами в Урге. Одновременно сюда сообщают из Калимпонга, что последние остатки китайских войск сдались тибетцам и во главе с генералом Чунгом (Чжуном) направляются в Китай через Индию. На границу командирован английский офицер для встречи и проводов отряда. Китайских войск не станут здесь задерживать, так [как] своим буйным поведением солдаты причиняют немало хлопот полиции.

Хотя переданное «Новым временем» известие и представляется вымышленным², я имею полное основание думать, что комментарии газеты «Пионер» отражают точку зрения индийского правительства на тибетский вопрос, а потому считаю долгом привести их полностью. «Впредь до представления Доржиевым полномочий от Далай-Ламы мы склонны будем думать, что его теперешняя миссия столь же самозванна, как те, которые несколько лет тому назад оказались столь губительными для Далай-Ламы. Великобританское правительство не может допустить совместного протектората России и Англии. Интересы России в Тибете весьма ничтожны; между тем длинная граница вынуждает Англию быть серьезно озабоченной судьбой Тибета как в отношении политическом, так и ради интересов торговли. Будущее Тибета зависит от Лондона и Пекина, и события последнего времени показали, что будет очень трудно добиться удовлетворительного разрешения этого вопроса. Желание Доржиева втянуть Монголию – остроумно, так как этим самым русская дипломатия была бы привлечена

к переговорам, а этого ни Англия, ни Китай допустить не могут. Эти два правительства предпочтут обсудить спорные вопросы касательно Тибета без постороннего вмешательства, как бы трудно ни было их разрешение».

Враждебная России газета «Englishman», высказываясь в том же смысле о недопустимости протектората над Тибетом, прибавляет: «К сожалению, наше признание суверенитета Китая лишает нас возможности вести переговоры с Далай-Ламой. Но мы могли бы последовать примеру России в Монголии и заявить, что изгнание китайцев из Тибета изменило положение вещей, а потому нам следует сговориться с Тибетом непосредственно. Китай вряд ли теперь сможет снова покорить Тибет, который рискует поэтому попасть под влияние России. Правда, существует наша конвенция 1907 года, но могут возникнуть обстоятельства, которые заставят Россию отказаться от соглашения. В случае, например, возникновения европейской войны, в которой Англия отказалась бы присоединиться к Двойственному союзу³, Россия не упустит случая причинить нам затруднения в этой области».

Сегодня здесь перепечатана выдержка из «Times», в которой проповедуется посылка резидента в Лхассу, и местные газеты поместили обширные передовые статьи, выражающие полную солидарность с мнением лондонского органа и указывающие, что эта мера – единственное разрешение вопроса.

Я считаю своим долгом изложить Вашему Превосходительству те выводы, к которым меня привело внимательное наблюдение не только за здешней прессой, но и за действиями индийского правительства и настроением администрации, поскольку это возможно при строгой тайне, в которой здесь держится все то, что происходит на индо-тибетской границе. Вся деятельность Англии приводит меня к непоколебимому убеждению, что проповедуемая газетой «Times» мера будет осуществлена. Если не официальный резидент, то какой-нибудь агент будет непосредственно сноситься с Далай-Ламой от имени правительства. Будет ли он жить в Лхассе, или «в семи верстах», где теперь Далай-Лама, или на полпути между границей и Лхассой – совершенно все равно. Суть дела в том, что англичане не стали бы выпроваживать китайские войска, строить дороги, задерживать всякое «подозрительное» лицо, направляющееся в Лхассу «ради прекрасных глаз» Далай-Ламы. Своим пребыванием в Индии и всем дальнейшим своим поведением Первосвященник дал англичанам в руки столько оружия, что в этой игре им выигрыш обеспечен. До сих пор трудно указать на какие-либо конкретные факты, дающие нам право обвинить Англию в прямом нарушении соглашения с нами. Нет никакой возможности быть точно осведомленным о том, что творится на границе и насколько

ко теперешний «торговый агент» в Гьянтце облечен политическими полномочиями. Но для меня представляется несомненным, что Англия не хочет упустить случая сохранить «la haufft main» над тем, что происходит в Тибете, и что обстоятельства складываются для них весьма благоприятно.

Если бы возник вопрос о пересмотре нашего с Англией соглашения, наше признание за нею права проникновения в Тибет носило бы теперь характер не вынужденного признания факта, а добровольной уступки, ценою которой мы вправе были бы требовать соответственных «компенсаций» там, где они нам нужнее, т.е. на афганской границе. Я имею основание думать, что такая постанова вопроса была бы очень не по сердцу англичанам, ибо она лишила бы их возможности безнаказанно игнорировать наше соглашение. В Афганистане конвенция 1907 года нам не на радость, и мы вряд ли долго будем терпеть теперешнее положение вещей. Мне кажется, что, если мы упустим настоящий благоприятный момент для одновременного пересмотра афганских и тибетских статей соглашения, мы проиграем в Тибете и ничего не добьемся от Англии в Афганистане. Когда Англия явно отступится от конвенции или вместо сэра Эдуарда Грея будет Лансдоун или Керзон, «дружественный обмен мнений» будет значительно затруднен. Ваше Превосходительство помнит обстоятельства, при коих имела место в 1904 году экспедиция полковника Юнгхезбенда. До настоящего времени многие государственные люди, думается мне, и уж, конечно, значительное большинство англичан в Индии не могут забыть того, что благодаря вмешательству русской дипломатии экспедиция эта «не принесла тех результатов, которых Англия вправе была желать и ожидать». Англия только что потерпела фиаско в Пекине в вопросе о торговле опиумом. Суверенитет Китая над Тибетом уже сейчас мертвое слово, и Англия, конечно, пальцем не двинет, чтобы его оживить в угоду Китаю, а напротив, будет стремиться заключить новое соглашение с Далай-Ламой.

Моя аргументация не вполне правильна, если Ваше Превосходительство полагает, что у нас имеются в Тибете хоть какие-нибудь реальные интересы наподобие тех, которые мы бессильны теперь (при существующем отношении) отстоять дипломатическим путем в Кабуле. В таком случае, разумеется, наши уступки в тибетском вопросе при пересмотре соглашения приняли бы иную форму. Если же наши интересы выражаются туманной формулой покровительства религиозному главенству Далай-Ламы над русскими подданными бурятами, для меня не ясно, в чем признание за Англией некоторой доли политического контроля над Тибетом ради ограждения границы и неоспоримо крупных торговых интересов может поколебать престиж Восточного Папы⁴ в глазах его русской паствы.

С глубочайшим и пр.

¹ 18 (31) декабря 1912 г. «Новое время» опубликовало следующее сообщение собственного корреспондента из Урги: «Сюда прибыл из Лхасы Агван Доржиев, который сообщает о провозглашении независимости Тибета от Китая и возведении на престол Далай-Ламы. Доржиев уполномочен [Далай-Ламой] вступить в переговоры с Ургинским правительством о заключении дружественного договора между Монголией и Тибетом. Кроме того, Доржиеву поручено просить русское правительство войти в соглашение по вопросу защиты Тибета Россией и Англией. В случае принятия предложения Далай-Лама согласен предоставить обоим покровительствующим державам право беспошлинной торговли в Тибете, эксплуатации естественных богатств, постройки железных дорог и проч.».

² Сообщение «Нового времени» о заявлении А.Доржиева не являлось вымышленным.

³ Двойственный союз – военно-политический союз между Россией и Францией.

⁴ Восточный Папа – имеется в виду Далай-лама.

№ 113

*1913 г. – Записка Агвана Доржиева
Председателю Совета министров В.Н.Коковцову
с сообщением о том, что Тибет отделился от Китая
и образовал самостоятельное государство, которое готово
установить дружественные отношения
с Россией и Англией*

Когда маньчжурский Император отрекся от престола, в Тибет пришли китайцы и разграбили государственную казну и имущество – скот, хлеб и серебро частных лиц, предали огню храмы и жилища, всего на много миллионов рублей; убили и ранили несколько десятков тысяч человек. Имеется точный перечень произведенных китайцами опустошений, с указанием места, времени и сопровождавших эти опустошения обстоятельств. Ввиду таких невероятных жестокостей и притеснений со стороны китайцев Тибет ни в каком случае не может объединиться с ними в одно государство. Соответственно этому частью проведены, частью желательно провести следующие мероприятия.

1. Тибет, освободившись из-под власти маньчжурской династии, отделился от Китая и образовал самостоятельное, ни от кого не зависящее государство с правом принимать и отправлять послов в другие страны. Взамен прежних несправедливых порядков устанавливаются новые,

отвечающие благу и интересам тибетского народа. Тибет содержит армию для охраны своей безопасности, но ни на кого нападать не намерен.

2. Никакая держава не должна вмешиваться ни во внутренние, ни во внешние дела Тибета.

3. Тибет входит в дружественное соглашение с Россией и Англией. Англии и России предоставляются преимущественные перед другими права по торговле. При этом, так как ввоз английских товаров в Тибет весьма значителен и ввиду близости Индии особых затруднений не встречает, то в интересах тибетской казны эти товары будут облагаться умеренной пошлиной. Русский товар проникает в Тибет в незначительном количестве и издалека, потому будет освобожден от обложения. Другим странам также предполагается разрешить торговлю, но их товары будут облагаться пошлинами в полном размере.

4. Россия и Англия оказывают совместно помощь к тому, чтобы китайские войска не вводились в Тибет.

5. Тибетское правительство приглашает военных и других инструкторов и учителей, причем они могут быть приглашаемы или из любой страны, или только из России; этот вопрос решается совместно с русскими.

6. Тибет приобретает в России всякого рода оружие и снаряды и заключает займы.

7. Иностранцы допускаются к эксплуатации горных богатств (золото, серебро и др.), причем это право может быть предоставлено или всем державам, или одной России, или России и Англии вместе – вопрос этот решить согласно желанию России. Кому бы, однако, ни выдавались концессии на разработку горных богатств, концессионеры должны руководствоваться тибетскими государственными законами.

8. Россия и Англия имеют право открывать в Тибете отделения своих государственных банков. Другим странам предоставляется право на открытие лишь небольших кредитных учреждений.

9. В Тибете никому не будет предоставлено никаких монопольных прав (ни в промышленной, ни в торговой, ни в какой-либо другой области).

10. В целях развития русской торговли с Тибетом необходимо принять, возможно неотлагательные, следующие меры:

а) улучшить пути сообщения через Куку-нор и обеспечить торговые караваны от нападений разбойников, озаботившись искоренением последних;

б) учредить караван-сарай для хранения товаров в Куку-норе, Цай-даме и Накчу;

в) содействовать распространению в Тибете русских и тибетских денежных знаков, открытию учреждений мелкого кредита, товариществ и т.д.;

г) командировать в Тибет для изучения местного рынка и условий торговли серьезного, хорошо подготовленного человека.

Верно: За начальника отделения Канцелярии Совета министров – Э.Шольц.

Помета, сделанная в канцелярии Совета министров: Уполномоченный Далай-Ламы Цанид Ханчен Агван Доржиев представил эту записку Председателю Совета министров В.Н.Коковцову, который 6 апреля 1913 года передал ее министр[у] иностр[анных] дел С.Д.Сазонову.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 62–63. Копия.

№ 114

1913 г. – Содержание собственноручного письма Далай-ламы Николаю II, приложенного к Записке Агвана Доржиева Председателю Совета министров В.Н.Коковцову, которую он переслал 6 апреля 1913 г. министру иностранных дел С.Д.Сазонову

В 1901 г. от Вашего Императорского Величества было получено мною высокомилостивое письменное извещение о готовности Вашего Величества оказывать поддержку Тибету. С тех пор нас никогда не оставляли покровительство и дружба Вашего Величества: во время нашего пребывания в Монголии нам была пожалована военная охрана, не раз мы получили мудрые советы и указания по разным государственным делам, и было установлено русско-английское соглашение, весьма полезное для Тибета. Помимо всех этих не поддающихся оценке знаков внимания и помощи Вашего Величества нас, Далай-Ламу, и весь тибетский народ привела к несравнимому благовению и глубокой признательности нота Императорского правительства Китаю по поводу событий, кои явились причиной нашего выезда в Индию. Это благородное и бескорыстное заступничество и покровительство Вашего Величества были обсуждены Высшим советом святителей, князей и сановников Тибета, и решено занести об этом в государственные анналы и установить между русским и тибетским народами нерушимое, вечное согласие и связь.

В настоящее время хотя тибетский народ имеет великое желание обнародовать во всеобщее сведение о состоявшемся провозглашении Тибета независимым государством и об избрании нас царем Тибета, но ввиду желанья англичан, чтобы мы остались под властью Китая, и ввиду серьезных опасений, основанных на имеющихся у нас данных, возможного вторжения в наши пределы с ведома Англии китайских, бутанских или непальских войск, прежде чем мы сумеем подготовиться к вооруженному сопротивлению, что дало бы китайцам возможность вмешаться в наши дела и свести на нет все достигнутое нами путем кровавой борьбы, – ввиду всего этого мы посылаем Цанид Хан-

чена Агвана Доржиева для испрошения советов и милостивого решения Вашего Императорского Величества по следующим вопросам:

1. Об установлении через Россию дружеских отношений между Тибетом и Англией и о покровительстве и признании Россией и Англией независимости Тибета.

2. О посылке дипломатических представителей России и Англии в Лхассу. Если будет найдено в силу русско-английского соглашения 1907 г. невозможным учреждение дипломатического представительства в Тибете, то не найдет ли Россия возможным путем переговоров с Англией или другими великими державами иначе урегулировать создавшееся положение вещей, которое не соответствует более духу соглашений 1907 г., и установить новые гарантии неприкосновенности и нейтралитета Тибета.

3. О продаже оружия и командировании военных инструкторов. Если же почему-либо приобретение оружия в России будет найдено недопустимым, то о разрешении провозить его через территорию и по дорогам ее.

4. Об увеличении займа, заключенного в пекинском отделении Русско-азиатского банка, до 1 миллиона рублей.

5. О легализации положения нашего уполномоченного Цанид Хан-чена Агвана Доржиева.

На скорое разрешение этих неотложных вопросов, на сохранение навеки непоколебимых дружеских отношений между Россией и Тибетом и на установление между ними живых торговых и экономических связей путем особого договорного соглашения уповаю, помня Вашего Императорского Величества прежние милость и покровительство.

Верно: За начальника отделения Канцелярии Совета министров Э.Шольц.

| АВПР, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 64–65. Копия.

№ 115

1913 г. февраля 11. – Записка Агвана Доржиева министру иностранных дел С.Д.Сазонову о полном выходе Тибета из-под власти Китая и предложением правительству России активизировать тибетскую политику

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О ПОЛОЖЕНИИ ТИБЕТА

Возвратившись из поездки в Тибет, имею честь представить Вашему Высокопревосходительству собранные мною на месте сведения. Я имел возможность непосредственно видеть, в каком положении находится страна после происшедших там роковых событий, имевших последст-

вием изгнание китайских войск и властей. Я был также принят на английской территории Далай-Ламой. В целом ряде совещаний, устроенных по случаю моего приезда, было подвергнуто обсуждению создавшееся в Тибете положение и дальнейшие отношения страны к Китаю, России и Англии. В результате Далай-Ламой были подтверждены мне полномочия, в силу коих я уже в течение 20 лет являюсь единственным фактическим посредником в сношениях Тибета с Россией; я был снабжен письмом и подарками к его Императорскому Величеству, а также инструкциями для ведения переговоров с министром иностранных дел, с целью выяснить, окончательно ли Россия отказалась от всяких сношений с Тибетом и от прав, подтвержденных англо-русским соглашением 1907 года, или же и впредь будет в той или иной форме эти сношения и права поддерживать. Полагаю, что сведения о положении дел в Тибете не могут не представить некоторого интереса для Министерства иностранных дел, особенно ввиду положения, занятого Россией в Монголии. Политика Китая в отношении Монголии и Тибета развивалась в полном соответствии, потому и результаты получались одинаковые. В 1907 году Китай задался целью уничтожить в Тибете всякие следы самостоятельного управления и послал для того отряд хорошо вооруженного войска с пулеметами под начальством Джао-эр-сюня. Войско начало свои действия в Восточном Тибете чисто китайскими способами, монастыри были разрушены, святыни поруганы, драгоценности разграблены, мирное население наполовину перебито, наполовину разбежалось. При приближении отрядов к Лхассе Далай-Лама вынужден был искать защиты у англичан в Индии. Ужасы китайской экспедиции не могли не произвести впечатление на правительства России и Англии, и со стороны их последовали, как известно, представления в Пекин о прекращении в Тибете грабежей и убийств, однако китайское правительство, очевидно весьма довольное деятельностью Джао-эр-сюня и считая его задачу в Тибете оконченной, перевело его в Монголию¹, поручив ему расправиться с монголами теми же способами, какие он применял в Тибете. К счастью для монгол, китайская революция приостановила в корне это предприятие. Несомненно, что, не случись этого, тибетские ужасы повторились бы в Монголии, в ближайшем соседстве русских пределов, и вынудили бы русское правительство, силой вещей, к вооруженному вмешательству. Между тем китайское войско в Тибете оказалось лишенным всякой поддержки из Внутреннего Китая. Тогда тибетское население, хотя было почти лишено оружия, вступило с китайцами в продолжительную героическую борьбу, окончившуюся поражением китайцев. Остатки их заперлись в лагерь и были осаждены тибетцами. Во время всей этой борьбы англичане оставались немymi свидетелями и ничем фактически тибетцам не помогли. Но когда борьба окончилась в пользу тибетцев, то английская дипломатия выступила в Пекине с очень важной нотой, смысл которой состоял в том, что Анг-

лия высказывалась решительно против посылки китайских войск в Тибет и допускала присутствие китайского представителя в Лхассе лишь в качестве «советчика» по дипломатическим делам. Ответ Китая на английскую ноту последовал в минувшем декабре. В нем Китай настаивал на своем праве посылать и впредь в Тибет китайские войска. Когда я приехал в Лхассу, то она представила собой груды развалин. Остатки китайских войск еще находились в укрепленном лагере. По приказу Далай-Ламы было запрещено избивать оставшихся китайцев, они отправлялись эшелонами на границу Индии, сдавались там местным властям, кои препровождали их через Калькутту морем в Китай. Таким образом, фактически Тибет в настоящее время совершенно вышел из под власти Китая, и английское правительство такому положению не только сочувствует, но и оказывает весьма действительную поддержку. Поддержка выражается главным образом в том, что правительство Индии с большой готовностью эвакуирует из Тибета всех китайцев и не пропускает туда никого. Китайским республиканским правительством был послан чиновник в сопровождении 8 харчинских лам² с поручением уговорить Далай-Ламу примкнуть к Китайской республике, но англичане арестовали его в Калькутте и отправили обратно. Что же касается правового положения, то взгляд на него английского правительства явствует из вышеупомянутой ноты и является вполне благопрятным самостоятельности Тибета. Сохраняется только тень китайского суверенитета, вероятно, из желания не задевать китайского самолюбия. Состоявший при Далай-Ламе в Дарджилинге сэр Ch. Bell имеет на Далай-Ламу и его правительство большое влияние, и можно утверждать, что без совещания с Bell'ом Далай-Лама не решится предпринять никакого более или менее важного шага во внешней политике. Еще в 1910-11 году англичане увеличили количество своих войск в Дарджилинге; там были тогда построены казармы для двух полков гуркасов³. По самым последним сведениям из китайских газет, в настоящее время строятся уже казармы и в Лхассе, хотя во время моего там пребывания постройка эта еще не начиналась.

Известие это я считаю весьма правдоподобным потому, что англичане не пропускают в Тибет оружия и, очевидно, решили взять защиту Тибета в свои руки. Понятно, что одного присутствия в Лхассе английского гарнизона будет достаточно, чтобы Китай и не подумал о посылке туда своих войск.

Что подобное утверждение английского влияния в Тибете не исключает в то же время свободы сношений с Россией – этому лучшим доказательством служит отношение англо-индийского правительства к моей личности. В прежнее время я считался тайным агентом Русского правительства, человеком, подкупленным Россией для разжигания вражды между Тибетом и Англией. За поимку меня была назначена очень высокая премия, и я едва не попал в руки индийской полиции

на границе Непала. Ныне же я был принят на английской территории совершенно свободно, и даже газеты находили, что «Доржиев теперь не опасен». Ввиду этого я полагал бы, что настоящий момент является весьма благоприятным для урегулирования сношений России с Тибетом. Что сношения эти должны существовать, в этом вряд ли кто-нибудь будет сомневаться, их даже невозможно прекратить; из явных они тогда обратятся в тайные. В интересах России и Англии найти форму, в которой эти сношения могли бы осуществляться, не возбуждая подозрительности англичан; после постройки прекрасной железной дороги из Дарджилинга в Гян-Цзе Тибет стал легко доступен даже для обыкновенных туристов. Не может быть малейшего сомнения в том, что англичане приложат теперь усилия к развитию сношений Тибета с внешним миром, так как в этом заинтересована их торговля. Было бы крайне обидно и даже просто ненормально, если бы в силу какого-то недоразумения доступ в Тибет оставался затрудненным лишь для одних подданных русского царя.

Старший цанид-хамбо при Его Святейшестве Далай-Ламе Тибетском
Агван Доржиев
С.-Петербург

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 68–69, 69а, 69б. Подлинник.

¹ Джао-эр-сюнь (Чжао Эрсюнь) был переведен на высокую чиновничью должность не в Монголию, а в Маньчжурию.

² 8 харчинских лам – ламы из Внутренней Монголии. Харчины (харачины) – одно из монгольских племен.

³ Гуркасы (гуркхи) – народность, населяющая Непал. Находились на службе в англо-индийской армии.

№ 116

1913 г. августа 19. – Доверительное письмо генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову об обстановке в Тибете накануне открытия тройственной конференции Англии, Китая и Тибета в Симле

Я имею честь донести Императорскому послу в Лондоне телеграммой, переданной в С.Петербург, что объявленная лордом Морлеем¹ на 20-е числа августа конференция по тибетским делам вряд ли соберется в Симле ранее сентября. Сегодня первое сентября по новому стилю, а о приезде сюда тибетского и китайского делегатов еще и помину нет. Первый находится в Гьянтце, а второй все еще в Пекине. Здесь полагают, что на начатие переговоров в непродолжительном времени рассчитывать нельзя. Принимая во внимание свойственную китайцам при-

вычку тянуть – в особенности же теперь, при царящем на юге Китая хаосе². Кроме того, как ни скудны сведения, которыми здешний Департамент по иностранным делам делится с прессой о цели и ожидаемых результатах конференции, все же ясно, что для Китая от переговоров с Тибетом под «эгидой» индийского правительства особых выгод не предвидится, а потому есть основание думать, что пекинское правительство не очень будет спешить с присылкой уполномоченного. Как я уже имел случай доносить Вашему Превосходительству, получение каких бы то ни было сведений о деятельности англичан в Тибете непосредственно от секретаря по иностранным делам для меня крайне трудно. Сэр Генри Макмагон, будучи в личных отношениях со мной чрезвычайно предупредителен и любезен, не упускает, однако, случая подчеркнуть отсутствие за мной дипломатических функций, отклоняет обсуждение политических событий или начинаний индийского правительства и упорно держится принципа, что вся непосредственная о них осведомленность дается в Лондоне. О том, что делается в Тибете, я могу, таким образом, судить лишь из газет или из разговоров с людьми, не имеющими свойственного всем чиновникам здешнего иностранного департамента панического страха перед риском «выдать тайну».

Основываясь на этих данных, я смею, однако, подтвердить высказанное мной уже шесть месяцев тому назад убеждение, что индийское правительство твердо намерено извлечь возможную пользу из положения, создавшегося в Тибете после возвращения Далай-Ламы и ухода из Лхассы китайских войск под «эскортом» английских офицеров. В Гьянтце, как известно Вашему Превосходительству, находится английский «торговый агент». При нем «эскорт», человек 125. На днях здесь был офицер, посылаемый в Гьянтце для командования этим эскортом. Он служит в полку, квартирующем в бомбейском президентстве, и прямой путь его лежал, стало быть, из Бомбея в Калькутту и оттуда в Дарджилинг. Но он получил специальное приказание прибыть в Симлу за «секретными инструкциями». Из разговоров с этим офицером мне удалось выяснить некоторые данные, не совсем сходные с теми, которые попадают в здешние газеты. Оказывается, что в Гьянтце еще находится отряд в 500 китайцев, занимающих форт; напротив этого форта на незначительном расстоянии находится небольшое укрепление, занимаемое английским отрядом. Офицеру, отправляющемуся теперь в Гьянтце, поручено, между прочим, возведение нового форта для большей безопасности английского отряда. Ему, кроме того, по-видимому, предписано точно расследовать, сколько еще китайских войск осталось в Тибете. Отношения между Тибетом и Китаем, насколько я понимаю, озабочивают англичан в двояком отношении: с одной стороны, продолжающаяся неопределенность восточной границы Тибета и постоянные стычки на этой границе указывают на то, что китайцы не отказались от новых вторжений в Тибет

с востока; с другой стороны, если на юге Тибета остались сколько-нибудь значительные китайские гарнизоны, возможно, что присутствие их вызовет активное брожение в соседних с Индией Непале и Бутане. Трудно предвидеть, какими осложнениями теперешнее смутное положение вещей может грозить Индии, и на первый взгляд представляется несколько странным и весьма рискованным поручать одному офицеру с отрядом в 125 человек, изолированному в Гьянтце (пункт, с ноября по март отрезанный от сообщения с Индией), не только осведомительные функции, но и, до некоторой степени, роль умиротворителя между китайскими войсками и тибетцами. Мне кажется, что англичане играют опасную игру в расчете на свой престиж, если бы этот незначительный английский отряд подвергся нападению китайцев и потерпел поражение, англичанам несомненно пришлось бы снаряжать вторую, уже гораздо более значительную экспедицию.

Не зная, какой ответ был дан Императорским правительством на ноту великобританского посла в С. Петербурге от 15 /28 минувшего мая (копия этой ноты доставлена мне в литографии с последней вализой), я могу лишь на основании сделанного в палате лордом Морлеем заявления заключить, что Императорское правительство осведомлено об официальных намерениях Англии. Я постараюсь по мере возможности осведомлять Ваше Превосходительство о дальнейшем ходе событий, черпая сведения из случайных источников и передавая их лишь тогда, когда в подлинности их не будет сомнения.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 108–109 и об. Копия.

¹ Лорд Морлей – в правительстве Великобритании министр по делам Индии с 1905 по 1908 г.

² Летом 1913 г. в Китае происходила «вторая революция» (антиюаньши-каевское восстание верных республике войск на юге страны).

№ 117

1913 г. сентября 18. – Депеша генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о содержании интервью тибетского представителя на Симлской конференции Лончен Шатры, заявившего, что он будет настаивать на признании независимости Тибета

Милостивый Государь Анатолий Анатольевич,

В здешних газетах на днях напечатана не лишняя интереса беседа специального корреспондента с Лончен Чатрой (Шатрой), тибет-

ским уполномоченным на конференции в Симле; интервью это имело место 12 сентября (нового стиля) в Гантоке (Гартоке) Хотя, по свидетельству корреспондента, Лончен по поводу конференции высказался весьма сдержанно и кое-что из сказанного им составляет тайну, все же беседа выяснила главные пункты, на которых будет настаивать тибетский уполномоченный, а именно:

- 1) Признание независимости Тибета во внутренних делах и гарантия против вмешательства или вторжения Китая.
- 2) Окончательное определение границы.
- 3) Право непосредственных торговых и общественных (trade and social – последний термин не совсем ясен) сношений с англичанами без посредства китайцев и с китайцами без посредства англичан.
- 4) Право приглашать сведущих английских служащих для открытия промышленных предприятий (manufactures) и эксплуатации минеральных богатств Тибета.

Лончен далее рассказал корреспонденту, что, когда китайские войска уходили из Тибета, около тысячи человек остались там, приняли натурализацию (иначе говоря, вероятно, обзавелись тибетскими женами, сложили оружие и промышленяют тем же, чем сами тибетцы). «В Сиккиме, – говорит Лончен, – в прошлом году ходили слухи, что Далай-Лама приказал отрубить носы всем тибетским женщинам, вышедшим замуж за китайцев. Это, разумеется, ложь. Так как в то время мы воевали с китайцами, то существовала опасность передачи этими женщинами сведений неприятелю, и против этой опасности пришлось бороться путем угрозы страшным наказанием. Разумеется, мы вовсе не собирались приводить эту угрозу в исполнение».

Партия приверженцев Китая, по словам Лончена, перестала существовать. Никто казнен не был, но их «расселили» по отдаленным монастырям, «где им предложили предаться созерцательной жизни и стать благочестивыми ламами».

Таши-Лама вновь состоит в дружеских отношениях с Далай-Ламой и не вмешивается в политику. Относительно тибетских войск Лончен заявил, что обученных солдат имеется около 2000; китайцы оставили много оружия, но им разрешили унести затворы от ружей, заявили, что, явившись в Китай без них, были бы казнены. Оружие и амуниция хранятся под печатями впредь до окончания конференции. «Я думаю, – сказал Лончен, – что с небольшими отрядами китайцев мы справимся. Но если бы они собрали против нас сильное войско, мы не смогли бы противостоять им; вот мы и хотим, чтобы великобританское правительство нас от этого оградило». Лончен высказался против посылки британского резидента в Лхассу, так как в таком случае Россия захотела бы послать туда консула, и «пришлось бы служить слишком многим господам».

Тибетский уполномоченный уже прибыл в Симлу – ему отведено помещение в одной из обширных вилл, где в прошлом году жил фельдмаршал лорд Никольсон. Если китайский уполномоченный поспеет, открытие конференции предполагается 6 октября. Надо полагать, что работа будет идти очень медленно; китаец, очевидно, будет тянуть, а со стороны англичан на конференции нет переводчика, знающего оба языка – китайский и тибетский, что, понятно, сильно затян Timer переговоры. Мне кажется, что Лончену нетрудно будет добиться на конференции осуществления пункта 4 программы, ибо в нем, по моему мнению, вся суть, вся выгода и интерес для англичан.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.

Набоков

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 113–114. Подлинник.

№ 118

1913 г. октября 14. – Депеша генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о том, что тройственная Симлская конференция проходит в секретной обстановке

Когда открылась конференция по тибетским делам, газеты сообщили, что переговоры будут вестись строго конфиденциально. Правительство, по-видимому, намерено буквально придерживаться в этом случае дипломатической тайны, и если и посвящает влиятельного и пользующегося исключительным доверием вице-короля здешнего корреспондента официозного «Pioneer» в свои «тайные надежды, намерения и опасения», то под условием соблюдения последним упорного молчания. За отсутствием данных по существу дела газеты поэтому до сих пор сообщили лишь никому не нужные и не интересные сведения о том, что заседания происходят там-то, что делегаты представили свои полномочия, что председательствует сэр Генри Мак-Магон – словом все то, что и без газет всякому здесь известно, ибо само собой разумеется. До своего отъезда из Симлы я имел лишь один случай встретиться с тибетским и китайским делегатами – при обстановке, исключавшей всякую возможность разговора с ними, а именно – за большим обедом, данным в их честь губернатором Пенджаба. Китаец – дипломат, проведший 14 лет в Лондоне, свободно говорит по-англий-

ски, и если бы не желтый цвет кожи и необыкновенное уродство, его можно было бы принять за европейца¹. Тибетец носит национальный костюм, ни слова ни на каком языке, кроме родного, не говорит и не понимает и ни шагу не может ступить без своего ментора и переводчика – г. Белля, английского политического агента в Сиккиме и члена конференции.

Вице-король уехал из Симлы в день первого заседания конференции, по-видимому возложив всю ответственность за исход ее на сэра Генри Мак-Магона. Мне представляется, что переговоры будут продолжаться очень долго и что англичане опасаются обструкции со стороны китайца. Общее впечатление от отрывочных слухов, доходящих до меня, что английский уполномоченный приложит все усилия к тому, чтобы добиться от тибетского делегата согласия на те пункты, в которых Англия заинтересована, а уж затем постарается (или сделает вид, что постарается) уладить те вопросы, по которым неизбежны разногласия между его желтолицыми коллегами.

Руководствуясь секретной телеграммой ко мне с[татского] с[оветника] Козакова², сообщавшего об отказе Лондонского Кабинета осведомлять Императорское правительство через меня о ходе конференции, я не считал возможным испросить, как в прошлом году, разрешения на продление срока моего пребывания в Симле и завтра выезжаю в Калькутту.

Смею думать, что Вашему Превосходительству угодно будет одобрить мое убеждение, что при данных условиях – при явно и резко выраженном нежелании вице-королевского правительства посвящать меня в ход переговоров – дальнейшее пребывание в Симле могло бы лишь быть истолковано в смысле моего стремления окольными путями добыть сведения. Я полагаю, что, оставаясь здесь, я таким образом лишь отступил бы без нужды от принятого мной с самого начала положения, с достоинством которого несовместимы какие бы то ни было «окольные пути».

С глубочайшим почтением и проч. (...)

(подп.) Набоков

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 116. Подлинник.

¹ Китайскую Республику на Симлской конференции представлял Чэнь Ифань.

² Г.А.Козаков – директор Дальневосточного департамента МИД России.

1914 г. марта 7. – Денеша генерального консула
в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел
А.А.Нератову с мнением, что Сямлская конференция затеяна
англичанами с целью развязать себе руки в Тибете

Так как индийское правительство сочло нужным «для предотвращения интриг и ложных слухов, препятствующих успешному ходу переговоров» закрыть индо-тибетскую границу для англичан, китайцев и иностранцев на время конференции по тибетским делам, естественно, что в печать не проникает почти никаких сведений о том, что делается в Тибете. Скучные данные, появляющиеся в газетах, исходят, таким образом, исключительно из тибетских источников – от купцов, из которых в зимнее время только немногие рискуют переходить через Гималаи, и из писем частных лиц. При этом, разумеется, здесь умеют придавать этим известиям такую окраску, которая наиболее соответствует видам англичан. За последние дни упорное молчание нарушено. «Письма из Лхассы», неизвестно от кого исходящие, рисуют картину довольно безотрадную и создают впечатление, что в Лхассе царит чуть ли не паника, что Далай-Лама и его советник¹ потеряли голову и что столице грозит опасность со всех сторон. Рассказывают, что в Восточном Тибете происходят кровопролитные столкновения с китайскими войсками, наступающими с востока по четырем различным путям в количестве четырех дивизий. Возобновлению военных действий между Китаем и Тибетом дается следующее объяснение: когда после открытия конференции наступило перемирие, между китайскими офицерами и тибетцами установились дружеские отношения и они стали друг друга «угощать». И вот во время одного из таких «пиров», на который были тибетцами позваны китайцы, хозяева внезапно напали на своих гостей и всех их перерезали. Китайские офицеры, оставшиеся в своем лагере, узнали об этом, телеграфировали в Пекин, и китайское правительство решило немедленно принять репрессивные меры. Карательная экспедиция в количестве двух тысяч человек будто бы напала на тибетцев, нанесла им жестокое поражение и теперь двинулась в Лхассу. Опасность грозит Тибету и на непальской границе, так как Дурбар² Непала намерен будто бы силою добиться уплаты вознаграждения за убытки, причиненные непальским купцам во время прошлогодних междоусобиц в Лхассе, – и на границу уже посланы непальские войска.

Вместе с тем в самой Лхассе царит полная анархия. Между двумя главными монастырями – Дрепонгом и Серою – идет сильная распря не только на почве взаимных подозрений в симпатиях к китайцам, но и потому, что монахи окончательно деморализованы, отдаются пьянству, разврату и грабегам. Все эти бедствия якобы написаны в книге

судеб Тибета на 1914 год, и никакая тибетская власть не способна предотвратить их или положить им конец.

Конференция в Дели³ между тем медленно жует свою жвачку и, по-видимому, мало подвигается вперед. Будучи совершенно отрезан от каких бы то ни было сношений с индийским правительством, я не знаю, как долго она еще продлится. Сначала предполагалось, что к апрелю дело будет окончено. Но теперь, по-видимому, – насколько я мог судить из слов случайного собеседника – решено взять китайца и тибетца «измором», т.е. держать в Дели (где в апреле уже неистовая жара), пока они что-нибудь не подпишут.

Быть может, я ошибаюсь, но мне представляется, что вся эта дипломатическая канитель предпринята с исключительной целью развязать руки англичанам в Тибете. Чего бы китаец и тибетец в Дели ни подписали, какими бы «полномочиями» ни обладали и каких бы торжественных печатей к договору ни прилагали, ясно, что ни мифическое тибетское, ни малонадежное, когда дело идет о верности договорам, китайское правительство не будут соблюдать никаких договорных статей, для них не выгодных, не будучи принуждены к этому силою. Иными словами, англичане через некоторое время почтут себя вынужденными принимать «зависящие меры» для охраны международных соглашений, нарушаемых Тибетом, – а им только этого и нужно. Чем мутнее будет вода, тем крупнее рыба, которую англичане будут в ней ловить; и я нисколько не удивлюсь, когда через год или два в Лхассе водворится резидент «с подобающим эскортом», если только англичане придут к убеждению, что игра стоит свеч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 28–29 и об., 30. Копия.

¹ Советник – Агван Доржиев.

² Дурбар – здесь: совет знати и высших чиновников.

³ Последние заседания Тройственной конференции проходили не в Симле, а в Дели.

№ 120

1914 г. апреля 27. – Проект трехсторонней конвенции, парафированный на Симлской конференции представителями Англии, Тибета и Китая

(Текст, парафированный уполномоченными 27 апреля 1914 г.)

Его Величество король, китайский президент и Далай-Лама, побуждаемые искренним желанием урегулировать взаимным соглашением различные вопросы, затрагивающие интересы их государств, а также

урегулировать на будущее время взаимоотношения своих правительств, назначили своих уполномоченных... которые, явившись... согласились на нижеследующем:

Статья 1. Конвенция, подробное название которой указано в приложении к настоящей конвенции, сохраняет свою обязательную силу для высоких договаривающихся сторон, поскольку она не изменена, находится в соответствии и не противоречит какому-либо положению, предусмотренному настоящей конвенцией.

Статья 2. Правительства Великобритании и Китая, признавая суверенитет Китая над Тибетом и автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную неприкосновенность этой страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешнего Тибета (включая выборы и возведение в сан Далай-Ламы), которое должно остаться в руках тибетского правительства в Лхассе.

Правительство Китая обязуется не обращать Тибета в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибета или какой-либо части его.

Статья 3. Признавая особую заинтересованность Великобритании, в связи с географическим расположением Тибета, в существовании сильного тибетского правительства и в сохранении мира и порядка вблизи границ Индии и примыкающих государств, китайское правительство обязуется, за изъятием, предусмотренным ст. 4 настоящей конвенции, не посылать войск во Внешний Тибет, не посылать гражданских или военных должностных лиц и не создавать китайских поселений в этой стране. Если какие-либо военные отряды или должностные лица окажутся во Внешнем Тибете ко дню подписания настоящего соглашения, то они должны быть отозваны в течение срока, не превышающего трех месяцев.

Правительство Великобритании обязуется не посылать в Тибет военных или гражданских должностных лиц (за исключением конвоя агента) и не создавать поселений в этой стране.

Статья 4. Предшествующая статья не предполагает прекращения действия соглашения, согласно которому до сих пор высокое китайское должностное лицо с соответствующим конвоем проживало в Лхассе, но настоящим предусматривается, что указанный конвой ни при каких обстоятельствах не должен превышать 300 человек.

Статья 5. Правительства Китая и Тибета обязуются не вступать в сношения или соглашения друг с другом или с другими державами по поводу Тибета, за исключением сношений и соглашений между Великобританией и Тибетом, предусмотренных конвенцией от 17 сентября 1904 г., и между Великобританией и Тибетом, предусмотренных конвенцией от 27 апреля 1906 г.

Статья 6. Статья III Англо-китайской конвенции 1906 г. настоящим отменяется, и подразумевается, что в статье IX (d) Англо-тибетской конвенции 1904 г. выражение «иностранная держава» не относится к Китаю.

Торговле с Великобританией должно быть обеспечено не меньшее благоприятствование, чем торговле с Китаем или с наиболее благоприятствуемой нацией.

Статья 7.

а) Правила регулирования торговли 1893 г. и 1908 г. настоящим отменяются.

б) Тибетское правительство обязуется разработать совместно с британским правительством новые правила регулирования торговли для Внешнего Тибета, чтобы выполнить без промедления статьи II, IV и V конвенции 1904 г., при неперменном условии, что эти правила ни в чем не изменят настоящий договор, за исключением, предусмотренным в отношении китайского правительства.

Статья 8. Британский агент, резиденция которого находится в Джиантсе, может посещать Лхассу со своим конвоем, когда представляется необходимость совещаться с тибетским правительством по вопросам, возникающим из конвенции от 17 сентября 1904 г. между Великобританией и Тибетом, которые нельзя будет уладить в Джиантсе посредством переписки или иным путем.

Статья 9. Для целей настоящей конвенции границы Тибета и пограничная линия между Внешним и Внутренним Тибетом должны быть соответственно изображены красным и голубым на приложенной к настоящей конвенции карте.

Ни одно положение настоящей конвенции не должно быть истолковано в смысле ограничения прав, которые принадлежат тибетскому правительству во Внутреннем Тибете и охватывают право выбора и назначения высоких священнослужителей в монастырях и полный контроль во всех делах, связанных с религиозными установлениями.

Статья 10. В случае возникновения разногласий между правительствами Китая и Тибета в связи с настоящей конвенцией упомянутые правительства обязуются обращаться к британскому правительству за справедливым их разрешением.

Статья 11. (Статья, регулирующая порядок ратификации)¹.

Приложение

1. Конвенция между Великобританией и Китаем по поводу Сиккима и Тибета, подписанная в Калькутте 17 марта 1890 г.

2. Конвенция между Великобританией и Тибетом, подписанная в Лхассе 17 сентября 1904 г.

3. Конвенция между Соединенным Королевством и Китаем по поводу Тибета, подписанная в Пекине 27 апреля 1906 г.

Н о т ы

Обмен нотами установил следующие положения:

1) Высокие договаривающиеся стороны условились, что Тибет составляет часть китайской территории.

2) После выборов и возведения в сан Далай-Ламы, производимых тибетским правительством, Далай-Лама доводит о возведении его в сан до сведения китайского правительства, представители которого в Лхассе формально сообщают Его Святейшеству титулы, соответствующие его сану, пожалованные ему китайским правительством.

3) Установлено также, что выборы и назначение всех чиновников во Внешнем Тибете относятся к компетенции тибетского правительства.

4) Внешний Тибет не должен быть представлен в китайском парламенте или другом подобном учреждении.

5) Установлено, что конвой, состоящий при британском торговом агентстве в Тибете, не должен превышать 75% конвоя китайского представителя в Лхассе.

6) Правительство Китая настоящим освобождается от обязательств, предусмотренных статьей III конвенции 1890 г. между Великобританией и Китаем, о предупреждении агрессивных действий со стороны Тибета на границе Тибет-Сикким.

7) Китайскому высокому должностному лицу, упомянутому в статье IV, предоставляется право въезда в Тибет немедленно по выполнении условий статьи III, засвидетельствованном тремя лицами, уполномоченными подписать настоящую конвенцию, которые обязаны без промедления расследовать этот вопрос и доложить.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917. Серия 3, т. 2. М.-Л., 1939, с. 506-509. Оригинал документа на английском языке хранится в АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1481, л. 84-85 и об.

¹ Этот проект конвенции был передан С.Д.Сазонову послом Великобритании в Петербурге Дж.Бьюкененом 8 мая 1914 г. Сазонов предложил вычеркнуть из проекта статью 10 и изменить содержание статей 6 и 8 по договоренности с Министерством иностранных дел России. Статья 10 фактически ставила Тибет в зависимость от Великобритании.

1914 г. мая 10. – Памятная записка посольства Великобритании в Петербурге министру иностранных дел России С.Д.Сазонову о согласии министра иностранных дел Великобритании Э.Грея изменить статьи 6 и 8 и вычеркнуть статью 10 из проекта трехсторонней конвенции, парафированной уполномоченными Англии, Тибета и Китая 27 апреля 1914 г. на Симлской конференции, и его заверении, что Англо-русское соглашение 1907 г. о Тибете будет оставаться в полной силе

Различные вопросы, поднятые г. Сазоновым в его недавнем разговоре с сэром Джорджем Бьюкененом относительно Трехсторонней конвенции между Великобританией, Китаем и Тибетом, были подвергнуты тщательному рассмотрению со стороны сэра Эдуарда Грея и статс-секретаря по делам Индии. Сэр Эдуард Грей просит передать г. Сазонову свою большую благодарность за дружеский и примирительный дух, в котором он обсуждал вопрос. Однако ответ не может быть немедленно сообщен Императорскому правительству, вследствие необходимости снестись по этому вопросу с правительством Индии; с другой стороны, отсрочка на несколько недель подписания Трехсторонней конвенции сопровождалась бы риском нового возникновения затруднений между Китаем и Тибетом, что представляет такое серьезное соображение, которое делает почти невозможным отсрочку подписания.

Вследствие этого сэр Эдуард Грей предлагает принять следующий порядок.

Статья 10 вычеркивается и заменяется статьей, объявляющей, что английский текст является обязательным.

Что касается статьи 6 и 8, то правительство Его Величества готово обратиться к Императорскому правительству с официальным сообщением о том, что до достижения соглашения с Императорским правительством оно не воспользуется положениями, заключающимися в вышеупомянутых статьях. В случае если Трехсторонняя конвенция будет опубликована, то правительство Его Величества готово одновременно опубликовать и это официальное сообщение.

До достижения соглашения с Императорским правительством относительно вышеупомянутых пунктов правительство Его Величества не будет требовать никаких секретных обязательств, вроде предложенных г. Сазоновым. Правительство Его Величества будет в соответствии с вышеизложенными условиями толковать конвенцию 1907 г. как обладающую полной и связывающей силой.

Вследствие этого, принимая во внимание то обстоятельство, что права российского правительства будут полностью соблюдены и что впредь до достижения полного соглашения между двумя правительствами ни одна часть Трехсторонней конвенции, которая каким-либо

образом противоречит конвенции 1907 г., не будет введена в действие, сэр Эдуард Грей рассчитывает, что г. Сазонов не будет возражать против подписания правительством Его Величества указанного документа.

В итоге правительство Его Величества получает благодаря Трехсторонней конвенции согласие Китая и Тибета на соискание концессий в Тибете и на отправку британского торгового агента из Джиантси в Лхассу. Оно, однако, признает, что по соглашению 1907 г. необходимо также согласие России, и до получения этого согласия правительство Его Величества обязуется не пользоваться этими преимуществами.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Серия 3, т. 3. М.–Л., 1939, с. 84–85. Оригинал документа на английском языке хранится в АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 96–98 и об.

№ 122

1914 г. июля 3. – Секретная телеграмма российского поверенного в делах в Пекине В.В.Граве министру иностранных дел С.Д.Сазонову о заверении китайского правительства в том, что у него нет никаких агрессивных замыслов в отношении Тибета

Министр иностранных дел [Китая] через своего секретаря просит меня передать Вашему Высокопревосходительству, что китайское правительство, ознакомившись с речью сэра Эдуарда Грея, обвиняющей его в агрессивных замыслах в Тибете, считает долгом заверить Императорское правительство в отсутствии таковых. Переговоры прекращены вследствие чрезмерных требований тибетцев, поддерживаемых англичанами в вопросе о местности Чамдо, уступка коей считается китайцами невозможной с точки зрения национального достоинства¹. Китайский посланник должен сделать Вашему Высокопревосходительству аналогичное заявление.

Секретарь доверительно мне сообщил, что парафирование китайским делегатом соглашения было вызвано угрозами англичан устранить китайцев от участия в переговорах и договориться непосредственно с тибетцами.

(подп.) Граве

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 112. Подлинник.

¹ 3 июля 1914 г. закончилась Симлская конференция. На последнем ее заседании представитель Китая Чэнь Ифан не присутствовал. Китайское правительство было не согласно с линией границы между Внутренним и Внешним Тибетом на участке в районе Чамдо, предложенной на конференции представителем Великобритании А.Г.Мак-Магоном.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Терминологический словарь

- Амбань – резидент Цинского двора в Тибете с правом верховной власти над правительством Далай-ламы.
- Бодисатва (Бодхисатва) – в буддизме махаяны идеальное существо, которое выступает как наставник и образец для других людей. В представлении секты Гэлуппа, Далай-лама является воплощением одного из Бодисатв.
- Бурхан – скульптурное изображение Будды.
- Геген – высший сан в монгольской ламаистской церкви.
- Далай-лама – титул главы ламаистской церкви в Тибете и всех ламаистов мира.
- Дань – китайская мера веса, равная 59,68 кг.
- Дацан – ламаистский монастырь.
- Донир – управляющий, секретарь канцелярии в ламаистском монастыре.
- Дурбар – съезд князей в колониальной Индии; резиденция правителя.
- Зайсан – у монголов, бурят и калмыков командир военного подразделения.
- Калон (ка-лун, калун) – министр в тибетском правительстве.
- Лан (лян, лянь) – китайская денежная единица, равная 37,3 г серебра.
- Лхарамба – высшее ученое звание ламаистского духовенства.
- Хамбо(хамба)-лама – одно из высших званий в ламаистской иерархии, настоятель монастыря в Монголии, Бурятии.
- Ходак (хадак) – широкая лента из белого или голубого шелка, преподносимая в знак уважения.
- Хубилхан (хубилган) – перевоплощенец.
- Хуварак – буддийский монах.
- Хутухта – один из высших санов в ламаистской иерархии.
- Цанит – раздел буддийской философии.
- Цанит-хамбо (цаннид-хамбо, цантаб-ханбо) – духовный наставник высших лам.
- Цзандан – сандаловое дерево.
- Цзянцзюнь – командующий войсками в Китае.

- Абаза А.А. 15
 Агван-Лобсан-Джамсо 42, 43, 128
 Александр Михайлович, великий князь 15
 Александра Федоровна, императрица 106
 Алексеев Е.И. 21, 25, 52, 62, 64, 72, 103
 Алексей Николаевич, цесаревич 106
 Арсеньев Б.К. 144, 145, 148, 154, 163
- Бадмаев П.А.** 14, 15
 Балкашин 62
 Баньчэнь Эрдени 127, 128
 Безобразов А.М. 15
 Бель Ч. (Ch. Bell) 5, 144, 154, 155, 162, 172-177, 197, 203
 Белов Е.А. 32
 Бенкендорф А.К. 20, 22, 23, 55, 57, 58, 92, 104, 142, 148
 Берлин Л. 4
 Берти Ф. 165, 166
 Билингир 140, 141
 Бимбаев Р. 56, 103, 108
 Богданов 59
 Богдо-Цзонхава 106
 Богословский В.А. 4
 Бодису 125, 126, 128
 Бомпар 22, 23
 Браунс 102
 Бюокенен Дж. 208, 209
- Ван Цзуняо (Вень, Вэнь-цзаун-яо)** 127, 182
 Витте С.Ю. 14-16, 40, 42
 Владимиров В.В. 95
 Вуд 172, 173
- Галсанов 63, 103
 Га-лэ-дань-чи-ба 153
 Гамильтон 19
 Гартвиг Н. 45, 46, 48, 49, 57
- Граве В.В. 210
 Грей Э. 188, 191, 209, 210
 де Грот 18
 Грум-Гржимайло, братья 13
 Гуансуй см. Цзай Тянь
 Гхош С. 6
- Далай-лама *passim***
 Да-шоу 126
 Джебдзун-дамба-хутухта 26, 60
 Доржиев Агван (Лубсан Агван) *passim*
 Дуань Цижуй 186
 Дун-чжу-ван-цзя 132, 133
 Дылыков 111
- Екатерина II** 13
 Ензон Жамба-Ринбучи 37
- Жамьян** 159
 Жигмытов Очир 38
- Заяев Дамба Дорджи** 13
- Извольский А.П.** 8, 28, 29, 85, 89, 90, 92, 95, 98, 100, 101, 104-106, 116, 123, 124, 130, 132, 135, 137-139, 141, 142
 Иролтуев 61, 62, 70, 71
- Керзон Дж.** 6-8, 11, 18-20, 49
 Клемм В.О. 45, 46, 48, 49, 51, 78
 Козаков Г.А. 203
 Козлов П.К. 13, 95, 98
 Коковцов В.Н. 192, 194
 Колао-Чжуй (Го Лочжуй) 168
 Колесов Н. 179
 Коростовец И.Я. 29, 30, 121, 124, 130, 132-135, 137-139, 141, 142, 143
 Кострицкий 109
 Крупенский В.Н. 188
 Кузьминский М.Н. 26, 104, 105
 Куропаткин А.Н. 40, 42

- Ламздорф В.Н. 8, 16–19, 21, 23, 25, 40, 42–45, 55, 58, 60, 62–64, 66, 67, 70, 75, 79, 81–84, 93
- Леденл Г. 173
- Ленсдоун П. 20, 22, 23, 55, 57, 58, 191
- Леонтьев В.П. 4
- Лессар П.М. 21, 24, 25, 44, 45, 52–54, 57–60, 63–65, 68–71
- Линевич Н.П. 114
- Лончен Шатра 200–202
- Лосан 150
- Лубосан-Бальчжур 53, 126
- Луи Филипп 42
- Лу Чжэн-сян 186, 187
- Лэмб А. 6
- Люба В.Ф. 25, 26, 60–65, 68, 69, 72, 75, 83, 108, 113
- Лян Фан (Лян-фан) 138, 139, 142
- Лянь Юй (Лян Юй, Лень, Лен Юй, Юй) 53, 132–134, 136, 144, 151–153
- Макдональд 48, 49
- Малыгин 41
- Макмагон А.Г. 172, 199, 202, 203, 210
- Мангур 42
- Минто 79
- Монкочжуев Б. 13
- Морлей 198, 200
- Набоков К.Д. 198, 200, 202–204
- Надаров И.П. 62, 95
- Намхай 154, 156
- Нанда В. 6
- Нератов А.А. 164, 166, 167, 172, 179, 182, 188, 198, 200, 202, 204
- Никольсон А. 85, 87, 89, 90, 92–94, 100, 101, 116, 117, 142, 202
- Николай II 8, 12, 15–17, 19, 25, 27, 29, 30, 35, 42, 52, 57, 59, 66, 80–84, 89, 90, 92, 95, 100, 105, 106, 148
- Нован Лобсан 111
- Норзунов Убаши 39
- Оболенский Н.Д. 82
- Обручев В.А. 13
- Ольденбург С.Ф. 95, 160
- О’Мур Криг 146
- Орлеанский Филипп 42
- Остальцева А.Ф. 4
- Остриков П.И. 4
- Острроверхов А.Н. 53, 54
- Певцов М.В. 13
- Позднеев А.М. 13, 95, 98
- Покотилов Д.Д. 25, 26, 71, 80, 81, 84, 90, 100, 101, 104, 108, 113
- Полов А. 4
- Потанин Г.Н. 13
- Пржевальский Н.М. 13
- Пу И 127
- Пункан 159
- Пын кан тай-цзы 152
- Рабданов Б. 53, 54, 56, 61, 62, 86
- Ревелиоти Л.Х. 30, 167, 168, 172, 178, 179, 182, 184
- Ричардсон Х. 5
- Робертсон В.Р. 19, 20
- Роборовский В.И. 13
- Ронссон 147, 148
- Сазонов С.Д. 23, 148, 155, 162, 166, 170, 194, 195, 209, 210
- Семенников В.П. 14
- Семенов П.П. 95
- Снеллинг Дж. 6
- Снесарев А.Е. 4
- Солсбери Р.А.Т. 19
- Спринг-Райс 22, 23
- Сронцзан (Сренцзан) Гамбо 42, 43, 159
- Столыпин П.А. 103, 123
- Сувилов Н.И. 4
- Сунь Ятсен 179
- Таши-лама (Панчен-лама) 78, 79, 96, 201
- Ти Ралпачжан (Ти Римпоче, Тирем-бучи) 77, 159, 182
- Тисрун децзан 42
- Торенясаль 42
- То Чангчи 155
- Тсиен-Ши-Пао 148, 149
- Тубдан Чжамцо 10
- Тубден Цучиме 134
- Тунг Танглинг 182, 184

- Удай 102
 Угиен Вангчук 145
 Уоддель А. 5, 9
 Ухин-Ахалдаев 36
 Ухтомский Э.Э. 14, 16, 38, 42, 95
- Флеминг П. 5**
- Хабибулла 148
 Ханда-Доржи (Хандван) 26, 84
 Хардинг, вице-король Индии 155, 156
 Хитрово А.Д. 8, 102, 103, 107, 142
 Холщевников 26, 72
 Хопкирк П. 6
 Хорват Д.Л. 103
 Хубилай-хан 111, 114
 Хуан Син 187, 188
 Ху Ин 187, 188
 Хук 10
- Царун 161**
 Цзай Тянь (Гуанской) 24, 63, 68, 127
 Цзинь Дин-сюнь 184
 Цзян-цань 150
 Цин (И Куан) 9, 46, 80, 81, 143, 144
 Цыбииков Г. 13
 Цыдыпов 111
 Цыси 24, 63, 127
- Чарыков Н.В. 121, 122**
 Чжан Дэси 51
 Чжан-инь-ган 126, 127, 133
 Чжан Чжидун 125, 128
 Чжао Эрсюнь (Джао-эр-сюнь) 150, 196, 198
- Чжао Эрфын 134, 153
 Чжун Ин 131, 153, 184
 Чингис-хан 111
 Чиркин С.В. 128
 Чичагов Н.М. 95
 Чу-ань-гуань-цзя-му-ян 152
 Чунг (Чжун) 189
 Чунь (Цзай Фэн) 127
 Чэнь Ифань 203, 210
- Шаган 176**
 Шарак 176
 Шаумян Т.Л. 32
 Ши Сюй 125, 128
 Шишмарев Я.П. 60, 61, 65, 95, 142
 Шольц Э. 194, 195
 Шунь-чжи 43, 159
- Щекин М.С. 148, 150, 151**
 Щербатской Ф.И. 29, 156, 158, 160, 161, 164
- Эльтеков Н. 73**
 Эдуард, британский король 22
 Эттер 188
- Юань Шикай 30, 178, 179, 188**
 Ю Тай 53, 54
- Ямбо 41**
 Янггазбенд Ф. (Иенггезбенд, Юнггэсбенд, Юнггезбенд) 5, 47, 49, 80, 85, 87, 128, 163, 177, 191
 Янь-Чжи (Янчжи) 24, 27, 65, 68, 84

Указатель географических названий

- Алашань 119
Америка 121, 122
Англия *passim*
Ария 42
Афганистан 5, 7, 8, 14, 20, 22, 28, 30,
52, 114, 118, 191
- Багра 46
Багракот 47
Байкал оз. 36
Баодинфу 125, 126
Батан 48, 127, 128, 133
Бенгальская провинция 50
Бирма 52
Бомбей 41, 45, 46, 48, 51, 78, 128, 199
Брагяб 159
Брамапутра р. 47, 180
Брамахунд 48
Британская Индия 5, 6, 10, 15, 27,
45, 46, 48, 49, 55, 78, 79, 128, 137
Бутан 3, 10, 11, 47, 52, 128, 145, 155,
157, 161, 162, 200
- Ванкурень (Ван-хурень, Ван-хурэ) 26,
27, 84, 103, 108, 109, 112
Варшава 119
Вашингтон 133
Великобритания *passim*
Внешний Тибет 206, 207, 210
Внешняя Монголия 103, 184, 186
Внутренний Тибет 207, 210
Внутренняя Монголия 103, 109, 113,
114, 121, 128, 198
Восточная Монголия 163
Восточный Туркестан 9, 30, 178, 179
- Галауза 180
Ганток 172, 201
Гарток 13, 132, 181, 201
Гасмир 41
Германия 9, 22, 25, 42, 63–65, 68, 150
Гиантсе (Гиантце) см. Гьянцзе
- Гималаи 11, 16, 19, 21, 41, 175
Гнатонг 50
Гоби 98
Гонборе 41
Гонконг (Сянган) 168
Гуандун 128
Гуанси 128
Гумбун (Гумбун) 28, 102, 104, 105,
119, 124, 126, 127
Гьянцзе (Гиантсе, Джиантси) 49, 50,
80, 87, 147, 157, 167, 180, 181, 191,
198, 199, 200, 207, 210
- Дальний Восток 14–16, 21, 22, 25, 43,
52, 58, 62, 64, 72, 73, 114
Дарджилинг (Дарчжалин, Даржилин,
Доржилин) 30, 39, 45, 47, 49, 50,
58, 127, 132, 144, 146, 149, 150,
153–156, 160, 162–164, 168, 172–
174, 176–178, 197–199
Дарсандао 75
Дацзянлу 18, 40, 53, 54, 62, 86,
Дашилхумбо 119
Дели 205
Депунг (Дрепунг, Дрепонг) 183, 204
Джелеп, перевал 50
Джород 113, 114
Донгтце (Донгцзе) 180
Донкия, перевал 50
Доржилин см. Дарджилинг
Дунэ 56
- Европа 4, 8, 14, 37, 39, 155, 165
Египет 57
- Жачжэнь 132, 133, 134
- Забайкалье 3, 13, 14, 25, 71–73, 105,
110
- Индия *passim*
Иркутск 119, 120

- Кабул** 191
Калимпонг 173, 174, 178, 180, 189
Калькутта 39, 78, 127, 132, 141, 144-146, 148, 154, 155, 167, 168, 172, 179, 182, 189, 197-199, 200, 202-204, 207
Кам 42
Камбаджонг (Камба-Джонг) 47, 48
Канба, местечко 152
Кангра-Ямо, перевал 50
Кашгария 21, 28
Китай *passim*
Кобдо 113, 187
Коломбо 41
Корея 185, 186
Кукунор (Кукэнор, Цинхай) 28, 62, 95, 98, 119, 120, 127, 137
Кяхта 71, 108, 109, 111, 112, 119
- Лабран** 119
Ладак 40, 43
Ланьжоу 14
Ливадия 12
Литан 53, 127, 128, 133
Лондон 20, 21, 23, 25, 28, 41, 49, 51, 55, 79, 92, 104, 141, 154-158, 165, 176, 189, 198, 202
Лосойлин (дацан) 161
Лхаса (Лхасса) *passim*
- Маньчжурия** 21, 22, 45, 52, 64, 98
Марокко 57
Меконг р. 98
Монголия *passim*
Москва 119
- Наку, перевал** 50
Накчу (Нахчу) 119, 124, 129, 193
Непал 3, 10, 40, 41, 47, 49, 52, 128, 157, 198, 200
- Одесса** 41
- Падон (Падонг, Педонг)** 46, 47, 50, 51
Пакри (Пари-Джонг) 50, 56
Пари 58
Париж 166
- Пекин *passim***
Пенджаб 202
Персия 5, 7, 8, 14, 20, 22, 28, 52, 114, 118
Персидский залив 21
Петербург *passim*
Петергоф 89, 92, 95, 100
Помед, район Тибета 183
Поо 147
Портсмут 75
- Рагапур** 41
Ренок, местечко 147
Рима 48
Русский Туркестан 21
- Северная Монголия** 42
Седия 47, 48
Сейстан 21
Сера (монастырь) 10, 157, 183, 204
Сибирь 13, 14, 21, 39, 52, 64, 113
Сивок ущ. 50
Сикким 3, 5, 10, 11, 40, 45, 46, 48, 50-52, 128, 144, 147, 154, 161, 162, 168, 172-174, 176, 178, 201, 203, 207, 208
Силлигури 50
Симла 7, 9, 31, 46-49, 198, 199, 202, 203
Синин 24, 25, 27, 61, 63, 64, 67, 68, 135, 137
Синьцзян 12, 14, 43
Советская Россия 103
Средний Восток 28
Средняя Азия 14, 16, 28, 170
США 16, 122
Сычуань 53, 54, 129, 132, 151, 152, 183, 185
- Танг, перевал** 50
Тиста р. 46-50
Токио 186
Трансвааль 172
Троицкосавск 120
Туркестан 40, 43, 178, 179
Тютюкорин 41
- Улясутай** 105, 113

Урга 24-26, 28, 58-63, 65, 67, 70-75,
103, 105, 107-109, 111, 113, 119,
135, 186, 189, 192

Франция 22, 25, 26, 28, 63-65, 68,
115

Халха 59, 82, 119, 121, 128, 186

Ханькоу 53, 54, 119, 132

Хара-Хото 98

Харбин 103

Хуансы 125

Хуанхэ р. 98

Хубэй 128

Хунань 128

Хэнтэй 98

Царское Село 63, 80, 81, 84, 105, 122,
137

Цайдам 119, 193

Цейлон 42

Центральная Азия 3-6, 11-13, 15, 98

Цзинси 153

Цзянцзы 127, 132

Цинхай 24, 62

Чамдо 159, 210

Чжанцзай 58

Чжили (Хэбэй) 179

Чжинцзы (Чжанцзай) 56

Чита 14, 26, 70, 72, 120

Чумби (Чамби) 23, 49, 50, 58, 113,
115, 127, 167, 175

Чэнду (Чэн-ду-фу) 151

Шанхай 119

Шаньдун 179

Шигацзе 98, 127

Южная Африка 21, 172

Юньнань 37, 42, 54

Ялта 19, 39, 40

Янцзы р. 98

Япония 16, 24, 39, 42, 54, 75, 83,
117, 121, 124, 142, 150, 185-187

Ятун (Ядун, Ятунг, Ятонг) 11, 47, 85,
132, 167, 168

Summary

Russia and Tibet

*A Collection of Documents
from the Archives of Foreign Policy
of the Russian Empire*

The documentary study of Russian-Tibetan relations in the early 20th century deals with the scarcely explored pages in the history of international relations in Central Asia and Far East. The Collection of Documents consists of 122 original documents from the Russian Foreign Policy Archives, including correspondence between the Russian Czar and Dalai-Lama XIII, reports and letters from Russian diplomatic representatives and agents from London, Calcutta, Beijing and Urga. These documents show the significance of Tibet in Russian foreign policy, describe the features of its relationship with other countries, including China and Great Britain, detail attempts to consolidate its independence.

Unique documents demonstrate the role of Agvan Dorjiev in the establishment of Tibet's relationship with Russia and deal with Tibetan Missions in Russia in 1900 and 1901. The establishment of Russian-Tibetan relations has been connected with the characteristics of Russian Czarist Far Eastern and Central Asian politics as a part of the "Great Game" – Anglo-Russian rivalry in Asia. Tibetan Missions to Russia gave Lord Curzon a pretext to organize the British military expedition to Tibet in 1903-04. The Collection also includes the documents which review the Dalai-Lama's trip to Mongolia in 1904-06 and responses to it from the governments of Russia, China, Mongolia and Great Britain.

In the process of Anglo-Russian negotiations on disputable Asian problems it was Tibetan Question that became the *ballon d'essai* which created an opportunity for both sides to recognize one another's intentions. In accordance with the Anglo-Russian Convention of 1907, Russia and Great Britain abandoned attempts to interfere in Tibet. This agreement created an opportunity for China to strengthen its position in Tibet and to try to convert it into a subject province of China.

But the Chinese invasion of Tibet in 1910 and the Chinese dictatorship in Lhasa led to a Tibetan uprising. Following the Revolution in China in 1911, Chinese troops were removed from Tibet. In 1912 Yuan Shihkai sent a telegram to the Dalai-Lama announcing the restoration of the Dalai-Lama's official rank. The Dalai-Lama declared that he resumed the tempo-

ral and spiritual government of Tibet. This message was regarded in Lhasa as a formal declaration of independence of Tibet, but Chinese leaders ignored that fact. The last part of the Collection of Documents reviews the attitudes of Russia, China and Great Britain on the situation in and around Tibet by the eve of Simla Conference 1913-14.

The manuscript includes the Introductory Article and the List of Documents.

Содержание

Россия и Тибет в начале XX в. в зеркале неопубликованных архивных документов	3
--	---

Документы

№ 1.	1900 г. Письмо XIII Далай-ламы царю Николаю II с предложением установить контакты между Россией и Тибетом	35
№ 2.	1901 г. июня 12. Автобиография Агвана Доржиева	36
№ 3.	1901 г. ноября 26. Письмо Агвана Доржиева министру иностранных дел России В.Н.Ламздорфу с заверением способствовать делу установления отношений между Россией и Тибетом	43
№ 4.	1902 г. сентября 4. Телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине П.М.Лессару о том, что российское правительство не замышляет никаких агрессивных действий в отношении Тибета	44
№ 5.	1903 г. апреля 18. Секретное донесение российского консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о том, что правительство Британской Индии пока не замышляет решительных действий по отношению к Тибету	45
№ 6.	1903 г. июля 3. Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине П.М.Лессару с опровержением слухов о появлении русских в Тибете	45
№ 7.	1903 г. октября 17. Секретная телеграмма консула в Бомбее В.О.Клемма в Министерство иностранных дел России о подготовке англичан к военным действиям против Тибета	46
№ 8.	1903 г. октября 20. Секретное донесение консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о замыслах правительства Британской Индии направить военный отряд в Тибет.....	46
№ 9.	1903 г. октября 24. Секретное донесение консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о решении правительства Британской Индии предпринять военный поход в Тибет	48
№ 10.	1903 г. ноября 14. Секретное донесение консула в Бомбее В.О.Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвигу о намерении вице-короля Британской Индии Дж.Керзона занять англо-индийским отрядом долину Чумби, потом двинуть его на Гьянцзе и Лхасу.....	49

- № 11. 1903 г. ноября 29. Телеграмма китайского посланника в Лондоне Чжан Дэси в Вайубу (Министерство иностранных дел) о заявлении английского правительства, что якобы Россия возводит военные укрепления в важнейших пунктах Тибета 51
- № 12. 1903 г. декабря 7. Секретная телеграмма консула в Бомбее В.О.Клемма в Министерство иностранных дел России о вторжении англо-индийского военного отряда в пределы Тибета 51
- № 13. 1903 г. декабря 11. Секретная телеграмма наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексеева посланнику в Пекине П.М.Лессару с предложением остановить захват Тибета Англией путем воздействия на нее в одном из важных пунктов ее среднеазиатских владений..... 52
- № 14. 1904 г. января 29. Телеграмма Вайубу китайскому амбаню в Тибете Ю Тай'ю с указанием начать переговоры с англичанами, вторгшимися в пределы Тибета..... 53
- № 15. 1904 г. февраля 1. Секретная телеграмма *российского консула* в Ханькоу А.Н.Островерхова посланнику в Пекине П.М.Лессару о том, что тибетцы готовятся к войне с англичанами 53
- № 16. 1904 г. марта 8. Секретная телеграмма консула в Ханькоу А.Н.Островерхова посланнику в Пекине П.М.Лессару с сообщением о том, что в Дацзяньлу сосредоточиваются китайские войска для похода в Тибет 54
- № 17. 1904 г. марта 11. Телеграмма китайского амбана в Тибете Ю Тай'я в Вайубу с сообщением, что Россия привлекла на свою сторону Далай-ламу 54
- № 18. 1904 г. марта 16. Телеграмма Вайубу китайскому посланнику в Петербурге с указанием опровергать слухи об агрессивности Англии по отношению к Тибету 55
- № 19. 1904 г. марта 29. Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с осуждением вооруженной интервенции Британской Индии в Тибете 55
- № 20. 1904 г. апреля 28. Письмо Агвана Доржиева бурятскому чиновнику Раджанану Бимбаеву о жестокостях англичан в Тибете..... 56
- № 21. 1904 г. июля 5. Письмо директора Первого департамента Министерства иностранных дел Н.Гартвига посланнику в Пекине П.М.Лессару с сообщением, что английское правительство дало письменное заверение российскому послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу в том, что в политике Англии нет агрессивных замыслов в отношении Тибета 57
- № 22. 1904 г. июля 25. Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с сообщением о продвижении английских войск в глубь Тибета и ука-

	занием объясниться с министром иностранных дел Великобритании Г.Ленсдоуном по этому поводу, напомнив ему о его прежних заверениях, что Англия не ищет для себя привилегий в Тибете	58
№ 23.	1904 г. октября 24. Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о вероятных последствиях приезда Далай-ламы в Монголию	58
№ 24.	1904 г. октября 24. Продолжение документа № 23	60
№ 25.	1904 г. декабря 13. Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с предположением, что пребывание Далай-ламы в Монголии может быть полезным, если там Россия прибегнет к активной политике	60
№ 26.	1904 г. декабря 13. Продолжение документа № 25	62
№ 27.	1905 г. января 7. Секретная телеграмма военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта И.П.Надарова царскому наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е.И.Алексееву с сообщением селенгинского уездного начальника Балкашина, встречавшегося в Урге с Далай-ламой, о желании Первосвященника иметь при себе особого русского чиновника	62
№ 28.	1905 г. января 15. Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с мнением о том, что Далай-ламе лучше вернуться в Тибет	63
№ 29.	1905 г. января 17. Письмо царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексеева министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с предложением поселить Далай-ламу в России	64
№ 30.	1905 г. января 18. Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел с сообщением, что прибывшие в Ургу представители тибетцев просят Далай-ламу возвратиться на родину	65
№ 31.	1905 г. января 19. Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П.М.Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что назначение русского чиновника к Далай-ламе вызовет еще большую неприязнь к нему пекинского правительства	65
№ 32.	1906 г. февраля 10. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа о желании А.Доржиева вручить Николаю II подарки Далай-ламы	66
№ 33.	1905 г. февраля 1. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа с предложением вернуть Далай-ламу в Тибет	67

№ 34.	1905 г. февраля 26. Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел с сообщением, что пекинское правительство приказало Далай-ламе возвращаться в Тибет.....	68
№ 35.	1905 г. февраля 28. Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П.М.Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что маньчжурский амбань в Урге определил 7 марта как последний срок выезда Далай-ламы в Тибет	68
№ 36.	1905 г. марта 2. Выписка из секретного донесения российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел о совещании у Далай-ламы по вопросу о том, как защитить Тибет от притязаний Англии	69
№ 37.	1905 г. марта 6. Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П.М.Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что Далай-лама предпочитает ехать в Россию, а не в Тибет.....	69
№ 38.	1905 г. апреля 2. Секретная телеграмма посланника в Пекине П.М.Лессара министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о желани Далай-ламы поселиться в России и просьбой, чтобы Россия взяла под защиту Тибет от Англии и Китая	70
№ 39.	1905 г. апреля 14. Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы в Министерство иностранных дел о просьбе Далай-ламы к нему выяснить, может ли царское правительство дать заверение в том, что Россия будет открыто защищать Тибет от агрессии Англии и Китая	70
№ 40.	1905 г. апреля 22. Секретная телеграмма военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта Холщевникова начальнику дипломатической канцелярии царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И.Алексеева о пребывании А.Доржиева в Чите, который просит разрешения на поездку в Петербург.....	72
№ 41.	1905 г. апреля 25. Доклад А.Доржиева военному губернатору Забайкальской области генерал-лейтенанту Холщевникову с объяснением, почему ему необходима поездка в Петербург.....	72
№ 42.	1905 г. июня 21. Письмо Далай-ламы правительству России с просьбой оказать давление на правительство Великобритании, чтобы оно не посягало на Тибет.....	73
№ 43.	1905 г. июля 21. Секретная телеграмма российского консула в Урге В.Ф.Любы министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с сообщением, что Далай-лама предполагает выехать в Лхасу, оставив в России своим уполномоченным А.Доржиева	75
№ 44.	1905 г. сентября 16. Письмо Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о трудном положении Тибета в связи с вооруженным вторжением туда англичан	75

№ 45.	1905 г. сентября 25. Записка, составленная в Министерстве иностранных дел России, о переговорах с А.Доржиевым по вопросу возвращения Далай-ламы в Тибет	77
№ 46.	1906 г. января 4. Секретная телеграмма консула в Бомбее В.О.Клемма в Министерство иностранных дел России о пребывании тибетского <i>Панчен-ламы в Британской Индии</i>	78
№ 47.	1906 г. февраля 1. Письмо министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа Далай-ламе с изложением тибетской политики Англии и заверением, что будет обеспечена безопасность Первосвященника при его возвращении в Тибет	79
№ 48.	1906 г. февраля 8. Проект секретной телеграммы министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине Д.Д.Покотилу об отказе Далай-ламы ехать в Пекин	81
№ 49.	1906 г. февраля 10. Письмо Далай-ламы Николаю II, приложенное к Всеподданнейшей записке В.Н.Ламздорфа	81
№ 50.	1906 г. февраля 21. Доверительное письмо временно управляющего делами Министерства Императорского двора князя Н.Д.Оболенского министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу с сообщением времени тайной аудиенции Николаем II Агвана Доржиева	82
№ 51.	1906 г. февраля 22. Письмо Агвана Доржиева Николаю II о предложении Далай-ламы послать в Тибет российскую научную экспедицию	83
№ 52.	1906 г. февраля 23. Секретная телеграмма консула в Урге В.Ф.Любы министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу о согласии Далай-ламы вернуться в Тибет	83
№ 53.	1906 г. марта 8. Секретная телеграмма министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа посланнику в Пекине Д.Д.Покотилу с указанием поддерживать тяготение Далай-ламы к России	84
№ 54.	1906 г. мая 30. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского о предложениях по тибетскому вопросу, сделанных правительством Великобритании правительству России через английского посла в Петербурге А.Никольсона	85
№ 55.	1906 г. мая 31. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского о заявлении послу Великобритании в Петербурге А.Никольсону о том, что правительство России готово вести с ним переговоры по тибетскому вопросу	89
№ 56.	1906 г. июня 2. Секретная телеграмма министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине Д.Д.Покотилу с изложением предложений правительства Великобритании правительству России по тибетскому вопросу	91

№ 57.	1906 г. июня 3. Секретное письмо министра иностранных дел А.П.Извольского послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу с сообщением о согласии правительства России вести переговоры с английским послом в Петербурге А.Никольсоном по тибетскому вопросу на основе предложений правительства Великобритании	92
№ 58.	1906 г. июня 6. Отчет о совещании у министра иностранных дел А.П.Извольского по вопросу о судьбе Далай-ламы – возвращаться ли ему в Тибет или временно поселиться в Кукуноре	95
№ 59.	1906 г. июня 11. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского с мнением о том, чтобы Далай-лама временно поселился в пределах Китая поблизости от Тибета	98
№ 60.	1906 г. июня 12. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского с предложениями, на основе которых должны вестись его переговоры с английским послом в Петербурге А.Никольсоном по тибетскому вопросу	100
№ 61.	1906 г. сентября 28. Секретное письмо министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине Д.Д.Покотилову относительно прекращения официальных отношений с Далай-ламой в связи с прогрессом на англо-русских переговорах по тибетскому вопросу	101
№ 62.	1906 г. октября 16. Секретное письмо министра иностранных дел А.П.Извольского послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу о том, что царское правительство заинтересовано во влиянии Далай-ламы на монголов и не будет содействовать стремлениям китайского правительства вернуть его в Тибет	104
№ 63.	1906 г. ноября 17. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А.П.Извольского о получении от Агвана Доржиева благодарственного письма Далай-ламы Николаю II и подарков от него	105
№ 64.	Список подарков от Далай-ламы царю Николаю II, царице Александре Федоровне и наследнику Алексею	106
№ 65.	1906 г. Записка кяхтинского пограничного комиссара А.Д.Хитрово о пребывании в Монголии в 1904–1906 гг. Далай-ламы	107
№ 66.	1907 г. августа 18. Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета	114
№ 67.	1907 г. августа 18. Соглашение между Россией и Великобританией, касающееся Тибета	115
№ 68.	1907 г. августа 18. Нота российского Министерства иностранных дел Великобритании, врученная британскому послу в Петербурге А.Никольсону	116
№ 69.	1907 г. августа 18. Нота Великобритании российскому Министерству иностранных дел	117

№ 70.	1907 г. ноября 20. Секретная записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о более тесном сближении России с Монголией и Тибетом	117
№ 71.	1908 г. октября 15. Секретная телеграмма товарища (заместителя) министра иностранных дел Н.В.Чарыкова посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу с указанием дать совет Далай-ламе не обращаться за помощью к США	121
№ 72.	1908 г. декабря 2. Особый журнал Совета министров России о предоставлении денежной ссуды Далай-ламе	122
№ 73.	1908 г. декабря 10. Секретное донесение посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому с сообщением об отъезде Далай-ламы из Пекина и просьбой оказать ему денежную помощь	124
№ 74.	1909 г. декабря 9. Выдержка из секретного донесения царского консула в Бомбее С.В.Чиркина в Министерство иностранных дел России о том, что в правящих кругах Британской Индии считают, что Англо-русское соглашение 1907 г. сильно ослабило влияние Великобритании в Тибете и существенно укрепило там позиции Китая	128
№ 75.	1910 г. января 13. Доверительная грамота, данная Далай-ламой Агвану Доржиеву с полномочиями вести переговоры с правительствами России и Англии о восстановлении нарушенных Китаем прав Тибета	128
№ 76.	1910 г. января 14. Извлечение из письма Далай-ламы и трех тибетских министров Агвану Доржиеву о трудностях выехать им в Россию в связи с походом китайских войск на Лхасу	129
№ 77.	1910 г. января 30. Деша посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел России А.П.Извольскому о намечаемых пекинским правительством реформах в Тибете с целью укрепления там китайской власти	130
№ 78.	1910 г. февраля 11. Деша посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о том, что китайский резидент в Лхасе Лянь Юй захватил в свои руки управление Тибетом, игнорируя ламское правительство коренного населения	132
№ 79.	Письмо Далай-ламы, написанное в октябре 1909 г. посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу, с просьбой к России заступиться за Тибет, в котором китайские сановники Лянь Юй и Чжао Эрфын творят зло	134
№ 80.	1910 г. февраля 12. Телеграмма посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о том, что указом богдыхана Далай-лама лишен своего духовного сана	135

№ 81.	1910 г. февраля 12. Указ цинского богдыхана о низложении Далай-ламы	135
№ 82.	1910 г. февраля 13. Секретная телеграмма посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому с запросом, следует ли ему обратиться к китайскому правительству за разъяснениями по поводу разжалования Далай-ламы	137
№ 83.	1910 г. февраля 15. Выдержка из секретной телеграммы министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу с указанием предостеречь китайское правительство по поводу низложения Далай-ламы	137
№ 84.	1910 г. февраль 18. Секретная телеграмма посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о беседе с сановником Вайубу Лян Фаном по поводу низложения Далай-ламы	138
№ 85.	1910 г. февраля 18. Депеша посланника в Пекине И.Я.Коростовца министру иностранных дел А.П.Извольскому о политике цинского правительства в Тибете в связи с низложением Далай-ламы	139
№ 86.	1910 г. февраля 18. Секретная телеграмма министра иностранных дел А.П.Извольского посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу с запросом, следует ли царскому правительству добиваться отмены указа цинского богдыхана от 12/25 февраля 1910 г. о низложении Далай-ламы	141
№ 87.	1910 г. февраля 21. Секретная телеграмма министра иностранных дел А.П.Извольского послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу о содержании беседы российского посланника в Пекине И.Я.Коростовца с сановником Вайубу Лян Фаном по вопросу низложения Далай-ламы цинским правительством	142
№ 88.	1910 г. февраля 26. Письменное сообщение в Вайубу российского посланника в Пекине И.Я.Коростовца о том, чтобы цинское правительство воздержалось от поспешных шагов по отношению к Далай-ламе	143
№ 89.	1910 г. марта 1. Письменное сообщение управляющего Вайубу князя Цина российскому посланнику в Пекине И.Я.Коростовцу на его сообщение от 26 февраля 1910 г.	143
№ 90.	1910 г. марта 18. Выдержка из депеши генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о прибытии Далай-ламы в Британскую Индию	144
№ 91.	1910 г. апреля 11. Депеша генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о мерах, предпринимаемых правительством Британской Индии в связи с вводом китайских войск в Тибет	145

№ 92.	1910 г. мая 8. Депеша генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о повышенном интересе в Британской Индии к китайской политике в Тибете в связи с бегством оттуда Далай-ламы	148
№ 93.	1910 г. июля 5. Депеша поверенного в делах в Китае М.С.Щекина министру иностранных дел А.П.Извольскому о том, что посланец Далай-ламы привез представляющим Первосвященника в Пекине ламам письмо с просьбой передать содержание письма в Российскую миссию. Посланец устно сообщил М.С.Щекину, что Далай-лама, находясь в Британской Индии, питает недоверие к англичанам и просит царское правительство прислать к нему доверенное лицо	150
№ 94.	Изложение письма Далай-ламы, приложенное к депеше М.С.Щекина от 5 июля 1910 г.	151
№ 95.	1910 г. декабря 22. Секретная телеграмма генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел России о желании Далай-ламы посетить Лондон и Петербург ..	154
№ 96.	1910 г. декабря 23. Депеша генерального консула в Калькутте Б.К.Арсеньева в Министерство иностранных дел о трудном положении Далай-ламы в Британской Индии и его желании жить в России	154
№ 97.	1910 г. Письмо Далай-ламы Николаю II, привезенное в марте 1911 г. из Дарджилинга в Петербург профессором Ф.И.Щербатским, об отказе Лондона принять Первосвященника и просьбой к русскому царю взять на себя заботу по решению тибетского вопроса	156
№ 98.	1910 г. Письмо Далай-ламы Агвану Доржиеву, привезенное из Дарджилинга в Петербург профессором Ф.И.Щербатским, о нежелании Англии помочь Тибету в борьбе с Китаем и надеждой на помощь России	160
№ 99.	1911 г. март. Записка профессора Ф.И.Щербатского в Министерство иностранных дел о необходимости установления непосредственных сношений между русским правительством и Далай-ламой	162
№ 100.	1911 г. апреля 21. Весьма секретное письмо временно управляющего Министерством иностранных дел А.А.Нератова бывшему министру иностранных дел, российскому послу в Париже А.П.Извольскому с просьбой прозондировать истинное отношение английского правительства к Далай-ламе, с тем чтобы подготовить почву к совместным действиям России и Великобритании в тибетском вопросе	164
№ 101.	1911 г. ноября 10. Письмо Николая II Далай-ламе с выражением сочувствия к трудному положению тибетского Первосвященника и советом ему проводить политику доброго согласия с английским правительством по тибетским делам	166

- № 102. 1911 г. декабря 10. Донесение вице-консула в Калькутте Л.Ревелиоти товарищу (заместителю) министра иностранных дел А.А.Нератову с сообщением о беспорядках в Тибете, связанных с началом Синьхайской революции в Китае 167
- № 103. 1911 г. декабря 10. Записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о его желании поехать в Тибет, положение которого, по его мнению, может серьезно измениться в связи с Синьхайской революцией 169
- № 104. 1911 г. декабря 20. Докладная записка Агвана Доржиева министру иностранных дел С.Д.Сазонову с предложением установить совместное покровительство России и Англии над Тибетом 170
- № 105. 1912 г. февраля 14. Донесение вице-консула в Калькутте Л.Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о посещении в Дарджилинге Далай-ламы и вручении ему письма Николая II от 10 ноября 1911 г. 172
- № 106. 1912 г. апреля 8. Декрет временного президента Китайской Республики Юань Шикая о том, что Тибет, Монголия и Восточный Туркестан являются территориями Китая и будут управляться так же, как и провинции Внутреннего Китая 178
- № 107. 1912 г. июня 1. Донесение вице-консула в Калькутте Л.Х.Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о провозглашении независимости Тибета и решении Далай-ламы вернуться из Британской Индии в Лхасу 179
- № 108. 1912 г. июня 4. Донесение вице-консула в Калькутте Л.Х.Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову об успешной борьбе тибетцев с китайскими войсками 182
- № 109. 1912 г. август. Запрос группы депутатов временного парламента Китайской Республики пекинскому правительству о том, какие меры им принимаются для сохранения суверенитета Китая над Тибетом и Внешней Монголией 184
- № 110. 1912 г. сентябрь. Телеграмма группы китайцев, проживавших за границей, пекинскому правительству с рекомендацией направить войска в Тибет и Внешнюю Монголию для защиты этих окраинных районов Китая от агрессивных действий великих держав 186
- № 111. 1912 г. августа 9. Секретная телеграмма Управляющего Министерством иностранных дел А.А.Нератова посланнику в Пекине В.Н.Крупенскому о том, что правительство Англии отрицает право китайского правительства единолично вмешиваться в управление Тибетом и не признает приравнивание Тибета к обычной китайской провинции 188
- № 112. 1912 г. декабря 27. Секретное письмо генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных

дел А.А.Нератову о реакции прессы Британской Индии на заявление Агвана Доржиева о возможности установления протектората России и Англии над Тибетом	189
№ 113. 1913 г. Записка Агвана Доржиева Председателю Совета министров В.Н.Коковцову с сообщением о том, что Тибет отделился от Китая и образовал самостоятельное государство, которое готово установить дружественные отношения с Россией и Англией	192
№ 114. 1913 г. Содержание собственноручного письма Далай-ламы Николаю II, приложенного к Записке Агвана Доржиева Председателю Совета министров В.Н.Коковцову, которую он переслал 6 апреля 1913 г. министру иностранных дел С.Д.Сазонову	194
№ 115. 1913 г. февраля 11. Записка Агвана Доржиева министру иностранных дел С.Д.Сазонову о полном выходе Тибета из-под власти Китая и предложением правительству России активизировать тибетскую политику	195
№ 116. 1913 г. августа 19. Доверительное письмо генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову об обстановке в Тибете накануне открытия тройственной конференции Англии, Китая и Тибета в Симле ..	198
№ 117. 1913 г. сентября 18. Дешеша генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о содержании интервью тибетского представителя на Симлской конференции Лончен Шатры, заявившего, что он будет настаивать на признании независимости Тибета	200
№ 118. 1913 г. октября 14. Дешеша генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову о том, что тройственная Симлская конференция проходит в секретной обстановке	202
№ 119. 1914 г. марта 7. Дешеша генерального консула в Калькутте К.Д.Набокова заместителю министра иностранных дел А.А.Нератову с мнением, что Симлская конференция затеяна англичанами с целью развязать себе руки в Тибете	204
№ 120. 1914 г. апреля 27. Проект трехсторонней конвенции, парафированный на Симлской конференции представителями Англии, Тибета и Китая	205
№ 121. 1914 г. мая 10. Памятная записка посольства Великобритании в Петербурге министру иностранных дел России С.Д.Сазонову о согласии министра иностранных дел Великобритании Э.Грея изменить статьи 6 и 8 и вычеркнуть статью 10 из проекта трехсторонней конвенции, парафированной уполномоченными Англии, Тибета и Китая 27 апреля 1914 г. на Симлской конференции, и его заверении, что Англо-русское соглашение 1907 г. о Тибете будет оставаться в полной силе	209

№ 122. 1914 г. июля 3. Секретная телеграмма российского поверенного в делах в Пекине В.В.Граве министру иностранных дел С.Д.Сазонову о заверении китайского правительства в том, что у него нет никаких агрессивных замыслов в отношении Тибета	210
---	-----

Приложения

Терминологический словарь	211
Указатель имен	212
Указатель географических названий	215
Summary	218

Научное издание

РОССИЯ и ТИБЕТ
Сборник
русских архивных документов
1900–1914

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *Л.С.Ефимова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *И.Г.Ким*
Компьютерная верстка *Н.А.Важенкова*

Подписано к печати 24.10.05
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отг. 15,4. Уч.-изд. л. 15,3
Тираж 800 экз. Изд. № 8152. Зак. № 2002

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

